

НАСЛЕДИЕ ЦАРЯ БОРИСА

ГКЧП

БЫЛ ЛИ ШАНС?

ДМИТРИЙ ЯЗОВ
ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ
ГЕННАДИЙ ЯНАЕВ

Annotation

ГКЧП — что это было? Попытка государственного переворота, обреченная на провал или последняя положительная альтернатива в истории нашей страны? Участники ГКЧП сами расскажут о том. Чем стали для них августовские дни 91 года и почему СССР пришел конец.

Уникальное собрание мемуаров участников ГКЧП, включая материалы, которые никогда не публиковались ранее. Откровенный рассказ об августовском путче, где рассказчиками выступают сами его инициаторы.

- [Дмитрий Язов, Владимир Крючков, Геннадий Янаев, Василий Стародубцев](#)
  - [Обращение к советскому народу государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР](#)
  - [Геннадий Янаев](#)
  - [Валентин Павлов](#)
  - [Дмитрий Язов](#)
    -
    - [Из Фороса — в Москву](#)
    - [Допросы в «Сенеже». Что делала армия в августе 91-го?](#)
    - [Новые допросы. Горбачев и «ядерный чемоданчик»](#)
  - [Олег Бакланов](#)
    -
    - [Олег Бакланов: Советская власть погибла из-за своей гуманности](#)
  - [Владимир Крючков](#)
    -
    - [Владимир Крючков о КГБ, ГКЧП и Путине](#)
    - [Последний из КГБ](#)
  - [Борис Пуго](#)
    -
    - [Пуго: сын об отце](#)
  - [Василий Стародубцев](#)
    -
    - [«В составе ГКЧП не было никого, кто бы мог стрелять в собственный народ»](#)
    - [«Никто не был готов стрелять в народ»](#)

- [Александр Тизяков](#)
  -
  - [Член ГКЧП \(отрывок\)](#)

**Дмитрий Язов, Владимир Крючков,
Геннадий Янаев, Василий Стародубцев
ГКЧП. Был ли шанс?**

Обращение к советскому народу государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрывааемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто по существу ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями.

Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того, чтобы заботиться о безопасности и благополучии

каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, более страшная, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония.

Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где слышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшись за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению и СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность. Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических

организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Геннадий Янаев

Янаев Геннадий Иванович (26 августа 1937 — 24 сентября 2010) — родился 26 августа 1937 г. в с. Перевоз Перевозского района Горьковской области. Специалист по сельскому хозяйству, Геннадий Янаев вступил в КПСС в 1962 г. Начинал партийную карьеру как комсомольский лидер в Горьковской области, где занимал должности второго (1963–1966), а затем первого секретаря обкома ВЛКСМ. В 1968 г. назначен председателем Комитета молодежных организаций СССР. В 1980 г. становится заместителем председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

В ходе «перестройки» Янаев занял более значительный пост — секретаря ВЦСПС по международным вопросам (1986–1989), затем получил должность заместителя председателя ВЦСПС (1989–1990). В апреле 1990 г. возглавил ВЦСПС как председатель (апрель — июль 1990), но на XXVIII съезде КПСС был избран членом ЦК (1990–1991), который, в свою очередь, утвердил Янаева членом Политбюро и секретарем ЦК по между народным вопросам (14 июля 1990 — 31 января 1991). 27 декабря 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев выдвинул Янаева на пост вице-президента СССР. Вскоре после избрания (Съездом народных депутатов СССР) Янаев оставил работу в Политбюро и Секретариате ЦК (31 января 1991). 19 августа 1991 г. Янаев и семь других высших советских руководителей провозгласили создание Государственного комитета по чрезвычайному положению и объявили о принятии Комитетом верховной власти в стране. В то время, как президент Горбачев был объявлен неспособным исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, Янаев принял на себя полномочия Президента СССР. Плохо спланированный захват власти провалился на третий день, и Янаев был арестован 22 августа 1991 г. по обвинению в государственной измене. Суд над Янаевым и 11 другими политическими деятелями откладывался до мая 1993 г. В феврале 1994 г. Государственная дума Российской Федерации одобрила законопроект об амнистии, в связи с чем уголовное преследование было прекращено.

— *Геннадий Иванович, в ваших монологах, ответах на вопросы многочисленных интервью, собственноручно написанных заметках слишком часто упоминается Горбачев. У плохо знающих вас людей может*

создаться впечатление, что над вами довлеет глубокая личная обида, острая, опять же сугубо личная, неприязнь по отношению к нему.

— Слово «обида» тут явно не подходит. Что же касается личной неприязни, то как всякий нормальный человек я имею на нее полное право. Вы много встречали людей, абсолютно свободных от этого чувства? Вряд ли. Да, я испытываю неприязнь к Горбачеву и не пытаюсь это скрывать. Но она, как мне думается, не мешает верно осмысливать, оценивать все, что произошло с нашей страной в 80-е — 90-е годы XX века. Вина Горбачева в разрушении СССР бесспорна, и никакая личная неприязнь не мешает понять эту простую истину.

— *Горбачев был первым и последним президентом Советского Союза. Вы были первым и последним вице-президентом СССР. Логично предположить, что и вы в известной мере повинны в распаде государства.*

— Логично предположить, что повинны мы все — и я, и вы, и другие бывшие советские люди, которые не смогли или не захотели предотвратить распад, но... В истории вина, ответственность за рукотворные глобальные катастрофы всегда персонифицирована. Иначе мы почти не вспоминали бы, например, Гитлера, а говорили бы о «плохих немцах», принесших неисчислимые бедствия человечеству. А это неправильно, ведь даже среди офицеров гитлеровской армии нашлись такие, которые намеревались ликвидировать фюрера. И наши современники, как известно, относятся к ним скорее положительно... Вы наверняка смотрели замечательный американский фильм-притчу «Пролетая над гнездом кукушки». Там главный герой пытался в доме для душевнобольных оторвать от пола тяжеленную раковину для умывания. Разумеется, у него ничего не получилось, но он с чувством выполненного долга, обращаясь к товарищам по несчастью, произнес: «Я хотя бы попытался»...

— *Вам могут возразить: вы слишком долго подходили к «раковине». Почему не пытались оторвать ее раньше?*

— В конце 80-х — начале 90-х мне было уже за пятьдесят. А в этом возрасте невелики шансы для того, чтобы мгновенно превратиться в Че Гевару. Как говорил Черчилль: «Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума». Под «зрелым консерватизмом» все мы понимаем не только какое-то политическое течение, но и присущий нам конформизм (некое подобие инстинкта самосохранения, если угодно), отказ от радикальных действий, желание преодолевать острейшие проблемы не революционными методами, а посредством взвешенных, тщательно продуманных решений. Да, иногда такой «консерватизм» бывает крайне вреден для государства и

общества, но с этим уж ничего не поделаешь. Так устроен мир, как говорится... К тому же в большинстве своем мы склонны переоценивать свои способности и возможности. Мне, например, казалось, что, находясь в окружении Горбачева, я смогу так или иначе влиять на его политику и тем самым принести пользу стране. Не получилось, иллюзии рассеялись. Теперь они меня не питают, и можно беспрепятственно заниматься переоценкой многих вещей...

— *Геннадий Иванович, расскажите, пожалуйста, вкратце о своих самых «ярких» впечатлениях от тюрьмы. И так же вкратце поведайте о второй составляющей известной пословицы — о вашей «суме». Ведь по сравнению с абсолютным большинством представителей бывшей советской элиты вы, можно сказать, нищий. Ни машины, ни особняка, ни каких иных атрибутов «обеспеченной жизни»...*

— Начну с ответа на вторую часть вопроса и скажу банальную вещь: не в деньгах счастье. Действительно, я не владею ни тем, что вы назвали, ни счетами в банках, ни чековыми книжками, ни акциями предприятий-монополистов. В нашем с супругой распоряжении обычная «советская» квартира да простенький дачный дом на шести сотках в садово-кооперативном товариществе. И меня это вполне устраивает. Бывало и похуже. Например, когда вышел из тюрьмы, «по понятным причинам» много лет нигде не мог трудоустроиться. И все же в 2002 году Валерий Александрович Квартальнов (ныне покойный), ректор Международной академии туризма, предложил мне место преподавателя в созданном им вузе. С тех пор там и работаю, за что этому прекрасному человеку буду по гроб жизни благодарен.

Что до тюрьмы, то ведь и в ней худо-бедно существовать можно. Меня она несколько не надломила, не деморализовала. Самые же «яркие», как вы выразились, самые незабываемые впечатления связаны с арестом и первыми днями неволи. В шесть утра 22 августа в мой кремлевский кабинет заявился генпрокурор РСФСР Степанков в сопровождении двух громил-оперативников. Они доставили меня в республиканскую прокуратуру (хотя еще союзная действовала) и передали «из рук в руки» следственной бригаде. Последовал многочасовой допрос — до позднего вечера. Следователи оказались в общем-то неплохими ребятами, сходили куда-то во время допроса и принесли мойву с хлебом, дали поесть. В девять вечера меня снова повезли — куда и зачем не сказали. По прибытии узнал: кашинский следственный изолятор в Тверской области. Оказался в одной камере с рэкетиром, неплохим, в сущности, парнем.

26 августа ночью перевезли в «Матросскую тишину», где уже

находились остальные гэкачеписты. Посадили в одну камеру со «стукачом», который «позиционировал» себя как насильника — старый, испытанный прием, используемый в отношении тех, у кого нужно получить «признательные показания». После туда подселили еще одного арестанта, пробывшего, правда, в той камере недолго. Ему на смену привели пожарного Юру, погоревшего на взятке в 3 тысячи рублей... Поначалу условия несколько угнетали: бивший в глаза свет от круглосуточно горевшей лампочки, жесткий тюремный режим и пр. Но привык понемногу...

— *В своих прежних беседах с журналистами вы не раз высказывали сомнения в том, что Б. К. Пуго застрелился. Что вас заставило усомниться в правдивости официальной версии?*

— Накануне ареста, когда уже было всем ясно, что «наша песенка спета», мы с какой-то спокойной (чтобы не сказать «веселой») обреченностью болтали с Борисом Карловичем по телефону — около 9 часов вечера 21 августа. Я ему из Кремля (где, как Гитлер в бункере, просидел все три «чрезвычайных» дня): «Ты баул собрал? Небось уже завтра твои коллеги «попросят» нас проследовать с ними...» А он, находясь в своей квартире: «Да вон Валюха собирает потихоньку. Сухарей только не успел засушить, больно быстро все закончилось». Прозвучавшее на следующее утро в электронных СМИ сообщение о том, что Борис и Валентина Пуго застрелились, меня как обухом по голове ударило. И, конечно, несколько поразили обстоятельства, при которых осуществлялся арест. То, что арестовывать министра внутренних дел СССР пришли высокопоставленные чины КГБ, МВД и прокуратуры, в общем-то нормально. Но что делало на этом «представлении» частное лицо по фамилии Явлинский?..

— *То, кто виноват в распаде СССР, мы в общем и целом выяснили. И все-таки поклонников Ельцина и Горбачева едва ли убедят ваши аргументы. Они все равно будут прибегать к сослагательному наклонению и настойчиво твердить: «А вот если бы ГКЧП не сорвал подписание Союзного договора, то СССР, пусть и в другом обличье и в другом качестве, удалось бы сохранить».*

— Мы, наверное, как-то помешали подписать этот пресловутый договор. Но только 20 августа 1991 года. И хотя, повторяюсь, уже само это подписание ставило крест на союзном государстве, допустим на минуточку, что Союзный договор, по большому счету, был полезен народам нашей страны. Кто мешал его подписать в сентябре или октябре? Да почему бы и не в конце августа! Мы, «путчисты», находились в тюремных камерах,

самое время им, подписантам, было отпраздновать победу демократии и после веселых победных застолий приступить к формированию Союза Суверенных Государств. Но никому это было не нужно. Все республиканские руководители доживавшего последние дни СССР прекрасно знали, что мыльный пузырь ССГ лопнет едва ли не в тот же день, когда его надуют. Ельцинский советник Бурбулис признавался, что еще в начале 1991 года они (то есть Ельцин и представители властей других союзных республик) планировали создавать именно то, что впоследствии получило название «СНГ». А это, с точки зрения государственного строительства, не просто ни то ни се, но абсолютное ничто...

— Упомянутая вами остановка сразу трех крупнейших табачных фабрик, две из которых находились (и по сей день находятся) в Москве, некоторые «мероприятия» в рамках пресловутой антиалкогольной кампании и многие другие рукотворные происшествия тех лет даже в глазах совершенно несведущих в политике граждан отнюдь не выглядели следствиями головотяпства, бесхозяйственности. Всем был очевиден злой умысел как чуть ли не единственная причина этих негодяйств. И, конечно же, правомерен вопрос: кто стоял за всеми подобными экономическими диверсиями в СССР? Горбачев? Какая-то неведомая нам тайная сила? Ведь, согласитесь, эти государственные преступления вполне подпадали под самые суровые статьи тогдашнего Уголовного кодекса и могли повлечь за собой не только длительные сроки заключения, но и высшую меру для злоумышленников? Отчего же они так рисковали? Кто дал им гарантии неприкосновенности?

— Детально прояснить ситуацию, пожалуй, могут лишь те, кто в эту широкомасштабную преступную деятельность был вовлечен. А эти деятели, как вы понимаете, откровенничать на сей счет не станут. Ясно одно: у Горбачева были все необходимые полномочия для того, чтобы подобные диверсии в стране пресечь. Не пресек. Не смог или не захотел? Если не смог, то почему? Если не захотел, то по какой причине? Понятно, что гигантский механизм разрушения экономики, основ государственности, права, социальной жизни был управляемым. А откуда он управлялся — из Кремля или какого-нибудь «Бильдербергского клуба» — наверное, все-таки не суть важно...

— В. А. Крючков рассказывал вам нечто такое, что до сих пор неизвестно российской общественности?

— Извините, как говорится, без комментариев...

— Почему?

— Закон запрещает публично отвечать на подобные вопросы, а я человек, несмотря ни на что, законопослушный. Это во-первых. Во-вторых, прекрасно осознавая, что далеко не все бывшие или нынешние представители государственного руководства соблюдают правила о неразглашении засекреченной информации, я, тем не менее, себе такого позволить не могу. Может, и хочется поделиться с согражданами кое-какими интересными для них сведениями, но, увы, не каждому это в нашем «демократическом» государстве позволено. Меня же, честно признаюсь, перспектива долгих, «задушевных» бесед с прокурорами и следователями вовсе не прельщает. Возраст уже не тот, да и здоровье...

— *Одна из довольно распространенных версий, касающихся взаимоотношений Горбачева и Ельцина, гласит о том, что их вражда была хорошо срежиссирована. Ну то есть, возможно, они и недолгобливали друг друга, однако действовали вполне синхронно, по одному зловещему плану. Вы можете опровергнуть такие догадки?*

— А они и действовали по одному плану, делали «общее дело». Однако в то, что Горбачев с Ельциным искусно, мастерски играли роли непримиримых взаимных врагов, сам не верю и верить никому не советую. Их самая настоящая, обоюдная, лютая неприязнь была хорошо известна всем, кто их хоть немного знал. Для подтверждения этого приведу пример из собственной «биографии». Как-то раз под началом Горбачева мы проводили заседание Совета безопасности. Оно было рассчитано примерно на 40 минут (генсек собирался на какую-то встречу) и носило скорее формальный характер, то есть вполне можно было и без него обойтись. Так вот, перед этим дежурным мероприятием я предложил В. А. Крючкову эдакое шутейное пари, заявив: спорим, дескать, я сорву это заседание. Владимир Александрович согласился поставить бутылку коньяка на то, что у меня ничего не получится. Как только начали заседать, я обратился к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, прежде чем перейти к повестке дня, хотел бы вот что спросить: до каких пор будем терпеть безобразия Ельцина? Неужели его никак приструнить невозможно!». И тут, как говорится, Горбачева понесло. Он все 40 минут посвятил рассказу о том, кто такой Ельцин, и даже чуть было на свою запланированную встречу не опоздал. Крючков с тех пор мне остался должен коньяк... Ну да ничего, «там» встретимся — сочтемся.

— *Геннадий Иванович, судя по вашим воспоминаниям, Горбачев обращался к вам «на ты», а вы к нему — «на вы». Чем это было продиктовано — разницей в возрасте, традиционной кремлевской субординацией, чем-то еще?..*

— Наверное, прежде всего воспитанием и культурным развитием самого Горбачева. Хотя и до него генсеки вели себя в чем-то похоже. Авторитет первого лица СССР в принципе был огромен, кто бы этим лицом ни являлся. Так что традиция тоже, по-видимому, играла свою роль.

— *В том, что Горбачев проникся к вам чувством товарищества, стоит ли искать какие-то точки соприкосновения в вашей и его биографиях? К примеру, связанные с сельским хозяйством юность и молодость, комсомольская работа...*

— Скорее причина в другом. Я, по-видимому, был очень нужен Горбачеву. Во-первых, как убежденный сторонник перестройки, коммунистических идей (а Горбачев, не будем забывать, являлся все-таки Генеральным секретарем ЦК КПСС), социализма и советской власти. А во-вторых — как опытный парламентарий. Ведь парламентаризм в широком смысле этого слова не ограничивается лишь выступлениями на депутатских съездах и принятием законов. Парламентскую практику, «процедурную школу» я осваивал, работая на руководящих должностях в Комитете молодежных организаций СССР, Союзе советских обществ дружбы, Международной организации труда, ВЦСПС. Все эти должности обязывали меня выступать с самых высоких, в том числе международных, трибун, и я этими обязанностями никогда не пренебрегал. Нередко участвовал в работе всевозможных съездов, ассамблей, конференций. Был лично знаком со многими европейскими общественными лидерами того времени (например, с финским — Э. Ахо, шведским — К. Бильдтом, германским — Г. Шредером).

Поэтому неудивительно, что в мою бытность депутатом I всесоюзного съезда приобретенный опыт давал мне немалую фору по отношению к тем, кто с парламентской деятельностью был знаком плохо. Многие из таких новичков, не зная толком ни процедурных нюансов, ни особенностей парламентской этики, «компенсировали» этот недостаток атакой (часто безуспешной) на микрофоны, толкотней возле них, невразумительными выкриками с мест, неуместными хлопками в ладоши и улюлюканьем. Все эти «шалости» можно было считать невинными, если бы не решались вопросы первостепенной государственной важности. Председательствовавший на съезде Горбачев постоянно терял контроль над ходом заседаний, и я, что в общем нормально, не раз приходил ему на выручку.

Так что, судя по всему, именно этот фактор сыграл ключевую роль в моей дальнейшей политической судьбе.

— *Если это возможно, расскажите немного о том, что мы, рядовые*

граждане, о Горбачеве не знаем. На пример, отчего, по вашему мнению, бывший президент великой державы рекламировал на телевидении пиццу — из-за недостатка материальных средств, из-за собственной жадности или по какой-то другой причине?

— Главная причина — элементарная жадность, этакая жлобская алчность. Лучшим подтверждением этих слов служит скандальная, прямо-таки мерзопакостная история, произошедшая в начале 1991 года в Южной Корее. Там Горбачев фактически получил взятку от тогдашнего южнокорейского президента Ро Дэ У (впоследствии обвиненного в коррупции и осужденного на 22 года тюрьмы) — банковским чеком на 100 тысяч долларов. Ро Дэ У положил этот чек президенту СССР в карман на виду у многочисленных делегаций и журналистов. В любой, как принято говорить, нормальной стране (в той же Южной Корее) за подобный проступок государственного руководителя отправили бы сначала в отставку, а затем и в «места не столь отдаленные». Но у нас нормальной страны нет вот уже более двух десятилетий. Потому и печатают громадными тиражами «откровения» главного разрушителя Советского Союза, посредством коих он, ну конечно же, отрицает все обвинения в его адрес. А тем временем идет рекламировать пиццу или мчится на Запад — читать свои бесценные лекции за баснословные гонорары.

— *Каково было воздействие опубликованного 23 июля 1991 года «Слова к народу» лично на вас и ваших товарищей по ГКЧП?*

— Это было очень яркое, искреннее, проникновенное воззвание. Воспринималось оно патриотически настроенной частью нашего общества с благодарностью и некоторой надеждой на лучшее будущее. Мы же, будущие гэкачеписты, в этом плане ничем от других патриотов Советского Союза не отличались. В основном писал этот возвышенный манифест, по всей видимости, Александр Андреевич Проханов. К сожалению, не все из тех, кто поставил свои подписи под «Словом», остались ему верны до конца...

— *С кем-либо из подписавших «Слово к народу» и ваших товарищей по ГКЧП общаетесь?*

— Чаще всего общались с Олегом Семеновичем Шениным, Александром Ивановичем Тизяковым, Олегом Дмитриевичем Баклановым. Олег Семенович в конце мая 2009 года ушел в мир иной. Также умерли в новом тысячелетии В. А. Крючков, В. И. Варенников, В. С. Павлов, В. И. Болдин...

— *Геннадий Иванович, известно ли вам, кто из журналистов или литераторов писал «Обращение к советскому народу», ну или занимался*

его литературной обработкой?

— Ну, насколько мне известно (воззвание ГКЧП готовилось еще до того, как согласился войти в него), основной автор и у «Слова к народу», и у «Обращения к советскому народу» — один, замечательный писатель, публицист, трибун А. А. Проханов. Но это совсем не удивляет. Гораздо удивительнее другое. В разработке других документов, планов, операций ГКЧП принимал самое деятельное участие тогдашний командующий ВДВ Грачев, который, как заправский Труффальдино, умудрился послужить в те августовские дни сразу нескольким «господам». Сначала активно «помогал» Язову, а 20 августа открыто переметнулся к Ельцину. Употребляю слово «открыто», потому что втайне Грачев обслуживал-информировал Ельцина, по всей видимости, еще до объявления о создании ГКЧП. Стоит ли после этого мучиться вопросом: отчего наше начинание завершилось крахом?..

— *За время вхождения в высшее руководство страны у вас был, по-видимому, самый высокий уровень допуска к секретным материалам. Если это возможно, в общих чертах расскажите, пожалуйста, что это были за секреты.*

— Многие секреты содержались в той самой «Особой папке», которую вовсю использует в своих телепрограммах наверняка известный вам Л. Млечин. Не стану акцентировать внимание на «творчестве» этого журналиста, однако отмечу один любопытный факт. После Августа-91, когда ельцинские «демократы» упивались победой над союзным государством, многие секретные архивы, относящиеся к советской эпохе, были ими опрометчиво приоткрыты. Причем для исследователей самой разной политической и морально-нравственной ориентации. Тогда же уважаемый мной историк Юрий Жуков почерпнул немало сведений для своих, основанных на подлинных документах, книг. «Поработали» с этими архивами, само собой, и всякие-разные волкогоновы. Когда же ельцинисты осознали, насколько опасна для них правда о прошлом нашей страны, они, как ни в чем не бывало, опять засекретили мегатонны официальных бумаг.

— *Вы никогда не задумывались над таким довольно «странным» в нашей новейшей истории феноменом, как вице-президентство? «Странность» его в следующем. Два вице-президента, вы и Руцкой, брали на себя в августе 91-го и в сентябре — октябре 93-го временные президентские полномочия, и оба раза это заканчивалось историческими «белодомовскими» событиями. Правда, вопреки известному афоризму, в первый раз инцидент больше походил на фарс (хотя и с привнесенными элементами трагедии), во второй же завершился самой настоящей*

трагедией — чудовищным расстрелом защитников «Белого дома». После той кровавой расправы вице-президентство приказало у нас долго жить...

— Я, конечно же, думал над этим любопытным совпадением. Действительно, в истории страны только мы с Руцким были вице-президентами. Причем в августе 91 находились, как говорится, по разные стороны баррикад. Ну что тут можно сказать... Такие совпадения, как правило, бывают обусловлены какими-то объективными или субъективными причинами. Я понимал, что Горбачев толкал страну к пропасти. Руцкой, по-видимому, в 1993-м осознал, что Ельцин в этом плане ничем не лучше Горбачева. Примешивались ли тут какие-то личностные факторы — тщеславие, властолюбие и т. п.? В случае со мной — однозначно нет. За Руцкого говорить не стану, пусть он сам за себя отвечает.

В связи с этими событиями весьма примечательны и другие обстоятельства. Например такое. Многие из тех, кто в августе 1991 года были, по сути, «защитниками Белого дома» в кавычках, в начале октября 93-го от этих кавычек (к сожалению или даже прискорбию) «избавились». Кто-то — ценой собственной жизни, тяжелого ранения или глубочайшей морально-психологической травмы. И как бы наши сограждане ни относились и к тому и к другому противостояниям, в обоих принимали участие прекрасные романтики, героические идеалисты, настоящие патриоты, истинно неравнодушные люди. Хотя и мерзавцев-provокаторов там тоже наверняка было немало...

— *Геннадий Иванович, известна ли вам подлинная причина убийства С. М. Кирова? Или хотя бы версия, которой придерживались верхи СССР? Имел ли место пресловутый «треугольник»: Николаев — Драуле (жена Николаева) — Киров?*

— По-видимому, Николаев просто-напросто был психически ненормальным, к тому же считал себя незаслуженно обиженным партией и ленинградским руководством. Был ли там любовный треугольник? Не знаю. Знаю только, что «убирали» многих свидетелей убийства Кирова, и едва ли в этом можно хоть в какой-то мере винить Сталина. Скорее всего троцкисты заматали следы, ведь их влияние в ленинградском политическом руководстве и органах НКВД было в то время очень велико. Именно в результате их попустительства (или даже пособничества) был совершен этот теракт. А вообще, гибель Кирова — чрезвычайно примечательный трагический феномен. В мировой истории и позже встречались довольно сходные во многих чертах политические убийства. Убийство президента США Кеннеди, например.

— *Вы много читаете. Читали, судя по всему, и книги Ю. И. Мухина, регулярно выпускаемые издательством «Алгоритм». Насколько правдоподобным находите предположение Мухина о том, что Сталину в марте 1953-го старательно помогли умереть?*

— Нахожу более чем правдоподобным. У меня нет оснований в этом сомневаться. Изучение обстоятельств смерти Сталина, который отнюдь не был безнадежно больным, позволяет сделать вывод: главе Советского Союза как минимум «не помешали» умереть. Стоял ли за этим невмешательством Хрущев? Вполне вероятно. Руководствовался ли он личными обидами? Вполне допускаю, учитывая то, что сына Хрущева расстреляли за тягчайшие военные преступления с молчаливого согласия Сталина. Но с полной достоверностью всей картины его смерти нам никакие документы, по-видимому, уже не прояснят. Хрущев их уничтожал после смерти генералиссимуса целенаправленно.

— *Доводилось ли вам или знакомым журналистам (по вашему ходатайству) покопаться в каких-нибудь особых архивах и выяснить в них то, что «широкой общественности» по сей день неизвестно?*

— Отвечу коротко: доводилось. А о подробностях распространяться не стану — по причине указанной ранее...

— *Вы специально отметили в своей статье факт очень важной сталинской инициативы, направленной на продвижение умных, энергичных молодых людей к руководящим должностям. Ныне это явление нередко характеризуют такими выражениями, как «ротация элит», «социальная мобильность», «социальный лифт». Как работал этот «лифт» после смерти Сталина?*

— Работал он по-разному и все же практически непрерывно. Ни для кого не секрет, что в годы «сталинской диктатуры» этот «лифт» двигался очень быстро и места в нем хватало для огромных масс перспективной молодежи. Затем его движение несколько замедлилось, а «площадь» этого подъемника сузилась. И тем не менее, даже в «застойные» времена, плавно пере текшие в «перестроечные», наиболее энергичные, или, как теперь говорят, «предприимчивые» молодые люди, не имея близкородственных связей в правящих кругах, успешно продвигались вверх по служебной лестнице. Естественно, своя «рублево-успенская прослойка» существовала всегда, однако, ознакомившись с биографиями нынешних «олигархов», мы легко установим, что далеко не все из них добились своего особого положения благодаря находившимся во власти папам и мамам, дедушкам и бабушкам. Другой вопрос — насколько полезна эта новая «элита» всему российскому обществу? Ответ лежит на поверхности: какое время — такая

и элита с ее запросами, амбициями, морально-нравственной «начинкой». Как сказал Некрасов: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Эту формулу, наверное, справедливо применить и к теперешней эпохе, и к ее наиболее влиятельным персонам.

— *Геннадий Иванович, почему вы особо выделили пивоваровский фильм о боях подо Ржевом?*

— Трудно было не выделить. Мне пришлось обсуждать эту заведомо враждебную по отношению к советскому народу-победителю телевизионную поделку (и подделку) со своими знакомыми, друзьями. Все они были, с одной стороны, удивлены тем, что в год 65-летия Победы на экраны российского телевидения вышла эта дрянь, с другой — возмущены таким ненавязчивым, высокотехнологичным, «контекстным» зомбированием с использованием полуправды, лукавых передергиваний, псевдонаучных трактовок-интерпретаций. Ведь «целеполагание», которым руководствовались заказчики и авторы этого «документального» фильма, понятно любому здравомыслящему человеку. Они, обмозговав нынешнюю ситуацию в стране, в очередной раз пытались внушить нашим согражданам: «Вам не стоит гордиться победой ваших отцов, дедов и прадедов над гитлеровцами. Советские полководцы были бездарными и невероятно жестокими, с человеческими жизнями не считались и считаться не собирались. А солдаты и офицеры выступали в качестве безликой и безвольной массы, годной лишь на то, чтобы обеспечивать значительный перевес в живой силе».

Что, по большому счету, нам «показали и доказали» эти «телеисторики»? Что победы над фашистами порой достигались ценой огромных людских потерь? Что советские военачальники допускали стратегические и тактические ошибки? Так мы об этом как минимум наслышаны, как максимум немало читали — в том числе в «Воспоминаниях» Г. К. Жукова, которые для придания своему «шедевр» достоверности цитировал (вырывая из контекста) Пивоваров.

Хозяева пивоваровых, мнящие себя стратегами («видя бой со стороны»), категорически не желают понимать самого главного, причем для них же самих: ни их гадкого телебизнеса, ни их самих просто-напросто не существовало бы, если бы поля, леса и высоты подо Ржевом не были усеяны телами советских (и немецких, само собой) воинов. Вот в чем объективность и абсолютная достоверность, как ни печально это констатировать.

— *Ненадолго вернемся к основной теме книги — теме ГКЧП. В дни его существования, насколько известно, лично вы и ваши товарищи*

обращались за поддержкой к ветеранам войны. Какова в основном была их реакция на ваши действия?

— Мы не могли и даже не имели морального права не обратиться к этим замечательным людям. Ведь именно они отстояли СССР в годы Второй мировой. Им, как никому, были (говорю «были» опять же потому, что осталось их очень мало) близки идеалы социализма, народовластия, дружбы народов в едином союзном государстве. В подавляющем большинстве своем ветераны создание ГКЧП одобрили. И в Москве, и в других регионах они активнее всех откликнулись на наше «Обращение»: слали нам телеграммы, спрашивали более или менее сведущих людей, чем можно помочь «чрезвычайному» комитету, не нужно ли организовать митинг в его поддержку, начать сбор подписей и т. д. Были даже такие, кто в столицу на подмогу ГКЧП намеревался издалека приехать.

— *Так называемые «злые языки», прочитав вышесказанное, наверняка бросят вам упрек: мол, а стариков-то зачем в свое дело втягивали, дескать, некрасиво это...*

— Подобные упреки, если они будут высказаны, надо воспринимать как глупый вздор. Мы не собирались бросать ветеранов, фигурально выражаясь, «под танки», хотя многие из них, героических стариков, готовы были, как говорится, на самые решительные действия. Мы даже от митингов и других массовых мероприятий их отговорили, дабы не накалять и без того накаленную обстановку в стране. И лично мне, прежде всего, именно перед участниками Великой Отечественной войны стыдно до боли за то, что не смогли отстоять страну, за которую они проливали кровь, не щадили своих драгоценных жизней...

— *После провала ГКЧП покончил с собой Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны маршал С. Ф. Ахромеев. Вы не раз заявляли, что не верите в самоубийство Ахромеева? На чем основано (или было основано) это ваше сомнение?*

— Я отнюдь не настаиваю на своем мнении и, наверное, не вправе исключать, что этот выдающийся человек, потеряв «почву под ногами», осознав полный крах идеалов и великого дела всей его героической жизни, в сущности мог свести счеты с жизнью. И все же, неплохо зная Сергея Федоровича, я не мог поверить в его самоубийство. И не я один. Валентин Иванович Варенников знал Ахромеева гораздо лучше и тоже не верил «официальной версии» гибели маршала...

— *Геннадий Иванович, если бы вам довелось выступить с высокой трибуны, обращаясь к высшим властям Российской Федерации, что бы вы им сказали?*

— Боюсь, что не уложился бы в регламент, не сказал бы и половины того, о чем следовало бы...

— *А все-таки?*

— Ну, во-первых, наверное, затронул бы тему демократии. Ведь именно под флагом демократизации разрушали СССР Горбачев и Ельцин. Сейчас нашим государством управляют их, что называется, прямые наследники. Ну и где она, эта демократия, в чем выражается? В отмене всенародных выборов губернаторов? В превращении Совета Федерации в этакий политический отстойник? В бесконечных издевательствах над Ходорковским? Я ему не адвокат, и все же вправе спросить у властей предрежащих: чем этот бывший олигарх хуже олигархов нынешних?

И сам же отвечаю: ничем, а может, и намного лучше. Во всяком случае, огромное хозяйство, которым он управлял, было гораздо более прозрачным, с финансово-экономической точки зрения, нежели монополии его прежних конкурентов, теперешних лидеров списков журнала «Форбс». И в социальном плане бывшие владельцы «Юкоса» отличались в лучшую сторону от тех, кто с ними конкурировал. Социальная «температура» в городках нефтяников, построенных компанией «Юкос», была существенно комфортней, чем в районах месторождений, которые эксплуатировали и продолжают эксплуатировать другие олигархи. Так в чем же главная вина Ходорковского? Опять отвечаю: именно в том, что он начал активно участвовать в политической жизни государства. Вот и «загремел под фанфары». За такую демократию боролись Ельцин и все, кто ему «наследовал»?

— *Ну а кроме «демократии», что вам категорически не нравится в сегодняшней РФ?*

— Мне, наверное, проще было бы перечислить то, что нравится... Впрочем, нет, не проще — долго придется напрягать извилины...

О развале экономики в постсоветский период и о том, что восстанавливать ее, по большому счету, до сих пор никто не удосужился, наверное, рассказывать не стоит. Об этом без конца твердят более или менее толковые и добросовестные экономисты. Важнее заострить внимание на другом — на заявленных планах государственного руководства.

Вот президент Медведев провозгласил курс на модернизацию и вроде начинает строить какие-то «силиконовые долины». Но резонно спросить у него: какой будет толк от этих «долин», ежели с «нефтегазовой иглы» государство и «придворные» олигархи «слезать» не намерены? Как Медведев будет осуществлять модернизацию, покуда за разговорами о

диверсификации нашего чисто колониального типа экономики не следуют никакие реальные дела. Кто будет вкладывать деньги в создание новых наукоемких производств? Государство, с его главной «проблемой» под названием «Сочи-2014»?

Как президент Медведев будет модернизировать экономику в условиях неуклонного падения образовательного уровня народа? Ведь что представляют собой «реформы образования», проводимые у нас Фурсенко и его командой. Не что иное, как вчерашний день Запада. Его элиты, стремясь внедрить у себя все лучшее, что было в советской системе образования, навязывают нам через своих посредников все самое никудышное. Например, пресловутый ЕГЭ. Сдавая этот «экзамен» старшеклассник или абитуриент вместо того, чтобы продемонстрировать свои подлинные знания и способности, играет в «угадайку». Нас «реформаторы» пытаются убедить в том, что ЕГЭ нужен для предотвращения повальной коррупции среди преподавателей. Но ведь все понимают, что это чушь: как продавали ответы на экзаменационные вопросы, так и по сей день продают...

Еще бы я спросил у кремлевских властей, зачем они добивают армию и ядерный щит страны. Ни для кого не секрет, что теперешнее сокращение российских ядерных вооружений по своим масштабам может сравниться разве только с горбачевской сдачей национальных интересов. Похожая ситуация происходит у нас и с обычными вооружениями: за рубеж продают на миллиарды долларов, а своим вооруженным силам поставляют считанные единицы относительно новых видов оружия и боевой техники. Такое количество этих самых «единиц», какое получает за год (или даже годы) Российская армия, раньше у нас выпускал один крупный завод в течение дня, максимум — недели. Короче говоря, все идет к тому, что наша оборонная мощь скоро станет еще в два раза слабее.

Можно долго говорить о продолжающемся кризисе практически во всех сферах нашей жизни — в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре, образовании и здравоохранении, о том, что по уровню жизни мы скатились в конец списка государств мира... И уже в экспортно-нефтегазовом секторе видны первые кризисные (ну или предкризисные) тенденции.

За без малого 20 лет во многих отраслях не достигли экономических показателей последних лет СССР. При Сталине за 20 лет создали мощнейшую индустрию, провели коллективизацию в сельском хозяйстве (кто бы и что бы о ней ни говорил, без нее победить в вой не с гитлеровской Германией было невозможно), совершили культурную

революцию.

И, конечно же, нельзя не коснуться кадровой политики. Мне трудно понять, ради чего той же армии, здравоохранению и другим государственным сферам и структурам навязываются в качестве руководителей абсолютные непрофессионалы. Это что, тоже необходимое условие модернизации?

— *Вы со студентами на политические темы беседуете, дискутируете?*

— Очень редко. Свой взгляд на вещи навязывать им не пытаюсь, больше интересуюсь их мнениями. К примеру спросил у них: «Что вы считаете главным завоеванием властей и общества в постсоветской России?». Один из ответов (по-видимому, довольно распространенных) меня, честно признаюсь, обескуражил. Молодые люди полагают, что «новая Россия» даровала им право и возможность выбирать профессии по призванию. Я даже комментировать это не хочу...

— *Геннадий Иванович, в некоторых изданиях описывается такой случай. В 1972 году Яковлев, «трудившийся» тогда в отделе пропаганды ЦК КПСС, «в один прекрасный день» зачитывал свою знаменитую русофобскую статью «Против антиисторизма» перед партийными и комсомольскими работниками, а также представителями творческой интеллигенции. Во время этого выступления «главный пропагандист» нашел взглядом в зале писателя Валерия Ганичева (нынешнего председателя Союза писателей России) и отпустил в его адрес какую-то ядовитую реплику. Это была очевидная для всех «черная метка». В тот момент вы поднялись со своего места, подошли к Ганичеву и демонстративно встали рядом с ним, выразив таким образом солидарность с писателем. Было такое?*

— А где вы это прочитали?

— *В частности, в одной биографической книге о Ганичеве.*

— Ну, если в книге писали, значит, наверное, что-то подобное было...

— *А почему вы «для прессы» об этом своем поступке никогда не рассказывали? Ведь он дорогого стоит.*

— Зачем? Мало ли все мы плохих и хороших дел наделали. О плохих, может быть, и надо иногда рассказывать, признавая свои ошибки и слабости. Да и то вряд ли — не так поймут... А бахвалиться по принципу «сам себя не похвалишь — от других не дождешься» вряд ли стоит.

— *Яковлев, по вашему мнению, работал на американские спецслужбы?*

— Могу сказать на эту тему не больше, нежели со держится

в «открытых источниках»... Да ведь Владимир Александрович Крючков не раз выступал по этому вопросу в прессе. И в своих книгах об этом писал. Мне известно, что он докладывал Горбачеву о возможной причастности Яковлева к деятельности американской разведки. Однако, как я понимаю, неопровержимыми доказательствами этого (возможного) тягчайшего преступления председатель КГБ не располагал. Да и откуда было им взяться. Если Яковлева завербовали американцы (как предполагал Крючков — еще в 60-е годы), то, конечно же, сделали это по всем правилам строжайшей конспирации. И чтобы получить об этом достоверные сведения, нужно было иметь свою агентуру в руководстве ЦРУ или Белого дома. Ну или как минимум пере вербовать тех, с кем Яковлев в Америке контактировал. Вряд ли такое было возможно. Но, как бы там ни было, Яковлев и ЦРУ делали общее дело. И этому факту не требуются какие-то дополнительные подтверждения.

Источник: ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М. 2010. Составитель — Сергей Громов.

Валентин Павлов

Павлов Валентин Сергеевич (26.9.1937 — 30.3.2003). Профессиональный финансист, Павлов в течение многих лет работал в министерствах финансов РСФСР и СССР.

В 1962 г. вступил в КПСС, но не входил в какие-либо руководящие партийные органы. В 1979 г. перешел на работу в Государственный плановый комитет (Госплан) СССР в должности начальника отдела финансов, себестоимости и цен. С 1981 г. член коллегии Госплана СССР. В январе — августе 1986 г. непродолжительное время являлся первым заместителем министра финансов СССР в правительстве Н. И. Рыжкова.

Занимал пост председателя Государственного комитета СССР по ценам (15 августа 1986 — 7 июня 1989). С согласия партийного руководства начал реформу цен, которая зашла в тупик вследствие продолжающегося спада в экономике и прогрессирующей инфляции.

В 1989 г. Павлов назначается министром финансов СССР (17 июля 1989 — 14 января 1991). В июле 1990 г. был избран членом ЦК КПСС. С ослаблением влияния КПСС на экономические процессы в стране Президент Горбачев рекомендовал Павлова в качестве кандидата на пост премьера, чтобы продемонстрировать действенность декларируемого процесса департизации советского общества. Верховный Совет СССР утвердил Павлова Премьер-министром 14 января 1991 г.

Одной из первых акций нового правительства стал принудительный обмен старых денежных купюр на новые, в результате чего многие советские граждане потеряли многолетние сбережения. За этим последовали другие непопулярные меры, но кардинальные экономические реформы без перестройки политической системы оказались невозможны.

19 августа 1991 г. Павлов присоединился к Государственному комитету по чрезвычайному положению (ГКЧП) СССР, пытавшемуся захватить власть в Москве. После провала переворота был смещен указом Президента Горбачева (22 августа 1991). С августа 1991 г. по январь 1993 г. содержался под стражей в тюрьме «Матросская тишина»; в 1994 г. был амнистирован вместе со всеми участниками августовских событий. В 1994–1995 гг. — президент «Часпромбанка»; 1996–1997 гг. — советник Промстройбанка; в 1998 г. стал вице-президентом американской фирмы «Business Management Systems».

О событиях 18 августа 1991 года и последующих дней много сказано и написано. Это, с одной стороны, облегчает мою задачу, а с другой — осложняет опасностью повторения широко известных фактов. Поэтому постараюсь касаться лишь фрагментов, не известных широкому читателю, либо тех, что, с моей точки зрения, освещены необъективно или ошибочно.

Сам день я провел на даче с семьей. Сын с семьей закончил отпуск и собирался улетать. Собирали вещи, организовали прощальный обед (оказался символичным). Но внутреннее беспокойство меня не покидало. Я так и не могу точно по сей день объяснить причину его появления. Но оно возникло и усиливалось. Мое знание прошлого и анализ поведения Горбачева в разных ситуациях к спокойствию не располагали. Тогда я решил позвонить А. Лукьянову и Г. Янаеву и уточнить, будут ли они вечером на встрече с уехавшими в Форос. При этом А. Лукьянову я прямо говорил, что, не исключено, Горбачев вернется в Москву вместе с поехавшими, так как в разговоре со мной он говорил о вечере 18 или утре 19 августа как дате встречи для предварительного обсуждения проекта договора по моим и Президиума Кабинета замечаниям и предложениям.

Янаев и Лукьянов подтвердили, что будут. Это немного успокоило, но не до конца. Примерно в 18 часов позвонил В. Крючков и сказал, что полетевшие возвращаются, надо бы собраться. С учетом времени полета после 20 часов я прибыл в Кремль. Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачев выбрал свой обычный метод поведения — вы делаете, а я подожду в сторонке: получится — я с вами, нет — я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и ссылка на его самочувствие, и пожелания успеха накануне, и «делайте, как хотите сами», под предлогом завершения врачебных процедур целый час заставил приехавших к нему ожидать приема и картинные печаль и тревога мадам...

Все это, вместе взятое, переданное нам прибывшими, свидетельствовало о том, что Горбачев решил повторить сценарий чрезвычайного положения в Москве весной 1991 года. Разница была лишь в том, что я не мог вторично, что называется, «играть втемную», не собирался. На этот раз первыми Горбачев подставлял А. Лукьянова или Г. Янаева. Не потому, что так складывались его личные симпатии. Ему если не антипатичны, то уж глубоко безразличны всегда были все. Он рассматривал нас лишь по одному критерию — выгодно лично ему или нет и где больше навар можно иметь. Поэтому обсуждение началось с вопроса, кто берет на себя подписание документов о введении ЧП. Лишь после жаркой дискуссии по этому вопросу, когда Г. Янаев подписал Указ о

временном исполнении обязанностей Президента СССР, двинулась работа по другим документам. Важно отметить, что само название ГКЧП появилось именно в тот временной отрезок. По сути, его привезли из Фороса, так как Горбачев, обращаясь к прибывшим, спрашивал о комитете — что за комитет, кто его создал и т. п. — и тут же сам написал практически персональный состав. Даже А. Лукьянова предусмотрительно вписал, под знаком вопроса.

Что касается введения чрезвычайного положения, то, как признало само следствие, ГКЧП его не вводил, ибо «по совету Лукьянова эта формулировка была изменена на «в отдельных местностях СССР», что соответствовало закону.

Встреча началась после 20 часов 18 августа 1991 года и закончилась около 3 часов 19-го. Документы были закончены разработкой примерно в 24 часа, и только после этого к чаю и кофе принесли бутылку виски. Это документированный факт. Привожу его лишь потому, что не перевелись еще лица, надеющиеся выдать действия членов ГКЧП как какое-то сборище подвыпивших мужичков — не очень умные, не очень трезвые, не слишком храбрые. Свидетель И. В. Довиденко на допросе показал следующее: «... Приблизительно в 21.00 была первая подача на совещание. Подавали мы вдвоем... Во время подачи чая в зале... обстановка была обычной. На столе находились документы, пепельницы. Вторая подача состоялась приблизительно в 24.00... Когда мы зашли, на столе появилась бутылка виски. Третья подача была приблизительно в 3.00. Были ли среди них лица в нетрезвом состоянии или они были уставшими, я точно сказать не могу, потому я этого не понял» (т. 54, л. д. 271).

Человек, обслуживающий стол, профессионал, будучи там, на месте «действий», не понял, а прокуроры и следователи спустя месяц поняли. Вопрос только один — сами или кто подсказал? Зачем?..

Закончу же это показаниями А. Бессмертных и словами О. Бакланова 21 ноября 1991 года. А. Бессмертных на допросе сказал: «В.С. Павлов вел в основном разговор об экономическом положении страны, говорил о развале, хаосе... Когда я в конце уже решился уйти, то Павлов сказал мне: «Пойми, все, что мы делаем, это не ради себя» (т. 124, л. д. 195).

Отношение же к Горбачеву в этой ситуации лучше всех выразил Бакланов словами, обращенными к Г. Янаеву, смысл которых состоял в том, что вопрос о том, болен Президент, не болен, чем болен, не главный, выздоровеет и приедет, а страну спасать надо независимо от чьего-то желания участвовать или отсидеться...

Считаю, что нужно разъяснить вопрос о появлении бронетехники на улицах Москвы. Следствие упорно твердило о том, что этот вопрос был обсужден и решен 18 августа в соответствии с предварительно достигнутым 17 августа соглашением на объекте «АБЦ». Что касается 17-го числа, не обоснованность этого достаточно освещена в ранее приведенных мной показаниях всех, кто присутствовал тогда там. Я свидетельствую, что когда О. Бакланов, О. Шеин и другие говорили на допросах о том, что 18 августа будущий ГКЧП ввод войск в Москву не обсудил и решений на этот счет не принимал, то они говорили чистую правду.

Вынужден потревожить память глубокоуважаемого В. Г. Пуго. Дело в том, что он, говоря о криминогенной ситуации в Москве, подчеркивая явную недостаточность своих сил и технических возможностей для гарантий спокойствия и безопасности граждан, объектов хранения ценностей, производства и торговли. И в этой связи говорил о том, что в случае необходимости оказания помощи при возникновении экстремальных ситуаций в городе он просил бы армию оказать помощь в той мере и в том порядке, как это уже неоднократно делалось в разное время в Москве и других городах. Вот почему указания маршала Д. Язова, имеющиеся в распоряжении следствия, гласят о выдвигании воинских частей к Москве, а не в Москву. Тот, кто знает город, легко поймет значение таких мест, как аэродром Тушино, Теплый Стан, Ходынка, — это так называемая парадная площадка. Это именно те места, где воинские части, прибывающие для участия в парадах, находятся на временной дислокации. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Н. Калинин в собственноручно написанном заявлении следователю В. Гусеву 30 сентября 1991 года сообщал: «Мне была поставлена задача в готовности ввести в Москву 2 м. с. д. и 4 т. д. и совместно с УВД города обеспечить поддержание общественного порядка в городе и охрану в нем важных объектов... Выход частей предусматривалось осуществить первоначально в районы парадной площадки и Теплого Стана...» (т. 107, л. д. 28). Было ли в этом что-то новое, необычное, связанное именно с созданием ГКЧП?

Тот же Н. Калинин еще 18 сентября 1991 года свидетельствовал на допросе у следователя В. Фокина: «Командующим Московским военным округом я назначен в феврале 1989 года, за это время... войска в Москву

вводились раз 5 по различным причинам» (т. 107, л. д. 25). Это же подтверждают и многие другие допрошенные военнослужащие. Начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Л. Золотов вспоминал 24 сентября 1991: «9.IX.1990 года... В этот день все практически начиналось точно так, как и ввод войск в гор. Москву 19 августа 1991 года» (т. 107, л. д. 99).

Тогда возникает логичный вопрос: где Тушино и где Садовое кольцо, «Белый дом» и т. п.? Зачем были нужны войска именно в тех районах Москвы, где они фактически находились? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, содержится главным образом в показаниях П. Грачева, Ю. Скокова, Е. Подколзина. Так, Ю. Скоков 26 октября 1991 года рассказывал о том, что «...мы договорились прежде всего об одном: чтобы мы начали контактировать с армией, решая проблемы социальной устроенности армии, чтобы иметь какие-то четкие взаимоотношения с военными, первоначально хотя бы на личном уровне. А дальше — в зависимости от развития событий... Мы с Грачевым договорились, что мы с Ельциным заедем в Тульскую дивизию, где у них специальный полигон... Во время визита... там были и генералы Лебедь и Грачев. С этого времени (июнь 1991 г.) Ельцин был с нами обоими знаком» (т. 93, л. д. 136).

По словам Т. Митковой, «Грачев лично организовал тогда воздушный праздник для Ельцина... Грачев говорил, что там он познакомился с Ельциным и у них установились очень хорошие, теплые отношения» (т. 93, л. д. 258).

Ну а теперь слово самому П. Грачеву: «В 19 часов 18 августа Язов вызвал меня к себе и сообщил, что делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с Президентом СССР/ видимо, они будут успешными и Горбачев даст «добро»... В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил, что все вопросы в Форосе решены и вводится чрезвычайное положение. В 6 часов утра следует ждать об этом сообщения...»

Итак, «добро» из Фороса получено. А что же в Москве? «После 6 часов утра 19 августа (с дачи из «Архангельского») мне позвонил по телефону в кабинет Б. Н. Ельцин и спросил меня (почему, скажем, не Язова? — В. П.), что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино (заметить читатель — не в Москву, а к Москве, в Тушино. — В. П.), а дальше будут действовать по указанию Министра обороны СССР. На это Б. Н. Ельцин мне ответил, что это авантюра, настоящая провокация. (Позволю себе напомнить о вышеприведенных откровениях Г. Попова по изучавшимся им

сценариям «путча». — В. П.) Он ответил, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны «Белого дома». Я пообещал ему выдвинуть подразделения ВДВ к «Белому дому» для его охраны. В 8 часов утра ко мне приехал помощник советника Б. Н. Ельцина Портнов (и остался до 22.VIII.91 г.), и мы договорились с ним о взаимодействии. Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов и передал указание взять под охрану Госбанк, Госхранилище, радио и телевидение. При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану «Белый дом» и Моссовет. Он с этим согласился и сказал, чтобы я так и действовал, но при этом двигались войска осторожно и не подавили людей. О просьбе Ельцина взять под охрану «Белый дом» Ачалов знал. После этого я поставил задачу Лебедю выделить для охраны указанных объектов по батальону ВДВ, а батальон для охраны «Белого дома» приказал вывести лично, о чем доложить Президенту России» (т. 109, л. д. 38,39).

От себя могу добавить лишь то, что указание было выполнено с перевыполнением. Встретив на марше войска Тульской дивизии, командование ВДВ вывело в Москву к «Белому дому» батальон и роту разведки, плюс часть войск к Моссовету. Вот почему для многих членов ГКЧП появление войсковой бронетехники в городе 19 августа 1991 года было неприятной неожиданностью. Я лично, прибыв в 14 часов с дачи в здание Кабинета Министров СССР на Пушкинской улице, вовсе не пришел в восторг, когда обнаружил бронетехнику.

* * *

Вскоре после приезда я по соглашению с Г. Янаевым выехал в Кремль. Там у вице-президента обсуждался вопрос о проведении пресс-конференции. Она, естественно, была теперь, после появления бронетехники в городе, вдвойне необходима. Но я отказался в ней принять участие по двум причинам: первая — мне нужно было проводить в 15 часов Валютный комитет (пришлось перепоручить это дело В. Щербакову, хотя он к этому был вовсе не готов. Я вынужден был по телефону разъяснять ему нашу позицию и решения, которые требуется провести на заседании), а затем заседание Кабинета Министров. Это заседание в той ситуации ни перенести, ни передоверить кому-либо его ведение я не мог. Беда стояла у порога, и мне она была более объемно и четко видна, чем любому другому члену Кабинета. На повестку дня заседания Кабинета Министров СССР было вынесено обсуждение решения

Президиума Кабинета об отношении к горбачевскому проекту Договора о Союзе суверенных государств.

Чувствовал я себя очень плохо. Бессонная ночь и нервные перегрузки последнего времени, особенно субботы и воскресенья, не могли пройти бесследно. Пришлось прибегнуть утром к помощи врача. Небезынтересен будет тот факт, что проводимая В. Степанковым и Е. Лисовым выдержка из допроса моего лечащего врача Д. С. Сахарова изложена ими так, как ее записал следователь: «Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать. Павлову, сказал он, плохо. Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное простое опьянение. Он был страшно взвинчен до истерики. Я стал оказывать ему помощь...» (стр. 109. В. Степанков, Е. Лисов. Кремлевский заговор. Изд-во «Огонек», 1992).

На этом показания обрываются. И не случайно. Во-первых, показания гласят: «Но это было уже не простое опьянение». Кто из «писателей», любому понятно зачем, вписывает от себя «обычное»? Дальше идет: «Он был страшно взвинчен». Кто и зачем приписывает Сахарову слова о моей якобы истерике? Следующих дальше слов «Я стал...» вообще нет в протоколе. А есть — «19-го я подлечил его, к обеду он был готов ехать и мы уехали на Пушкинскую» (т. 59, л. д. 16).

Кроме того, писатели от прокуратуры молчат, что, прочитав запись следователя, врач Д. Сахаров, не один день проведенный в госпиталях действующей 40-й армии в Афганистане, собственноручно дописал: «Хочу дополнить, что пациент 19.08.91 днем принимал рудотель и транксен. Прием алкоголя мог усугубить состояние». Вот так с действительностью у наших писателей от прокуратуры. И приведенный выше пассаж — это не единственный пример. Далее (стр. 132) они заявляют о том, что после вечернего разговора с Д. Т. Язовым по телефону «дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжелый запой». Между тем в деле лежит официальная справка Кунцевской больницы о моем состоянии здоровья, где при детальнейшем изложении заболеваний об алкоголизме нет даже намека. Кстати, в упоминаемых показаниях Д. Сахарова на вопрос следователя врач также прямо отвечает, что алкоголиком В. С. Павлов не был. Зачем же тогда и кому понадобилось столь беспардонно пытаться замарать мое имя, прибегая к явной подтасовке фактов и их искажению?

От В. Степанкова и Е. Лисова ответа по существу мне добиться почти ни разу не удалось, а уж там, где явная ложь, да еще публичная, чего же ожидать. Пришлось мне по этим вопросам отдельно, не ожидая окончания суда по всему делу, обратиться в гражданский суд с иском об оскорблении

чести и достоинства. Суд — не арестованный В. С. Павлов, бывший премьер-министр СССР, которого В. Степанков и Е. Лисов уже, видно, списали, ему, мол, никогда «не подняться», и потому, очевидно в погоне за гонорарами, как писатели, позволяют себе вещать «о тяжелом запое», а в обвинительном заключении на стр. 124, т. 4, один подписывает, другой утверждает написанное: «после чего, в силу развития гипертонического кризиса, вплоть до провала заговора находился на постельном режиме». Куда дальше, господа законники...

* * *

Так чем же закончилось заседание 19 августа? По версии следствия — ничем, призывы и требования премьера не получили завершения и оформления. И вновь неправда. В деле лежат документы и показания свидетелей, подтверждающие факт принятия решения и доведения его до исполнителей на местах. Правда, раз факт противоречит написанному в прокуратуре обвинению, то он вроде бы и есть, но для прокуратуры его как бы и нет. А ведь речь идет о том, что хотя Кабинет формально не собирался больше и его решения не оформлялись, но Премьер-министр СССР свое решение принял: продиктовал по телефону заведующему Секретариатом В. Бацанову телеграмму министерствам и ведомствам и приказал довести ее немедленно до министров, а им собственно до предприятий для исполнения. Вот она: «В. С. Павлов поручает Вам связаться с руководителями подведомственных Вам предприятий и информировать их о том, что Правительство, как исполнительная власть, и другие союзные органы управления продолжают работать и выполнять возложенные на них функции.

ГКЧП в СССР намерен, как известно, обратиться за подтверждением полномочий к ВС СССР, который соберется 26.VIII с. г. и будет решать возникающие вопросы. Наша главная задача — обеспечивать нормальный ход производственного процесса и выполнения имеющихся заданий» (т. 57, л. д. 185).

В деле есть не только телеграмма, передававшаяся из Кабинета Министров СССР, но и экземпляры, изъятые в министерствах и на предприятиях, то есть полученные и принятые ими. Так что не только знали о существовании этого решения в прокуратуре, но и проверяли его подлинность и факт поступления даже по предприятиям. Но эта «деталька» не потребовалась — не та была задача, не тот заказ у следствия...

После окончания заседания Кабинета Министров СССР я прошел к себе в кабинет вместе с В. Щербаковым, где мы примерно час обсуждали сложившуюся ситуацию. К тому времени у меня уже были не подозрения, а твердая уверенность, что нас расчетливо предали, и притом заранее. Главное в тот момент было постараться найти пути сберечь структуры и кадры, преданные единству страны, ее федеративному устройству и национальным интересам. Не случайно первый удар М. Горбачева был направлен именно против меня, как Премьер-министра СССР. Его указ от 22 августа 1991 года об освобождении меня от должности незаконен как по юридической процедуре, поскольку Верховный Совет дал свое согласие на такое действие лишь 25 августа 1991 года, — так и «в связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела за участие в антиконституционном заговоре». В действительности же не было вплоть до 28 августа против меня лично такого дела, а Прокуратура СССР вообще его никогда так и не возбуждала.

Тем самым М. Горбачев своим указом дал прямую директиву прокуратуре, какое дело и против кого возбуждать. Факт, прямо скажем, беспрецедентный для так называемых строителей правового общества и гуманистов, приверженных общечеловеческим ценностям. Вот потому-то следствие, понимая всю абсурдность обвинения в измене Родине в отношении всех нас вместе и каждого в отдельности, так и не могло отойти от заданной линии вплоть до отставки М. Горбачева с поста президента и развала СССР при его участии и благословении.

Позже Горбачев критиковал Ельцина, Кравчука, Шушкевича за Беловежскую Пущу, пытался возложить на ГКЧП ответственность за развал страны. 13 августа 1992 года на допросе он вещал: «Срыв его подписания (Договора, о сути которого смотри ранее) в результате заговора прямо обусловил те процессы дезинтеграции, которые в конечном счете привели к распаду Союза ССР. Это одно из самых тяжелых последствий августовских событий. Я высказываю свое субъективное мнение, оно изложено в «Заявлении Президента СССР и высших руководителей союзных республик», подписанном наряду со мной руководителями десяти республик» (т. 130, л. д. 146).

И вновь ложь. Притом настолько грубая, легко изобличаемая, что закрадывается невольное подозрение... Ну не считает нужным человек, считающий себя недостижимым для других людей интеллектуалом, заглядывать в документы, прежде чем на них ссылаться. Но ведь были помощники. Целый Фонд сидел, да и «демократические» собраты были недалеко. Ведь так называемый допрос не только шел в помещении Фонда,

но и печатался там. Следовательно, было время спросить, проверить, прежде чем подписывать, даже если в тот же день.

Ведь в Заявлении, на которое ссылается Горбачев, дословно написано следующее: «Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны». Вот ведь незадача — оказывается, констатировали, что «процесс пошел», именно тот, которому мешали, который сдерживали члены ГКЧП и их единомышленники. И если потом М. Горбачев «прозрел», что это были «процессы дезинтеграции», так кто же тогда, как не он, их создатель и вдохновитель.

А что касается срыва подписания Договора, то далее в Заявлении говорится: «В этих условиях (когда, наконец, создан «исторический шанс». — В. П.) законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений... согласились с необходимостью: 1) подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе» (т. 130, л. д. 148).

* * *

Вот так Горбачев писал тогда. Кто же тогда, кроме Горбачева, виновен в том, что он не захотел (или ему не позволили) опереться на те руки, которые могли не допустить «распада структур власти». Чего же удивляться, что желающих сберечь такого политика, даже как свадебного генерала ССГ и СНГ, не нашлось. Единожды предавший, кто же тебе поверит...

А ведь Горбачев предавал не раз и не одного. То, что известно мне и написано в этой книге, лишь малая часть истории подлинной жизни и деятельности М. Горбачева. Ведь молчат пока такие люди, которым есть что сказать о Горбачеве в значительно большем объеме и в более неприглядном, конечно с точки зрения порядочного человека, свете. Но они же не будут молчать всегда. А Горбачев своим бесконечным, неудержимым потоком лжи сам дергает за усы спящего тигра. Но пусть не забывает —

спящий еще не значит убитый.

По ст. 64 «а» УК РСФСР «Измена Родине» Горбачева уже осудил народный трибунал. А ведь недалеко уже и до народного суда...

*Источник: Иуда. Анатомия предательства Горбачева.
М. 2010*

Дмитрий Язов

Язов Дмитрий Тимофеевич — Родился 8 ноября 1923 г. в с. Язово Омской обл., из крестьян, русский.

В 1953 г. окончил 10 классов средней школы при Ленинградском Доме офицеров, в 1942 г. — Московское училище им. Верховного Совета РСФСР, в 1943 г. — Курсы усовершенствования комсостава на Волховском фронте, в 1946 г. — Курсы усовершенствования офицеров пехоты Красной Армии, в 1956 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе с золотой медалью, в 1967 г. — Академию Генерального штаба, в 1978 г. — 3-месячные Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба.

В Вооруженных Силах СССР призван 28 ноября 1941 г., с августа 1942 г. по сентябрь 1945 г. — командир взвода (зам. командира роты) на Волховском и Ленинградском фронтах.

В боевой характеристике 1943 г. на заместителя командира стрелковой роты Язова Д. Т. отмечается, что «... с работой справляется, технику роты знает... заслуживает посылки на курсы командиров рот».

После великой Отечественной войны — командир роты (январь 1946 г. — октябрь 1953 г.), командир батальона (ноябрь 1956 г. — 1958 г.), старший офицер в Управлении боевой подготовки Ленинградского военного округа (октябрь 1958 г. — август 1961 г.), командир мотострелкового полка (октябрь 1961 г. — сентябрь 1963 г.), заместитель (начальник) отдела планирования и общевойсковой подготовки ЛВО (по август 1965 г.), командир мотострелковой дивизии (октябрь 1967 г. — март 1971 г.), командир армейского корпуса (март 1971 г. — январь 1973 г.), командующий армией (январь 1973 г. — май 1974 г.), начальник 1-го управления в Главном управлении кадров МО СССР (май 1974 г. — октябрь 1976 г.), первый заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа (октябрь 1976 г. — январь 1979 г.), командующий Центральной Группой войск, Уполномоченный Правительства СССР по делам пребывания советских войск в Чехословацкой Социалистической Республике (январь 1979 г. — ноябрь 1980 г.), командующий войсками Среднеазиатского военного округа (по июнь 1984 г.).

В 1982 г. Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии Петров В. И. в аттестации на командующего войсками Среднеазиатского военного округа Язова Д. Т. делает вывод, что он «... занимаемой

должности вполне соответствует. Человек волевой, требовательный и всесторонне подготовленный».

Затем Д. Т. Язов возглавляет Дальневосточный военный округ (по январь 1987 г.), по май 1987 г. — заместитель министра обороны СССР по кадрам — начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР, с мая 1987 г. по август 1991 г. — министр обороны СССР. 22 августа 1991 г. Д. Т. Язов освобожден от обязанностей министра обороны СССР.

Приказом министра обороны РФ от 31 мая 1994 г. Д. Т. Язов уволен в отставку «... по достижению возраста с правом ношения военной формы одежды и с вручением благодарственной грамоты».

Д. Т. Язов награжден 2 орденами Ленина (02.1971 г., 02.1981 г.), орденами Октябрьской Революции (02.1991 г.), Красного Знамени (10.1963 г.), Отечественной войны I степени (6.04.1985 г.), Красной Звезды (06.1945 г.), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, а также 18 медалями СССР и 20 орденами и медалями иностранных государств.

Воинские звания: полковник — присвоено 20 июля 1962 г., генерал-майор — 22 февраля 1968 г., генерал-лейтенант — 15 декабря 1972 г., генерал-полковник — 28 октября 1977 г., генерал армии — 6 февраля 1984 г., Маршал Советского Союза — 28 апреля 1990 г.

Член КПСС с 1944 г., член ЦК КПСС с 1987 г., депутат Верховного Совета СССР 10–11-го созывов.

Из Фороса — в Москву

Это случилось в 2 часа 15 минут 22 августа 1991 года. Разрывая густые облака, самолет Ил-62 вышел на посадочную прямую во Внуково.

Предчувствуя недоброе, я всматривался через иллюминатор на ярко освещенную прожекторами площадку перед Внуково-2, где уже суетились какие-то люди в камуфлированной форме, бегали солдаты. «Ну что же, — подумал я, — освещают, значит, вот-вот грянет политический театр. Статисты уже под «юпитерами».

Перед нами приземлился Ту-134, на котором прилетел президент М. С. Горбачев со своей прислугой и охраной. Сопровождали его из Фороса А. Руцкой, И. Силаев и В. Бакатин. В этот же самолет под предлогом «поговорим по душам в самолете» пригласили и В. Крючкова.

Мы — А. И. Лукьянов, В. Ивашко, О. Д. Бакланов, А. Тизяков и я — вылетели из Крыма через 15–20 минут после президентского лайнера.

И вот поданы трапы. Я обратил внимание, что к каждому трапу поспешили крепыши из соответствующих спецслужб. Они приняли устрашающую стойку, пытаясь припугнуть кое-кого из именитых пассажиров. Первым к трапу направился В. Баранников. Оценив все эти маневры, я сказал сопровождающему меня полковнику П. Акимову, что мы подоспели к аресту.

— Не может быть, — возразил он, — от президента передали: вам назначена встреча в Кремле в 10 часов утра.

Спустившись по трапу, мы направились к зданию аэропорта. При входе в зал Баранников сказал Акимову: «Вы свободны», — а затем мне: «А вас прошу пройти в следующий зал».

Вошли в небольшую комнату, где обычно размещалась охрана. Здесь к нам поспешил незнакомый человек с копной нестриженных волос на голове. Он довольно бойко представился: «Прокурор Российской Федерации Степанков Валентин Георгиевич!» — и спросил, есть ли у меня оружие. Затем объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине в соответствии со статьей 64 УПК.

За дверями рычали автомобили. Люди из ведомства Баранникова выстраивали машины. Меня подвели к «Волге», толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками.

Наступила зловещая тишина. Темная беззвездная ночь давила на сознание: «Я арестован».

В. Крючкова арестовали минут на двадцать раньше. Он уже сидел в одной из машин, запрудивших весь проезд у боковых ворот аэропорта. А. Тизякова арестовали чуть позже. Мы долго сидели в машинах. Баранников витийствовал, продолжая «украшать» машины арестантами. Между «Волгами» с «изменниками» расставлял автобусы с курсантами Рязанской школы милиции. Я, конечно же, знал старинную русскую поговорку: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», — и вот наконец-то ощутил ее гнетущий смысл.

Я представил, что происходит сейчас в Баковке, на даче, где осталась моя супруга Эмма Евгеньевна. Она была «закована» в гипс и не могла передвигаться без посторонней помощи. «Там наверняка, — думал я, — собрались лучшие ищейки, идет грандиозный шмон». «Куй железо, пока горячо» — этим лозунгом руководствовалась рвущаяся к власти «волчья стая».

На снисхождение рассчитывать было легкомысленно. Поверженных политических противников принято добивать.

С 19 августа 1991 года эта «стая» фактически приступила к захвату всей полноты власти на общегосударственном уровне. Стороннику Ельцина Степанкову необходимы были улики, факты для обоснования ареста руководителей ведущей державы мира.

Наконец колонна тронулась в путь. Вышли на Кольцевую дорогу, повернули на север. Сначала я ехал без фуражки... в салоне было душно, но вскоре, когда «Волгу» разогнали, в машине стало прохладнее, пришлось ее надеть. Это заметил следовавший за нами «наблюдатель», он быстро догнал нашу машину и, поравнявшись с нами, обратил внимание охранников на мою фуражку. «Не попытается ли он сбежать? Не подает ли фуражкой сигнал к побегу?» — очевидно, подумал этот бдительный страж.

Фары высветили целующихся прямо на обочине парня и девушку, рядом стояли два их обнявшихся велосипеда. Один из охранников сострил что-то в адрес парочки, и опять наступила гнетущая тишина. Колонна повернула на Ленинградское шоссе...

Допросы в «Сенеже». Что делала армия в августе 91-го?

...Подъехали. Я понял, что это «санаторий» на берегу озера Сенеж. Кроме «санаторных» корпусов, стояло несколько финских домиков, вот к ним-то и притулился наш кортеж. Вдоль дорожки, ведущей на задворки этих домиков, Баранников с помощью офицеров внутренних войск выстроил курсантов Рязанской школы милиции. Нас, троих арестованных — Крючкова, Тизякова и меня, выводили из машин по одному, чтобы даже и взглядом не обменялись. В одной из комнат, пропахшей сыростью, где небрежно была расставлена скрипучая мебель, меня обыскали.

В качестве понятых следователь Леканов с лоснящейся от жира физиономией пригласил все тех же курсантов — Сергея Чижикова и Дмитрия Егорова.

Я посмотрел на часы. Они показывали 5 часов 55 минут 22 августа. Курсанты стояли в растерянности: следователь пухлыми пальчиками выворачивал карманы маршала, ощупывал воротник кителя. Врач, выполняя формальность, поинтересовался: «Вы здоровы? Есть жалобы?»

К этому времени комната наполнилась следователями, привезли аппаратуру, шла какая-то мышьяная возня перед допросом. С крайне озабоченной физиономией появился Степанков. Пытался завязать разговор о Хабаровске, передать от кого-то привет... Я прекрасно оценил эту наивную игру в «доброго прокурора» и попросил сообщить моей жене, что я арестован, и привезти мне необходимые вещи. Леканов спросил:

— Что конкретно?

— Бритву, спортивный костюм и прочее.

— А что прочее? Все, что нужно, изложите на бумаге.

Прищурясь, глядя прямо в глаза, Юрий Иванович начал задавать вопросы, которые были подготовлены заранее. Ельцинской службе предстояло мне, фронтовику, доказать мою вину перед моим Отечеством. Как мне потом довелось узнать, вопросы сформулировали загодя, утром 19 августа, в ельцинских хоромах на даче.

Изначально разговор шел без записи в протоколе, сыщики полностью доверились магнитофону.

— Судя по нашему разговору, — заметил Леканов, — вы не осознали всей тяжести совершенного преступления и даже не думаете о раскаянии.

Я ответил:

— Хуже преступления, чем развал Союза, придумать невозможно.

Следователь спросил:

— Вы отдаете себе отчет в том, что для вас, а не для кого-то другого означает статья 64 УПК?

— Понятия не имею...

Тогда он весьма профессионально разъяснил: Статья 64 — это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР...

Я заметил:

— Вы сами-то верите, что говорите? Да еще применительно ко мне?

Леканов еще больше сощурил глаза, на лице появилась ядовитая улыбка. Он продолжал: «А равно заговор с целью захвата власти наказывается... но это будет решать суд»...

Чувствовалось, что он гордился знанием УПК, но вскоре я понял: все его знания почерпнуты из газетных и журнальных штампов последних дней: «путч», «неконституционный», «союзный договор», «интернирование», «изоляция», «Белый дом», «штурм».

Леканов взял на себя функции «забойщика», конструктора вопросов и предполагаемых ответов. Допрашивал вежливо, но вопросы ставил так, что я вынужден был отвечать, исходя из его предположений...

Был конец августа. Подступала грибная пора. Плыли высокие облака с востока, как далекий привет с моей Родины. Там наверняка знают: министр обороны арестован. Матери не скажут, ей 88 лет, но она поймет своим материнским чутьем, сердцем и, уж конечно, что-то увидит во сне и свяжет материнский сон с моей судьбой...

В 8.20 установили «Панасоник» для съемки и записи допроса. Самый удобный случай выдвинуть требование: пригласить на допрос адвоката.

— Адвоката должны нанять ваши родственники, — отрезал следователь.

— В таком случае свяжите меня с адвокатской конторой.

— У нас связь с адвокатской конторой не предусмотрена.

— Президент назначил мне встречу в Кремле в 10 часов, сегодня... Она состоится?

— А вы обратитесь к Горбачеву с письмом. Мы отправим, если

последует команда. А пока давайте побеседуем.

Все это были уловки. И прокурор и следователи знали, что допрос без адвоката — фикция. Для суда он не имеет юридической силы. Но следователи старались подать себя новым властям в выгодном свете, показать результативность своей работы.

Следователь старался говорить вкрадчиво. «Кирпичики» вопросов ложились ровно, чувствовалась «кремлевская кладка». Тогда я еще не знал, что кассеты с записью допроса продадут «Шпигелю» и что весь мир узнает, как я перед допросом вздохнул. Если бы я знал, что в прокуратуре все продается и все покупается, возможно, я бы германскому «Шпигелю» напомнил слова из песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой»...

* * *

А пока следователь чеканил каждое слово:

— Я должен заявить: вас допрашивают в связи с участием в преступлении. Мы квалифицируем его как измену Родине. Заговор с целью захвата власти, злоупотребление служебным положением. Я хочу услышать от вас, что вы скажете по поводу предъявленного вам обвинения?

— У меня иное понятие о том, что такое измена Родине. Измена президенту — пожалуй, да, имеет место. Но Родину свою я не предавал. Что в моих действиях было конституционно, что нет — надо разобраться. Я считаю, что подписание новоогаревского договора явно неконституционно. Организатор этого акта — Горбачев. Более того, раньше, еще на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, он вещал с трибуны о необходимости улучшить жизнь народа. Тогда никто и думать не смел о развале государства, о ликвидации политической системы.

Но вот наступил 1991 год. Партия не по дням, а по часам теряла свой авторитет. Открыто на Пленумах ЦК КПСС говорили о том, что Горбачев исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля, его историческое время закончилось. Мало того, 17 марта 1991 года народ дружно проголосовал за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, и вдруг президент предлагает проект договора, в котором речь идет уже о суверенных государствах. Убежден: это не просто ошибка. Идет целенаправленная работа по ликвидации Союза. Нам предлагают хиленькую конфедерацию республик с самостийными президентами. Тут следователь остановил меня:

— Вернемся снова к вашей проблеме. Вас назначили министром обороны не без поддержки Горбачева. Но вы внезапно приняли решение лишить его власти. Вы же давали присягу президенту, парламенту, народу. Почему вы пришли к убеждению, что президента надо лишить власти? Причем антиконституционным путем?

Я понял из вопроса: Леканов в армии не служил и понятия не имеет, кому я присягал в 1941 году.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть...

...Я всегда готов по приказу Советского правительства...»

Где же здесь клятва верности президенту? Народу я давал клятву, а не хозяйчику Кремля. И за спиной Горбачева мы не шушукались. Мы всего-навсего выразили наше возмущение по поводу распада СССР, потребовали от президента ввести чрезвычайное положение. К этому времени суверенизация и сепаратизм, особенно на Украине и в России, достигли своего апогея. Стремясь освободиться от сверхцентризма, «демократы» запросили самую высокую цену: ликвидацию Союза.

Мы решили, что 18 августа к президенту в Форос вылетят Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов вразумить президента — отменить подписание договора, дабы выполнить волю народа о сохранении единого Советского Союза.

Что бы я ни говорил, по виду следователя чувствовалось, что он ждет от меня другого: признания в заговоре, рассказа, кто был зачинщиком. Поэтому он резко перебил меня:

— Звучит весьма наивно для такого государственного деятеля, как министр обороны...

* * *

Мне захотелось рассказать следователю о разгоне ЦК, избранного съездом партии, о неравноправном договоре с США по сокращению стратегических и обычных видов вооружений. О выводе войск из Венгрии и Чехословакии, о поспешном бегстве из Германии через Польшу, с которой ни о чем даже не договорились толком. О том, что президент продолжал разглагольствовать о строительстве «европейского дома», не замечая, как свой разваливается. Он не уставал талдычить об «общечеловеческих ценностях», зато своих соотечественников унизил,

доведя их до нищеты. Практически ни одна программа за последние 5 — 6 лет выполнена не была. Когда Горбачеву на сессиях Верховного Совета СССР депутаты говорили о необходимости конкретной программы, он невозмутимо отвечал: «Я указал ориентиры».

Что же понимал генсек под новыми ориентирами? Оказывается, надо было лебезить перед Западом, свои традиции обменивать на чужеземные.

Когда Горбачева избрали Генеральным секретарем, на первом же Пленуме ЦК он говорил, что прирост ВВП составил 4 процента и, мол, мы вползли в застой. Но именно в застойные времена построили ВАЗ, БАМ, КамАЗ, перевооружали армию, а начиная с 1985 года мы уже ничего не возводили, только разоружались.

На Президентском Совете, на заседаниях Совета безопасности, в присутствии Горбачева анализируя обстановку, говорили о тяжелом положении в стране, о развале партии, экономики, о растущих долгах государства. Уже все понимали в Кремле, что корни многих бед исходят от президента. Но следователя Леканова, похоже, не интересовала моя боль, он требовал: «Пожалуйста, фамилии тех, кто это говорил?»

Я объяснял Леканову, что это были дискуссии среди руководителей, озабоченных судьбой страны. Сам Ельцин признавал это. Горбачев в последнее время разъезжал по всему миру, но мы, члены правительства, даже не знали, о чем он говорил с глазу на глаз с лидерами иностранных государств. Раньше было принято все вопросы предварительно обсуждать на Политбюро, на Президентском Совете или Совете безопасности, а теперь все отдано на откуп Горбачеву.

Затем я рассказал Леканову, как президент Южной Кореи передал Горбачеву 100 тысяч долларов из кармана в карман. Да, за подобные «сувениры» принято расплачиваться.

Но следователь меня как будто не слышал. Он ждал признаний в заговоре. Ну что же, слушайте. Мне скрывать нечего.

Когда мы собрались в субботу 17 августа на объекте КГБ в конце Ленинского проспекта, то пришли к выводу: необходимо лететь к Горбачеву в Форос, убедить его в том, что с подписанием союзного договора Советский Союз прекратит свое существование. Горбачев прекрасно знал: Украина подписывать договор отказывается, впрочем, как и прибалтийские республики. Давили на Ельцина и демократы в лице суетливого царедворца Юрия Афанасьева.

Премьер-министр В. Павлов охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как тревожную. Он сказал, что перед отъездом на «отдых» Горбачев принял участие в заседании Кабинета министров,

потребовал в случае необходимости ввести чрезвычайное положение. Потому-то и полетели в Форос для откровенного разговора. До подписания договора оставалось двое суток. Самолет выделило Министерство обороны. Вылет назначили на 13 часов в воскресенье.

Возвратились товарищи из Фороса поздно вечером, около 22 часов. Мы ждали их в Кремле в кабинете Павлова. Кроме меня и Павлова, присутствовали Крючков, Пуго, Ачалов. Янаев подъехал около 20 часов, вслед за ним — Лукьянов.

Прибывшие из Фороса товарищи рассказали: Бакланов обрисовал Горбачеву ситуацию— страна катится к катастрофе, необходимо вводить чрезвычайное положение, другие меры уже не спасут, оставим иллюзии.

Поделился своими впечатлениями о встрече с Горбачевым и Шенин. Вдруг оказалось, что у Горбачева разыгрался радикулит. Олег Семенович резюмировал: «Скорее всего, Горбачев хотел избежать встречи с товарищами. Но когда понял, что без разговора товарищи не уедут, через час объявился».

Затем Болдин высказал свое мнение о необходимости принятия срочных мер по стабилизации обстановки, отказа от подписания договора. Затем Варенников доложил о положении в армии. Валентин Иванович не любит мямлить, говорит всегда четко и ясно. Это и дало повод президентской чете сделать вывод, что генерал армии Варенников из всех приехавших был самым настойчивым и грубым. Валентин Иванович понимал, что мы теряем.

Он прошел с боями от Сталинграда до Берлина, видел, что творили немцы на советской земле. Докладывая президенту о положении в армии, о том, как восприняли офицеры и весь личный состав вывод войск из Германии, он искренне волновался. Варенников напомнил президенту слова, сказанные в его адрес на офицерском собрании капитаном К. Ахаладзе:

«Михаил Сергеевич! Я один из многих, кто беспредельно любил вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был за вас драть глотку. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляюсь от вас. И таких становится все больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, появилась аллергия на нее».

На этой встрече мы поняли: болезнь Горбачева притворная. Он желает поставить Правительство Союза и народ перед свершившимся фактом— подписанием договора, развалом государства.

Проработка варианта ввода чрезвычайного положения в стране велась Комитетом государственной безопасности с 7 августа. От Министерства обороны принимал участие командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Грачев... С 15 или 16 августа к этой работе подключились Грушко — первый заместитель председателя КГБ и заместитель министра обороны генерал-полковник Ачалов. О создании Комитета по чрезвычайному положению тогда и речи не было. Об этом разговор зашел только вечером 18 августа в кабинете Павлова после возвращения наших товарищей из Фороса. Тогда же я впервые увидел список Комитета в составе 10 человек.

Этот список показали Анатолию Ивановичу Лукьянову. Он твердо заявил, что участвовать в деятельности Комитета не намерен и не будет, так как представляет законодательную власть. «Единственное, что я могу сделать, — сказал Анатолий Иванович, — это опубликовать заявление о нарушении действующей Конституции в связи с подписанием новоогаревского союзного договора».

Вспоминаю и реакцию министра иностранных дел Александра Александровича Бессмертных, он прибыл в кабинет Павлова около 23 часов. Александр Александрович заметил: «Если вы меня включите в список членов Комитета, то для меня будут закрыты все столицы мира — и Вашингтон, и Париж, и Рим, и Лондон...»

Александр Александрович знал о недовольстве общественности поведением Горбачева, как и то, что через 20 минут после выступления на закрытой сессии Верховного Совета СССР наше общее мнение о необходимости навести в стране порядок стало известно и в американском посольстве. В роли информатора от московских «демократов» — стукачей выступил Гавриил Попов, хотя он прекрасно понимал, что и у государства могут быть секреты. Но демократ не убоился, побежал в американское посольство и сообщил послу США Мэтлоку, что назревает заговор, назвал и зачинщиков: Павлов, Крючков и Язов, — попросил передать этот доклад и Ельцину, который в это время находился в США. Мэтлок сообщил о том, что говорилось на сессии Верховного Совета СССР, президенту США Бушу. А тот, в свою очередь, сразу же связался с Горбачевым, как будто последний не знал о наших выступлениях.

Как нетрудно понять, видимость заговора создавали «демократы». И разве не Гавриил Харитонович является главной персоной, которой так

интересуется Фемида? Ведь налицо предательство национальных интересов России...

Как может судить мой читатель, дело ГКЧП — пример виртуозного превращения изменника Попова в «защитника» земли русской. А тех, кто на самом деле пытался отстоять интересы страны, ошельмовали, назвали преступниками. И потому Леканов искал любые зацепки, чтобы доказать, что я изменил Родине.

Пришлось восстанавливать события по часам и по минутам; из Кремля я уехал в первом часу ночи 19 августа 1991 года. Документы, рассматриваемые в кабинете Павлова, должны были зачитать по радио и по телевидению в 6 часов. Для охраны телецентра мы к 6.00 направили подразделение ВДВ из «Медвежьих озер».

Леканов, будучи уверенным в справедливости обвинения, не терял нити допроса. Стремясь услышать подтверждение моей вины, повторял одни и те же вопросы, правда, в другом контексте.

— А не хотели ли вы выяснить реакцию населения? Не испугалось ли оно?

Прокуратура, конечно, знала о крайней политизации населения к тому времени. Суверенизация, самостийность, децентрализация, антикоммунизм расцвели махровым цветом. Одуревшие от жажды власти «демократы» боролись и с центром и с Горбачевым. С волей народа, проявленной в ходе референдума 17 марта, не посчитались бы ни Ельцин, ни Кравчук, ни другие.

Кстати, два года спустя «всенародно избранный» по-другому заговорит о референдуме. В своем указе № 1400 от 21 сентября 1993 года он заявит: «Большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной 25 апреля 1993 года». Значит, по Ельцину, волю российского народа попирает нельзя, а волю советского всего народа растоптать надлежало без зазрения совести.

Признаюсь, сложные чувства овладевают мной даже сегодня, когда я перечитываю стенограмму допросов. Я ненавижу себя за скованность, презираю наведенную на меня кинокамеру, все эти кадры политической киношки. Одно могу сказать: режиссер был талантливым, он бы украсил фестиваль и в Каннах.

Еще во время «съемки» я подумал: через часок-другой «кино» повезут на просмотр самодовольному Горби и его домашнему философу. Но, по моему, ошибся: по дороге в Кремль пленку умыкнули, запродали на Запад.

...В окно заглянуло солнце, его лучи упали на противоположную от окна стену, на которой красовался пейзаж: северные олени переплывают озеро. Хотелось бы, чтобы и это озеро, и этих оленей освещало незаходящее солнце.

Следователь попросил выключить камеру, подошел к окну и задернул шторы. Как бы выражая заботу обо мне, произнес: «Береженного Бог бережет». Но я понимал: он старается, чтобы никто не узнал, куда увезли арестованных. Ему важно было подтвердить правоту слов из указа Ельцина: «Считать ГКЧП антиконституционным и квалифицировать его действия как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением». Впоследствии стало известно, что эти строки написал Р. Хасбулатов, который нашел в себе мужество сбежать из стаи самозванных кремлевцев.

И снова следователь старается вытянуть у меня признание, что мы действовали вопреки Конституции: «Вы наверняка рассчитывали на то, что народ все проглотит, что вас поддержат, не спрашивая, а конституционно ли это?»

Да, мы надеялись на народ. Мы считали: народ прекрасно понимает, что начатая по инициативе Горбачева перестройка — политика реформ — в силу разных причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Но, увы, понимание всего этого сложилось у населения позднее...

— Когда вы увидели, что завязли в афере, из которой нужно выбираться? — гнул свою линию следователь.

— А нам и не надо было выбираться. Мы были вместе с народом. И это лишний раз подтверждает, что заговора не было. Иначе бы «заговорщики» подготовились. Напротив, инициатива была в руках поповых, афанасьевых и других ярых ельцинистов.

Почему-то на допросе я вспомнил, как Г. Попов отдал чудовищный приказ столичным торгашам больше не отпускать продукты жителям других областей. И стоял казах-панфиловец в Елисеевском гастрономе проездом из Талды-Кургана в Калининград, защитивший Москву от фашистов, выпрашивая двести граммов «Любительской» колбаски на дорожку. Но никто из продавцов не осмелился нарушить указа мэра. Какой позор! Уже тогда россияне разглядели хамовитое лицо московской демократии...

— Если вы уже после пресс-конференции увидели, что зашли чересчур далеко и совершили преступление, почему вы продолжали вводить танки в ночь с 20 на 21 августа, ввели комендантский час, назначили коменданта города?

— Чрезвычайное положение введено согласно Заявлению Советского правительства, а затем подтверждено указом и.о. президента Г. И. Янаева, где говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н. В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 часов взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не введен.

— Кто мог рекомендовать Янаеву ввести комендантский час? Янаев же не военный. Прошу честно ответить.

Я говорю честно:

— Закон о чрезвычайном положении принимал Верховный Совет. Там разве одни военные заседали? Янаев ввел чрезвычайное положение, а Калинин, исходя из обстановки, как комендант города объявил комендантский час. Сил и средств, несмотря на то, что были вызваны и прилетели в Москву еще два парашютно-десантных полка, все же было недостаточно для обеспечения ввода ЧП. Потом мы с Калининым обговорили все вопросы по выводу тяжелой техники из Москвы.

* * *

— Что можете сказать о вашей рекомендации разогнать силы, защищавшие Белый дом? Ведь формальный повод был — в 23.00 все

должны были разойтись по домам, — продолжает вопрошать следователь.

— Объясняю следствию: у здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тысяч человек, поэтому вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался на совещании ГКЧП. По городу было организовано патрулирование на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах. Применять оружие было строго запрещено. Это было похоже на ситуацию, когда пытаются зажечь спичку перед пороховой бочкой.

Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина и были задержаны БМП. Их забросали бутылками с зажигательной смесью.

— Заменялись ли войска, которые стояли перед Белым домом, по той причине, что военнослужащие были уже политически неблагонадежными?

В связи с этим вопросом я заметил:

— В мире много домов белого цвета, но официально называют Белым домом резиденцию президента США в Вашингтоне. Называть здание, где размещался Верховный Совет и Правительство России, «Белым» — это значит притязать на чужое наследство. Тем более что на месте, где американцы возвели свой Белый дом, когда-то стоял бордель. И кроме того, вам неизвестно: заменяли войска или нет, почему же вы сделали вывод, что после общения с народом войска политизировались? Это байки радио «Эхо Москвы».

Батальон ВДВ для охраны здания Верховного Совета РСФСР был направлен по просьбе Ельцина генерал-лейтенантом Грачевым, который доложил мне об этой просьбе. Я дал согласие, и он по радио, когда дивизия была еще на марше, передал приказ генерал-майору А. И. Лебедю. Охрана возле здания была постоянной, танковые подразделения находились там до 22 августа.

Леканов вновь спросил:

— Когда вы осознали, что это государственный путч и переворот?

— Как можно называть это государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. Не было ни военного, ни гражданского переворота. Президент сам говорил по телефону, что ему звонил Ельцин, высказывал мысль, что Россия тоже хотела бы воздержаться от подписания договора. Потому и выехала к нему группа товарищей, чтобы предостеречь от ошибки. Но Горбачеву во что бы то ни стало хотелось подписать антинародный документ о развале Союза.

— И тогда вы решили отвести войска? С 21 августа вы практически встали на путь покаяния?

Решение о выводе войск было принято вечером 20 августа. Если объективно проанализировать события этих трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить танки и БМП. Позже А. Н. Яковлев признается: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

Затем Леканов предложил прерваться, якобы на обед. Но мне разрешили выйти из комнаты, лишь когда он закончил прослушивать кассеты. Столичная «демократия» продолжала возводить надолбы лжи, и вскоре появились телевизионные репортеры. Они начали меня уговаривать обратиться с покаянной речью к Горбачеву, дескать, для защиты от статьи, которую вам «шьют». Мол, все средства хороши, Дмитрий Тимофеевич, особенно выбирать-то вам и не приходится.

И под влиянием усталости я поддался на их уговоры, «Покаянное кино» подали как часть допроса. И «Шпигель» и прокурор посчитали их доказательством «совершенного преступления» по расстрельной статье — измена Родине...

И вот я снова в комнате-«камере» вспоминаю картинки горбачевской эпохи. Какие обжорные презентации и юбилеи устраивали «новые русские». Вот уже появились новые веяния в оформлении банкетов. По черной икре обязательно красной икрой лозунги: «Российской демократии — слава!», «Слава Горбачеву!». Были и другие варианты, но все равно красной икрой по черной: «Михаил Сергеевич, до встречи в Тель-Авиве!»

...В первом часу ночи 23 августа майор из охраны полусшепотом приказал:

— Поднимайтесь, мы уезжаем.

Я задал естественный вопрос:

— Куда?

— Этого я не знаю, прошу не мешкать, — И положил на тумбочку яблоко. — Возьмите, возможно, ехать придется долго.

И снова машина с ревом разрывала тишину в округе. За ней следовал автобус с вооруженной командой, три «Волги», замыкали колонну еще один автобус с вооруженными курсантами, машина с врачами и несколько автомобилей различного назначения.

Ехали в сторону Твери. Несмотря на то, что я уже трое суток не спал, в сон не клонило. Справа и слева от меня на заднем сиденье размещались вооруженные офицеры, сидящий рядом с водителем офицер держал между ног автомат.

Проехали Клин. Может, мы едем в Ленинград, в знаменитые

«Кресты»? Перед глазами маячила разделительная полоса на дороге. Я еще подумал, что эта полоса разделяет мое прошлое от совсем не ясного будущего... Я предался воспоминаниям, чтобы согреть свою душу среди этой бесовщины, дурмана лжи.

Приказ наркома обороны больше известен в народе как приказ «Ни шагу назад». Сегодня вокруг этого приказа достаточно спекуляций, Сталина обвиняют в излишней жестокости. Но разве можно представить себе жизнь, особенно когда решается судьба страны, без требования быть сильным, требования, которое ты должен предъявлять прежде всего сам к себе? Генерал де Голль писал в своей знаменитой книге «На острие шпаги»: «Сила — средство мысли, инструмент действия, условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила — это щит мудрецов, оплот тронов. Сила — могильщик пришедшего в упадок, она дает законы народам и определяет их судьбу. Сильные личности не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, принятую в повседневной жизни».

Интересно сравнить настроения обитателей Кремля летом 1942 года, когда И. Сталин подписал исторический приказ, с атмосферой в ставке Гитлера в конце 1945 года, когда кое-кто из немецких генералов уже подумывал, как достойно расстаться с жизнью. Если в Кремле пораженческие настроения на корню пресекались и не было намека на какие-либо дворцовые интриги, то в Германии в высших сферах царил раздраз. Генералы, пленившие гордые европейские столицы, писали друг на друга доносы Гитлеру.

Особенно отличился идеолог рейха Йозеф Геббельс. Уже в самом начале 1945 года он выдал весьма нелестные характеристики многим полководцам фюрера: «У Гудериана нет твердости в характере. Он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками и на западе и на востоке. У Гимmlера нет никаких оперативных способностей. Уж, конечно, он никакой не полководец». Не повезло и Герингу: «Во всяком случае, колебания в отношении Геринга привели нацию к тяжелейшим бедам. Я намерен послать фюреру одну главу из Карлейля, как поступил Фридрих Великий с принцем прусским Августом-Вильгельмом, когда тот совершенно испортил ему циттауское дело. Фридрих устроил над своим родным братом и наследником трона расправу, которую я считаю образцовой».

Понятно, Геббельс не жалел черных красок для своих товарищей по партии, призывая к расправе над ними. Совсем другие нравы царили в Кремле: если кому-то и перепадало, то исключительно за дело. Сталину

даже в эти критические для Отечества дни нельзя было отказать в справедливости и великодушии. И это главная причина, почему нынешние лжедемократы без чувства меры прокручивают заезженную пластинку о жестокости вождя. С точки зрения отечественной «завлабовской» демократии приказ № 227 и связанные с ним чувства патриотизма, любви к Родине — анахронизм.

И чтобы отсечь народ от его величественного прошлого, ангажированная свора историков проводит беспрецедентную акцию по очернению защитников государственных интересов. Атаку на державников начали еще во времена Хрущева, развенчивая деяния Сталина, его полководческий дар.

Несомненно, те, кому это было выгодно, в лице Хрущева нашли идеального «героя истории». Недавно вышла в свет книга известных ученых Б. Г. Соловьева и В. В. Суходеева «Полководец Сталин». Они поведали неприглядную историю из жизни Н. Хрущева. Но сначала напомню читателям о сыне главного докладчика на XX съезде КПСС. Как известно, сын Хрущева Леонид активно сотрудничал в плену с фашистами. Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный Главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущева у немцев. Вскоре Леонид Никитович предстал перед военным трибуналом, который приговорил его за измену Родине к расстрелу. Н. Хрущев умолял И. Сталина не допустить смертной казни. На что И. Сталин ответил: «Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?»

Умер И. Сталин, и спустя несколько лет, будучи Первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от министра обороны страны Г. Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На что Жуков резко возразил, дескать, предателей не представляют к боевым наградам, тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист, Жуков бросил его в сторону Хрущева. Этот случай и послужил поводом наряду с другими для снятия Г. Жукова с поста министра обороны СССР. К сожалению, этот факт, чтобы обелить Хрущева, предали забвению, впрочем, как и многие другие факты.

* * *

Нет сомнений, что И. Сталин догадывался: могут наступить новые времена и его оппоненты попытаются учинить над ним расправу. Посол

СССР в Швеции А. М. Коллонтай сохранила некоторые фрагменты беседы со Сталиным в ноябре 1939 года:

«Многие дела нашей партии и народа, — говорил Сталин, — будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет надавлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм. Но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

...Но вернемся к приказу наркома обороны за № 227. Это «пятая колонна» снабдила «поручителя русских святынь» подлейшими вымыслами из жития-бытия И. Сталина, замутив «оттепельные» воды истории грязными домыслами. Через критику Сталина открывался путь для развенчивания подвига россиян в годы борьбы с фашизмом. Критикуют Сталина, а на самом деле учиняют расправу над славянами, отечестволюбивыми мусульманами. Приказ наркома обороны за № 227 идеологи «пятой колонны» рассматривают как своеобразную высоту, которую необходимо взять, чего бы это ни стоило. Именно с этой высоты отчетливо просматривается будущее России, наша соборность, сопротивленческий дух. Сровнять с землей эту высоту, на которую так вовремя позвал нас Сталин, — вождьсленная мечта врагов России. За это они все отдадут. Вне этой высоты мы не нация, а сброд.

Сегодня мы все беженцы в своем Отечестве. Одни бегут от надвигающегося будущего, другие устремлены в прошлое, ищут спасения у

духовников. Бывшее древко государственного флага СССР для многих стало посохом...

Мне вдруг вспомнилась китайская мудрость: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Перемены в СССР происходили явно не в интересах государства. Горбачев не в состоянии был воспринимать мир в его целостности и единстве. Он выхватывал лишь отдельные фрагменты из жизни и потому постоянно рушил вязь времен. По-моему, он так и не понял, что Закон — это символ любви ко всему живому, хотя и закончил юридический факультет. Ни в коем случае Закон не должен служить для эгоистических побуждений фарисеев, обслуживать их идеологию. Что значит Закон для личности, славяне почерпнули по крупицам из Евангелия. «Не думайте, что я пришел нарушить Закон, — говорит Христос, — не нарушать я пришел — исполнять!»

Может, самая большая беда Горбачева заключалась в том, что он не научился отличать добро от подделок под добро. Он любил красоваться в зареве перестройки и национальные пожарища в республиках воспринимал не как бедствие, а как еще один спецэффект для освещения своей фигуры. Поразительно, что Горбачев, имея в доме специалиста по Великобритании, будет прислушиваться к советам М. Тэтчер, какие конституционные реформы необходимо провести в СССР. Хотя студенту юрфака известно: Великобритания отличается от других стран отсутствием писаной Конституции. Внимал Генсек и советам Буша — как ограничить влияние спецслужб на важные решения президента. Горбачев, соглашаясь с Бушем, кивал головой, хотя надобно было знать, что «бесценные» советы он выслушивает от бывшего главы ЦРУ, матерого разведчика.

История падения Горбачева началась с политического флирта с М. Тэтчер, когда Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной отправились на «смотрины» в Лондон за год до своего звездного часа. К тому времени «забугорные голоса» всюду обсуждали геронтологические проблемы членов Политбюро. При этом столичные слушатели забугорного бреда совсем не замечали, что президент США Р. Рейган — ровесник К. Черненко, а Ф. Миттеран разменял восьмой десяток, когда его переизбрали президентом Франции. Не все также догадывались, что это не Брежнев окружил себя старцами под стать себе. Что сей букет из старцев селекционировал по цветочку Андропов, дабы обеспечить себе мощный финиш в борьбе за главную должность в партийной иерархии. Так что «проблема старцев» имела свою подоплеку.

Раиса Максимовна каким-то седьмым чувством угадала, что именно их

семейству сигналият из европейских столиц. Что полный мандат доверия на избрание ее благоверного на пост Генерального секретаря могут обеспечить, как это ни выглядело парадоксально, Тэтчер, Рейган и Буш.

Надо отдать должное, на лондонских «смотреинах» Раиса Максимовна весьма преуспела. Это была феерия! Несколько раз на день она меняла наряды. То набросит кокетливо на плечики горжетку, то предстанет перед дипломатами в шитых золотом тужельках. Все ждали, что чета Горбачевых отправится на кладбище поклониться Марксу, ан нет! Мадам Горбачева проложила новый маршрут, неведомый женам других членов Политбюро. И вот уже блицают камеры вездесущих фотокорреспондентов: супруга Горбачева примеряет бриллиантовые сережки в ювелирном магазине на берегах Темзы! Протокольный венок с крепом для Маркса так и не был востребован. Но почему же? Ведь еще школьником сообразительный Миша Горбачев нарисовал портреты Ильича, за что и получил премию на районных смотреинах юных дарований.

Пришло время, и чета Горбачевых «посигналила» сильным мира сего — мол, мы ваш намек поняли. Оставалось спровадить Черненко в последний путь...

Флирту своего благоверного с сиятельной особой с Даунинг-стрит рассудительная Раиса Максимовна придавала огромное значение. В свою очередь, Михаил Сергеевич постарался не заметить прискорбного обстоятельства: «железная леди» в дни фолклендского конфликта отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно».

Словом, и «железная леди», и «бриллиантовая дама» из Москвы не переставали восхищаться своим кумиром. Маргарет Тэтчер настолько увлеклась «новым мышлением» Горбачева, что не придумала ничего лучше, как напечатать в стране великого Шекспира последние творения Генсека умопомрачительным тиражом: по три книжки на каждого жителя Лондона, восседающего у камина. Каков успех!

При всем при этом позволю себе сделать комплимент домашнему философу Горбачева. Будущие историки наверняка уловят некоторое сходство Раисы Максимовны с Маргарет Тэтчер. Последняя, взглянув на портреты своих предшественников в знаменитом доме на Даунинг-стрит, изрекла: «Не беспокойтесь! Я сдвину их всех вниз!»

И Раиса Максимовна не церемонилась: раздражающие ее политические фигуры убирала!..

Разглядел Горбачева среди минеральных источников и деревянных орлов Ставрополя Юрий Андропов, он и привел его чуть ли не за ручку в Кремль. Юрий Владимирович был опытным политическим тяжеловесом-борцом, по своему усмотрению создавал политическую ауру вокруг «дорогого Леонида Ильича». Это Андропов осмотрительно согнал на обочину молодых претендентов на высший партийный пост в государстве: Шелепина, Шелеста, Полянского, обвинил в барских замашках и Романова.

Андропов понимал прекрасно, что понятие «враг народа» раздражает общественность, куда более благозвучно звучит «диссидент». Не разобрать: то ли это осуждение, то ли награда, признание заслуг перед другим государством. Вот почему на закате хрущевской эпохи, когда формировался политический сленг брежневского времени, и укоренилось слово «диссидент».

Сегодня диссиденты «от Андропова» почти все при регалиях, должностях, а кое-кто из них обороняет смятые перестройкой рубежи марксизма.

Поразительно: больше всех пострадали и сегодня не востребованы те, кто остался в стране. Это известные русские писатели, публицисты, философы. И здесь, как мне кажется, необходимо вернуться к так называемому делу «русистов», ибо из «дела писателей» будущим политикам предстоит черпать нравственные ориентиры. Поможет сей экскурс в «дело писателей» взглянуть иными глазами и на фигуру Андропова.

В кремлевском деле «русистов» было больше политики, чем литературоведческих изысков. Первую страничку в этом на шумевшем деле открыл сам Юрий Владимирович. И потому западные политологи постарались представить это дело как танковую атаку державников в так называемой бескровной «филологической войне». К тому времени в некоторых республиках посчитали зазорным изучать даже язык Пушкина. Вслед за филологическими спорами в республиках получили распространение разные виды сепаратизма: от экономического до политического. К неопишуемой радости нынешних столичных демократов свой гнев Андропов обрушил прежде всего на русских писателей: В. Ганичева, С. Куняева, С. Семанова, В. Сорокина, В. Чалмаева, А. Никонова. Сокрушительной критике подвергли и книгу В. Белова «Лад».

Пожалуй, этой позорной войне с русскими писателями не найти аналога в мировой истории. Мне трудно представить, чтобы государственные деятели Франции или Норвегии развернули беспощадную борьбу со своей национальной литературой, с писателями, повязанными

обоюдно «самой жгучей, самой смертной связью». Неужели Юрий Владимирович не знал о «дружеском» напутствии наркома внутренних дел Ягоды М. Шолохову: «А все-таки вы — контрик». И вот о чем я подумал: если бы Юрий Владимирович жил в эпоху Л. Толстого, Ф. Достоевского, он так же бы боролся с русской литературой? Почему Андропов запретил Никите Михалкову снимать художественный фильм «Дмитрий Донской» по сценарию известного русского писателя Юрия Лощица? Впрочем, бытует и другое мнение: кто-то же должен был отвечать за всесоюзную политическую наружку. В Кремле стояла ненастная погода, и нет ничего удивительного, что Юрий Владимирович прогуливался по Дзержинке под зонтиком идеологии. Шербургские были явно не в моде. И разве возвращение еще одного расстрельщика русской литературы А. Яковлева из Канады на кремлевский Олимп не штрих в биографии Юрия Владимировича?

Надеюсь, теперь понятно, почему М. Горбачев не воспользовался услугами русской партии и сервировал свою политическую кухню блюдами с тель-авивского стола, усадив за этот стол помощников и референтов Андропова. К тому времени политическая и финансовая столица из США переместилась в Израиль...

Начинал свои экономические реформы Горбачев активно и вдохновенно. Основные их положения он косноязычно считывал с американского листа, ни в чем себе не отказывая в политической борьбе. И здесь не обойтись без замечания немецкого профессора Шубарта: «Когда Наполеон взял Берлин, немцы встали навывтяжку, когда же он взял Москву, русские подожгли свою столицу».

Похоже, история повторилась, но в ее трагическом варианте: когда последний Генсек завез в Москву демократию, как ее понимали Рейган и Буш, то порешил, что нашел панацею от всех бед, и на радостях подпалил всю экономику России и братских республик. Вскоре от них остались одни руины. Отныне мы живем в своем Отечестве подобно погорельцам, по всему миру бродим с сумой. Гитлер ограбил Германию, дабы почти 100 миллионов марок вложить в броню, пушки и самолеты. Наши же «новые русские» разворовали Россию, чтобы укрепить могущество других государств.

* * *

...Туман на дороге с рассветом становился плотнее. Над островерхими

елями краснело, как огромный раскаленный жернов, солнце. Колонна остановилась. Никто ничего не объяснял. К машине, в которой ехал А. И. Тизяков, поспешили две женщины. Я узнал их— это были врачи, они-то и сделали укол Тизякову прямо в машине. Видимо, от высокого давления, оно беспокоило его и раньше.

Деревни, деревни... Проехали Завидово. Поворот влево на Козлов. Фары высветили дорожные знаки. Вот здесь в мае произошла авария.

19 мая 1991 года... Как будто кто-то требовал от меня расслабиться, побыть с женой, поехать куда-нибудь, подышать воздухом на природе. Был чудесный день, туман полз из леса к дороге, по которой юрко сновали «Жигули», «Волги» и наши две машины, как два вороненых крейсера. Мы неслись в сторону Твери, в Завидово, шутили, смеялись, а Грей, английский кокер-спаниель, сидел на самом почетном месте, положив мне лапы на колени.

В Завидовском заповеднике нас встретили Вадим Кузнецов и Тамара, повели к пруду, где резвилась форель. Каждый раз мы радовались, когда пестрая, с ярко-красными крапинками форель кувыркалась в сочной зеленой траве.

Ближе к обеду мы поблагодарили радушных хозяев и поехали в Москву. И опять рваные серые облака, скользкая дорога. Какой-то, как бы предупредительный, монолог произнес Петр Сергеевич Акимов в адрес водителя: «Ты помнишь про езду Брежнева? Сколько было аварий». И все это бы не касалось нас, думалось, что застрахованы от всех напастей.

И вдруг! Перед самым поворотом на Ленинградское шоссе молоковоз, огненно-красный, как зловещий призрак, ударил в бок багажника. Нашу машину понесло через дорогу на большой скорости. Передние колеса перепрыгнули через глубокий кювет, а задние осели.

Больше всех пострадала Эмма Евгеньевна. Правая нога в нескольких местах оказалась сломана, а левая рука, которой она ухватилась за поручень, оторвалась и держалась только на коже. Мы перенесли Эмму Евгеньевну в связную машину и помчались в Москву. Еще в машине мне удалось дозвониться до Андрея Демьянова, дежурившего в приемной министра обороны. Попросил встретить нас в красногорском госпитале. Был воскресный день, многие хирурги уехали на дачу, но к нашему прибытию их всех собрали в хирургической.

И началась операция. Первая, через три дня — вторая. Телефон не умолкал, нам спешили выразить сочувствие. Позвонил и Валентин Иванович Варенников. Он предложил мне положить на гипсовую руку Эммы Евгеньевны гвоздику... И так было каждый день, пока Эмма

Евгеньевна сама не подняла упавшую на пол гвоздику...

...Колонна остановилась. Полковник из охраны предложил мне, не вылезая из машины, накинуть плащ-палатку, дескать, крестьяне глазастые, любопытные, уж они-то опознают Язова. Я ответил, что мне в машине не холодно, а что касается любознательных, во всяком случае мне не стыдно, что меня везут арестованного в Кашин.

— Откуда вам известно, куда вас везут? — взметнулись брови полковника.

— Посмотрите на указатель, на нем написано «На Кашин». Об этом городке, как и о древней Тверской земле, я кое-что знал. Например, что вдова Михаила Святого, князя Тверского, Анна после его убийства в Золотой Орде удалилась в Кашинский монастырь. В Кашине княжил один из сыновей Анны. В монастыре Анна прожила почти 30 лет, намного пережив своего недруга — князя Владимирского, больше известного как московский князь Иван Калита.

Перед въездом в город возвышался обелиск со славянской вязью: «1289 год». Обратил я внимание и на старинные, из красного кирпича лабазы, около которых стояли длинные очереди — визитные карточки эпохи Горбачева. Остряки шутили: «Это люди обсуждают новое мышление Горбачева!»

Вдруг на высоком берегу незнакомой мне речушки показалась церквушка, чуть поодаль стоял монастырь. В этом святом месте и располагалась тюрьма. Со скрипом отворились тяжелые створки ворот, и уже неласковым лаем поприветствовали правительственный кортеж Степанкова местные волкодавы.

Машины въехали на грязный тюремный двор, мне же предложили пройти в одноэтажное здание. Обыскивали тщательно, долго вертели в руках фуражку, прощупали все швы на кителе, выписали квитанцию на форму, отдельно на часы и на зажим для галстука. Взамен мне выдали широченные зековские брюки и куртку с нашивкой на рукавах: «ЗМИ». Не знаю, что это обозначало, но было ясно, что отныне я зек.

В моей комнате — две металлические кровати, металлический стол, в углу — чаша «генуя» — вот и все удобства. Чуть позже охранник принесет тощий матрас, рваные застиранные простыни, тонкое дерюжное одеяло.

Окно в камере было разбито, тюремный пейзаж заключала рамка из толстой металлической решетки. Вот и первая весточка, кто-то о себе оставил бесценные сведения: «Пенза — Николай», «Тверь — Иван», «Петр — Кострома», «Фомич из Орла». Я еще подумал, что за решетку угодили русские города, не стыдно будет подписать и Язово! А вот и неожиданная

встреча: на стене среди оборванных наклеек «огоньковский» портрет Новодворской с роскошными нарисованными вахмистерскими усами Буденного. Валерия Ильинична выглядела как заправская надзирательница за славянами. Она денно и нощно бдила...

Иуда-глазок в двери постоянно открыт — он тоже бдит. Закрывается глазок лишь на секунду, когда по коридору мимо камеры ведут заключенного. Первая ночь в кашинской тюрьме показалась вечностью. Тяжелы и беспросветны мысли зека. Все счастливое рушится грудой обломков, сплошные утраты.

* * *

Утром 24 августа в камеру завели человека с большущим черным мешком. Наголо остриженный, он приветливо улыбнулся еще на пороге: «Юрий! Механик из Минска».

Говорил он не умолкая, к тому же оказался зятем Петра Мироновича Машерова. Первое, что я подумал: подсадная «кряква», психолог-оперативник.

Хорошо придумали с «зятем» Машерова. Любому захочется узнать, как убрали Петра Мироновича. Циркулировали слухи, мол, ниточка вела в Кремль. Хотя и нет доказательств справедливости этой версии, но именно Машеров разрешил опубликовать антиссионистскую книгу В. Бегуна в Минске. В Москве публицисту отказали буквально все издательства, даже «Политиздат», который увлекался этой темой. А если учесть, что сам Андропов возглавил кампанию по борьбе с «русистами», писателями славянофильского крыла, эта версия не лишена исторической правды, более того, сегодня она обрывает новыми подробностями. Вызывает удивление и тот факт, что проводить в последний путь Машерова поехал в Минск М. Зимянин, хотя он и не был членом Политбюро, а это явное нарушение протокола, который обитателями Кремля тщательно соблюдался. Так что есть над чем поразмыслить...

Ну что же, послушаем твою версию, утеночек «подсадной». Когда у тебя, «зятек», началась командировка? Как только вертухай запустил в камеру? Открой профессиональную тайну: день «заезда» в камеру и «выхода» на волю в твоей конторе оплачивают за одни сутки, как и мастерам сцены? Будучи командующим Центральной группой войск в Чехословакии осенью 1980 года, мне довелось отправлять из Карловых Вар супругу Петра Мироновича, поэтому я знал кое-какие подробности о

гибели Машерова.

Юрий обстоятельно обрисовал мне детали последней поездки Петра Мироновича. Бронированный «ЗИЛ» вдруг посчитали неисправным, и Машерову предложили «Чайку». Ехали по Московскому шоссе с приличной скоростью, по осевой линии, до Жодино оставалось 14 километров. Навстречу шел «МАЗ», водитель, заметив кортеж из трех машин, затормозил. Но за «МАЗом» шел самосвал, он и протаранил «Чайку». Удар был настолько сильным, что Петр Миронович, его охранник майор В. Чесноков и водитель Е. Зайцев погибли мгновенно.

Я заметил сокамернику, что почти при таких же обстоятельствах погибли Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР и командующий армией ПВО, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Беда. Что это было? Цепь нелепых случайностей или определенная закономерность? Не будем забывать: беспокойно было в Кремле, постоянно шла подковерная борьба за выживание. Политические «селекционеры» не дремали, они все чаще задумывались над своим будущим, понимали: Брежнев не вечен, и кадры подбирали себе под стать...

А в новые времена мне больше всего запомнился траурный митинг, когда хоронили Кричевского и его компанию. Конечно, было жалко ребят, они были пешками в политической игре сильных мира сего. Чаще всех на митингах слышался голос Елены Боннэр, оперативная кличка — Лиса. Она сравнивала путчистов с фашистами. Думаю, Елена Георгиевна догадывалась: идет соревнование, кто больше грязи выльет на «путчистов». Ораторы спешили пролезть в самые высшие эшелоны власти.

Не скрою, к Елене Георгиевне я относился более терпимо, чем к другим демократическим пассионариям, все-таки она была фронтовичкой, разделяла невзгоды с академиком Сахаровым.

Андрей Дмитриевич Сахаров воевал со всеми, и нет ничего удивительного в том, что и с Сахаровым воевали все и продолжают воевать и поныне, при этом аргументы выбирают в споре с академиком самые сокрушительные, убойной силы. «Академик Сахаров, — пишет один из казахских политологов, — испытывал водородную бомбу на родине Абая и Ауэзова, великих казахских писателей». Но на это обстоятельство Андрей Дмитриевич даже не обратил внимания. Не дрогнул! И я хочу спросить межрегионалов: как бы они отнеслись к Сахарову, если бы он взорвал водородную бомбу на родине Шагала, Гроссмана, в окрестностях дачных владений Ростроповича? Да мало ли где можно было взорвать бомбу?! Полистайте справочник Союза писателей и — взрывайте, испытывайте!

Почему сия доля выпала родине Абая и Ауэзова? Разве академик не располагал данными о последствиях взрыва атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки? Ведь многим интеллектуалам хорошо известно, что когда президент Трумэн принял решение сбросить одну из атомных бомб и на древнюю столицу японцев — Киото, то бывший посол США в Японии встал на колени перед президентом США, умоляя его помиловать древнюю столицу. И тогда Трумэн на атомную казнь пригласил Нагасаки. Прекрасный сюжет для фрески в стенах ООН: коленопреклоненный посол уговаривает своего президента помиловать народ.

Ну что тут скажешь? Трудно пробиваться к истине. Смогли же русские писатели отменить поворот сибирских рек, никого не убоялись...

На траурном митинге, посвященном первым жертвам демократии, который транслировали по тюремному радио, выступил и Горбачев. Слушал я выступление Горбачева о событиях 19–21 августа и думал: «Ну вот, еще один зарождается миф. Когда же мы освободим Историю от завалов лжи?»

— Михаил Сергеевич, — разразился тирадой мой сокамерник, — на виду у всего честного мира перебегают из одного политического окопчика в другой! Самый ходовой товар в России — политические румяна. Вот увидите: сначала во всех грехах обвинят коммунистическую партию, а потом на ее развалинах начнется бурное строительство самых разных политических движений.

Мой сокамерник оказался на редкость прозорливым. Я часто его вспоминаю, когда размышляю о печальной судьбе черномырдинского движения «Наш Дом Россия». Нет, не Черномырдин виноват в развале НДР. Виноваты большие и малые вожди, которые пристроили к «Дому» Виктора Степановича свои политические мансарды. Вот дом и обрушился под тяжестью пристроек, все из него выбегают, как во время пожара. Каждый заботится о своей репутации, престиже, дабы возвести свою пристройку к новым, щедро финансируемым политическим хоромам. Когда же мы подпалим нашим миром эти политические притоны и на их месте позволим многострадальному народу построить что-нибудь и для себя? Чтобы и детей растить с чистой совестью и со светлыми помыслами защищать наш общий дом от врагов. Когда же мы построим дом с окнами на Родину?

Где-то во второй половине дня меня и «родственника» Машерова вывели на прогулку. «Полянка» для прогулки находилась на крыше двухэтажного здания и больше напоминала камеру с потолком, увитым колючей проволокой. Над проволочным двориком — настил, по которому ходят охранники с овчарками. Спрашиваю у опытного в тюремной жизни

Юрия: «А зачем собаки? Неужто отсюда возможно сбежать?»

— Для чего волкодавы? Чтобы давить на нашу психику. Чтобы мы выглядели ниже четвероногих. И наш долг — не оскотиниться. Поэтому перейдем лучше к культурной части нашей программы. Дмитрий Тимофеевич, что вам известно о Кашине?

— Судя по стеле при въезде в городок, дата основания Кашина— 1289 год, время княжения в Твери Михаила Святого. Отец его, Ярослав Ярославович, был братом Александра Невского. По утверждению историка Сергея Соловьева, князь Михаил родился в 1272 году и был убит в Орде в результате дворцовой интриги. После его гибели Кашинский уезд унаследовал младший сын Михаила Святого — Василий.

Говорили мы с Юрием долго, пора было и вздремнуть, но цепь на двери вдруг заскрежетала, защелкал ключ в огромном замке, со скрипом полуотворилась тяжелая дверь...

— Язов, — слышалось, — на выход с вещами!

Вещи были тюремными, и потому сборы оказались недолгими. Я догадался: на сей раз мы поедem в Москву! Выхожу из блока — снова стоят БТРы, кругом охрана, «Волги». Подошел к машине. В свете фар видно, как ветер рвет и крутит пожухлые листья. В тюрьме, отметил я, осень наступает чуть раньше...

Российский «Маяк», радио «Эхо Москвы» в эти дни стояли у плиты политического варева. Всех, кто ратовал за сохранение СССР, называли «путчистами». А тех, кто вел страну к развалу, именовали последовательными демократами. Наступят иные времена, и демократы начнут грызть друг другу глотки. Таковы нравы стаи.

* * *

Уже 23 августа нас по инициативе генерал-лейтенанта Махова исключили из партии. Поговаривали, правда, но я в это не верю, дескать, офицеры Главного штаба ВМФ приняли обращение к министру обороны Язову: объявить о своем выходе из ГКЧП, «следовать указаниям всенародно избранного».

Мне доподлинно было известно, что вечером 21 августа Горбачев по телефону разговаривал с начальником Генерального штаба генералом армии М. А. Моисеевым и приказал ему возглавить Министерство обороны СССР. Но нашлись более «преданные», они-то и подставили Моисеева и других совестливых генералов, лелея надежду занять сей ключевой пост.

Первым отрапортовал о своей преданности демократам генерал-полковник Шапошников. Он поспешил заявить, что сегодня, 23 августа, на заседании Военного совета ВВС будет обсуждаться вопрос о его, Шапошникова, выходе из рядов КПСС. Шапошников потом вспоминал, ему позвонил Моисеев и предупредил:

— Евгений Иванович, я в приемной Горбачева. Он просит вас прибыть к нему.

— По какому вопросу?

— Не знаю, — ответил Моисеев и спросил: — А это правда?

— Что правда?

— А то, что ты из партии вышел?

— Правда!

— Ну, ладно, подъезжай...

Кто же взрастил генерала? Кому он обязан своей блистательной карьерой? Если бы Шапошникова спросили об этом в начале 1991 года, Евгений Иванович без колебаний бы ответил: «Партии!» И уточнил бы: «Родной партии!» Одним словом, Шапошников повторил уже не смертельный трюк театра Марка Захарова.

Но это было только «славное начало». Позже Шапошников сдаст козырную карту, о которой мечтали в германском рейхе. В минуту величайших стратегических размышлений, озарений в борениях с коммунистами, бывшими своими товарищами, Шапошников выдаст перл — дескать, ради торжества демократии не грех сбросить и бомбы на Кремль.

Через три года в интервью программе «Новый взгляд» Шапошников подробно опишет и свой визит в Кремль. «Я не угадал причину вызова к Президенту СССР. Оказывается, в Кремль меня пригласили, чтобы назначить министром обороны Советского Союза. Произошло это в присутствии всей новоогаревской команды — Горбачева, Ельцина, Назарбаева, Кравчука и других. Когда Михаил Сергеевич объявил о своем решении, я немного посопровтивлялся. Очень уж неожиданно все случилось, да и авиацию бросать не хотелось. Горбачев, правда, тут же возразил: «У тебя и ВВС останутся, и все другие войска добавятся. Мы сейчас у товарищей спросим, есть ли возражения против твоего назначения?»

Борис Николаевич Ельцин, которого я впервые в жизни так близко видел, сказал: «Какие возражения могут быть? Мы же все решили!»

Бесценную мысль Ельцина подхватил Михаил Сергеевич, он распорядился: «Принесите указ».

— Пока руководитель аппарата Президента Г. Ревенко, — продолжает Шапошников, — ходил за документом, я решил, что нужно до конца прояснить ситуацию. «Михаил Сергеевич, вы не все обо мне знаете. Я только что вышел из КПСС». Немая сцена. Все молча переглядываются и смотрят на Президента СССР, ожидая его реакции. Спустя мгновение Горбачев ответил: «Вышли — значит вышли. Это не самая большая беда», — и подписал указ. После этого пригласил Моисеева. При этом Михаил Сергеевич предупредил Михаила Алексеевича, чтобы тот не делал никаких глупостей, очевидно, имея в виду самоубийство.

Моисеев же, не разобравшись, ляпнул: «Заверяю вас, товарищ Генеральный секретарь, что таких глупостей, как Шапошников, делать не буду и из партии никогда не выйду».

Проинформировало меня тюремное радио и о других кадровых перестановках: начальником Генерального штаба назначен генерал армии В. Н. Лобов, первым заместителем министра обороны — генерал П. С. Грачев.

* * *

Я, конечно, догадывался, что в эти дни на самой вершине власти царит что-то невообразимое. Самозванные «кадровики» подбирали команду. Бывшие денщики советских вождей сбрасывали с вершины власти менее расторопных, более совестливых. Почувствовав себя под сенью какого-нибудь вождя-демократа, они называли Россию не иначе, как «империей зла». В те памятные дни 1991 года многие карабкались на танк у стен Белого дома и слезали с брони уже при орденах, чиновниками самой высочайшей пробы. Без зазрения совести они изгнали с дач вдов полководцев, видных военачальников, конструкторов-оружейников, захватив их собственность под самыми разными предложениями. К сожалению, великий передел нравственности царит и поныне. Но еще Лукреций предупреждал: «На страшное злодейство нас обрекает безнравственность». Увы, не было в Белом доме кабинета с табличкой «Лукреций»!

Вспоминаю А. Бовина, придворного льстеца. Как он удивился, что на пресс-конференции среди членов ГКЧП сидел крестьянин Василий Стародубцев. Литобработчик статей и выступлений генсеков чуть ли не плакал от досады. Судьбу отныне вершили простые русские мужики. Это Бовин обкормил весь народ бездарным лозунгом: «Экономика должна быть экономной». За свою пылкую любовь к Генсеку потребовал ни много

ни мало — место посла в Люксембурге. Брежнев оторопел от подобного проявления чувств преданности к Марксовой идее. «Такой большой Бовин — и на маленький Люксембург?» — умело отказал Брежнев льстецу.

Успешно набирал политический вес и бывший преподаватель, окроплявший марксизмом уральское студенчество, Геннадий Бурбулис, один из редакторов позорного Беловежского документа.

С Бурбулисом чуть позже приключится презабавная история. Возомнив себя вождем-идеологом при ельцинском дворе, которому и океан по колено, практик-теоретик на одном из приемов изрядно набрался «коньяков из Парижа». При этом он обрушил все это «богатство» на дивный цветок в горшке, дар японских парламентариев. И как на беду — рядом стояла Наина Иосифовна. Супруга президента, она нашла в себе мужество решить «кадровую» проблему Бурбулиса. Правда, пикантность сей ситуации состоит еще и в том, что несколькими годами позже памятного приема Бурбулис попытается возглавить «Конгресс российской интеллигенции». По-видимому, ожидался большой завоз икебаны из Страны восходящего солнца. Другой, более светской кандидатуры, дабы возглавить интеллигенцию России, не нашлось...

Среди столпов демократии все чаще встречаются типажи, которые заставляют задуматься: да неужто категория нравственности канула в прошлое? Посмотрите на глашатая столичной демократии Николая Сванидзе, который на российском ТВ поучает нас, как следует понимать права человека. «В СССР я был дворником, — сообщил о себе бесценные сведения служба демократии, — но когда в августе 1991 года Россия вернулась в лоно цивилизации, мои друзья воспрянули духом!»

И я хочу спросить бывшего дворника: «Да неужели кремлевские вожди мешали М. Ромму снимать фильм «Девять дней одного года», Г. Товстоногову работать над «Холстомером», С. Бондарчуку создавать мировые шедевры, Е. Евтушенко А. Вознесенскому сочинять хрестоматийные глянцы: «Казанский университет», «Лонжюмо», и разве Г. Вишневская, поработавшая буфетчицей, свой певческий дар угробила в офицерской гарнизонной столовой?»

Но вернемся к Николаю Карловичу. Стоило ему заполучить свой идеологический «надел» на российском ТВ, как ярый борец с цензурой и притеснениями без зазрения совести закрыл неудобные ему телевизионные передачи. Более тридцати программ «прихлопнул» певец демократических свобод! Да М. Сулов и за всю свою жизнь столько не закрыл. Но если Сулов расправлялся с чужаками, то Сванидзе беспощадно бьет по своим. Не верите — спросите Светлану Сорокину, со всем своим демократическим

«скарбом» от глашатая свободы она перешла на другой телевизионный канал.

Может, кто-то попытается оспорить мое мнение, но я называю ее коллегу Ирину Зайцеву мужественной женщиной. Автор передачи «Герой без галстука», она умудряется, вопреки царящей строгой цензуре на ТВ, показывать «скромный» быт кремлевских вождей, глав администраций, республиканских президентов. Да подобная роскошь в их логовах-коттеджах не по плечу и многим арабским шейхам! Не понимаю я, почему Сажи Умалатова до сих пор не присвоила звания Героя Социалистического Труда за последовательное разоблачение «скромных» возможностей зарвавшихся местных царьков. Молодец, Ирина!

А что же наш давний знакомый Николай Карлович? Железной метлой идеологии он выметает всех инакомыслящих с ТВ, и прежде всего — русских.

Не понимаю я и Марка Захарова. Уж так добросовестно пропагандировал лучезарное ленинское учение среди столичной молодежи, советовал школярам в себе искать Ленина. Это Марк Анатольевич клятвенно заверял вождя московских коммунистов Гришина, что еще послужит торжеству марксизма-ленинизма. Правда, были и другие режиссеры, например, Андрей Александрович Гончаров, он обошелся без ленинианы и ничего — выжил, остался великим режиссером в истории русского театра!

Сегодня Марк Анатольевич любит вспоминать, как после каждой шатровской премьеры его вызывали на Старую площадь, учили подлинному марксизму. Но мыто знаем подоплеку этих «проработок». С легкой руки Марка Захарова шатровских Ильичей тиражировали по всем провинциальным театрам, ибо запретный плод — сладок!

Да, тяжек крест людей, их ответственность перед державой, которые не ради политического вождения пришли управлять этим непростым миром. И чтобы не рухнул наш славянский мир, не распалась связь времен, каждый, стоящий у власти, обязан находиться в светлом поле деяний и поступков. Давно пора нам понять, что Родина — это не только деревня, где ты появился на свет, где работаешь и живешь ради своих детей. Государство — это наши благородные деяния, нечто слагаемое из полей, гор, лесов, рек, дающих жизнь таким же городам и деревенькам, соединенным общностью языка и историей, нравственными поступками наших предков, их верой и воинской доблестью. Вся политическая география нашего государства издавна вплетена в суровую нить личной судьбы каждого из нас.

К сожалению, сегодня что ни политик, то наставник. А «нравственность» политиков такова, что перед ней меркнут подвиги отцов-пустынников. Вот в такую драматическую эпоху мы живем.

Новые допросы. Горбачев и «ядерный чемоданчик»

Машины шли на большой скорости по вновь отремонтированному шоссе Сергиев Посад — Москва. Часам к двум 26 августа подъехали к «Матросской тишине», открылись тяжелые ворота, около которых стояли бронетранспортеры.

В камере номер 201 на втором этаже «Матросской тишины» меня встретил молодой человек Андрей Антонов. Камера была наполовину покрашена в черно-зеленый цвет, наполовину небрежно оштукатурена серым цементом. Шел третий час ночи. Я начал раскладывать тонкий черный матрас на металлические полосы двухэтажной, сваренной из труб кровати. Андрей, конечно же, знал, что эти полосы врезаются в тело, потому невозможно уснуть. Он и предложил мне подложить картонный лист, который тут же достал из-под своего матраса.

— У меня два листа, — пояснил Андрей. — Здесь сидел узбек, его ночью срочно перевели в другую камеру, и я этот лист подложил под свой матрас.

Впервые с 21 августа я крепко уснул, но тут же услышал команду: «Подъем!», которую старательно, словно спала в камере целая рота, через «кормушку» проорал охранник. Теперь-то было ясно, что меня привезли в Матросскую Тишину на допросы. Правда, я пока не знал, кого еще арестовали, кто находится в этой «Тишине». Всю информацию тщательно дозировали, радио не включали.

Утром новость: застрелился Борис Карлович Пуго. Позже в камеру пришла весточка, что ушел из жизни и Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев. Я понимал, что степень участия Ахромеева в августовских событиях был символичной, и до сих пор не могу поверить в эту нелепую смерть. Слишком много здесь загадочного, Сергея Федоровича отличали мужество и кристальная порядочность. Ну что ж, держись, Язов! Уходить из жизни сейчас — подарок для переворотчиков, они об этом только и мечтают. Все на тебя спишут.

Снова меня пригласили снять отпечатки пальцев, сфотографироваться в зековском костюме. Я попытался объяснить, что в кашинской тюрьме уже фотографировали в профиль и анфас, но «специалисты» не церемонились: «Мы выполняем приказ, вот и весь сказ».

Вечером Андрей рассказал о себе, как попал в «Тишину». Родом он

из Якутии, отец — кумык, мать — русская. Закончил геолого-разведочный институт в столице, поступил в заочную аспирантуру. Но на свою беду связался с кооперативом, которым «руководил» муж его двоюродной сестры. Этот деятель направил его в Якутию за золотым песком, где Андрея и повязали. А муж сестры изловчился и, получив свободный кредит, выехал в Израиль.

Верить Андрею? Или нет? Камера на восемь человек, но почему мы вдвоем? Почему «золотоискателю» подобная привилегия? Нет, с ним надо держать ухо востро...

Через день мне вручили под расписку посылку от Эммы Евгеньевны. Спортивный костюм, рубашки, электрическая бритва. Но почему нет записки? Что случилось? Наверняка был обыск в доме, как она там одна?

Я рядил и гадал: где Эмма Евгеньевна? В Баковке или в нашей московской квартире на улице Косыгина? Никто мне на мои вопросы так и не ответил, ни Леканов, ни Соловьев. Правда, Леканов вручил мне от супруги две пачки сигарет «Мальборо», хотя, как я позже узнал, Эмма Евгеньевна передала мне целый блок.

Меня волновало также, когда состоится первая встреча с адвокатом. Я же не могу сам связаться с адвокатской конторой. Вскоре Соловьев назвал мне фамилию адвоката — Печенкин. Соловьев установил треногу для фотоаппарата и начал снимать мой офис-камеру, меняя ракурс. Тогда я еще не знал, допрос без адвоката не имеет юридической силы, что я имею право сколько угодно встречаться с защитником, в том числе и наедине. Все разговоры с защитником тайно подслушивались, правда, добытые подобным образом сведения доказательной силы не имели. Они могут быть использованы против обвиняемого в иных целях.

В камеру нам доставляли исключительно «демократическую» газету — «Известия». Официальное чтение для зеков. «Вот почему, — подумал я, — у «Известий» всегда был большой тираж». Заливалось радостным щенячьим визгом и «Радио России»: «Наступил поворот во внешней политике. Наконец-то закончилась «холодная война». Полководцами мира отныне называли Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе.

Целый день в камере горел дневной свет. Только ночью зажигалась красная лампа, словно кровью налитый глаз. Я пытался прикрыть это направленное свечение газетой, но тут же открывалась дверь. Каждый раз бдительный наблюдатель-майор срывал мое нехитрое «изобретение», дескать, не положено, я вас не вижу. Наверное, охранник полагал, что я повешусь на своем спортивном костюме... Я еще подумал: «В армии майоры командуют батальонами, в войну командовали полками, а здесь

майор стоит возле «глазка» каждой камеры».

В эти же дни пришла весточка с Воробьевых гор. Горбачев даровал мою квартиру на улице Косыгина Шапошникову: «Язовскую жену куда-нибудь переселим, ты моим соседом будешь».

Неправедный суд творил Горби. Он хорошо знал, что, пока обвиняемый находится под следствием, жилье за ним сохраняется в течение всего времени, как за временно отсутствующим гражданином...

* * *

Я еще раз напомнил следователю об адвокате, а он, в свою очередь, начал расспрашивать меня о «ядерном чемоданчике», о РВСН, КВО и других видах Вооруженных сил, степени их участия в событиях 19–21 августа. Интересовался также, привлекались ли работники Министерства обороны для обсуждения вопроса о штурме Белого дома?

По нашему делу работало более 100 следователей, и, естественно, Прокуратура РФ располагала огромным набором фактов, достоверных и вымышленных. А главное, заканчивался срок нашего пребывания в качестве подозреваемых. Поэтому следствие во что бы то ни стало готовилось предъявить нам обвинение. Собранных доказательств по делу было недостаточно, но тем не менее 30 августа мне предъявили обвинительное заключение. Мой защитник при этой процедуре не присутствовал.

Леканов, безусловно, знал, что если мой защитник не может участвовать в деле по каким-либо причинам — болезнь, отпуск, командировка, — то предъявление обвинительного заключения должно быть отложено до явки адвоката. Только после 30 августа Леканов приехал в СИЗО вместе с адвокатами Н. В. Печенкиным и Л. С. Абельдяевым.

Следователь, хитрый «забойщик», начал разговор с того, что 30 августа, когда было предъявлено обвинение, не было защитника. «Сейчас же, в присутствии адвокатов, — объяснил Леканов, — мы будем вести разговор практически о том же, о чем договорились до 30 августа. Я хочу узнать: чувствовали вы себя ущемленным в своих правах?»

Я ответил, что не могу сказать, что меня ущемляли, хотя я и не имел возможности получить юридическую консультацию. Это не шуточное дело, когда тебе инкриминируют измену Родине. Разве из допроса следует, что я подорвал обороноспособность страны?

— Из нашего разговора, — подчеркнул Леканов, — вытекает, что вы и

другие лица сговорились и, не соглашаясь с политикой Президента, решили его отстранить от власти. Вот в чем соль и ваша беда!

На это я ответил:

— В любом государстве народ представляет собой главную ценность. Народу принадлежит право выбирать, какой иметь общественный и государственный строй. На референдуме 17 марта народ проголосовал за Союз Советских Социалистических Республик, поэтому новогаревский договор — антиконституционный. Мы были вправе выступить против его подписания. Возможно, в способе сорвать подписание договора мы и ошибались. Но почему вы не поставите вопрос: не оскорбил ли Президент свой народ, заменив название СССР на СНГ? И для чего собирались подписывать договор по формуле «9+1»? Неужто запамятовали, что в Союзе 15 республик, почему другие республики не приняли в расчет?

— Вы не знаете свой народ. Вы даже не заметили, что оскорбили его воззванием ГКЧП. Мне кажется, вы сами почувствовали отрицательную реакцию народа на ваши действия.

— На стороне порушителей Конституции выступила жалкая кучка, несколько десятков тысяч человек из девяти миллионов москвичей. А потом, Москва — не весь Союз. Учтите, народы Союза проголосовали за сохранение государства.

Наконец адвокаты стали задавать и мне вопросы. Первым спросил Печенкин:

— Вам вменяется в вину, что вы участвовали в устранении от власти руководства РСФСР.

— Ничего подобного не было. Силаев, Руцкой, Хасбулатов были у Янаева, Лукьянова, никто их не задерживал. Янаев и Крючков разговаривали с Ельциным, тот их спрашивал о штурме Белого дома...

Нас прервал Леканов:

— Ну уж если так, то давайте поговорим о плане, который разрабатывался в Министерстве обороны по захвату руководства РФ и штурму Дома правительства.

Я ответил:

— Весь этот «свист», извините за такое выражение, необходим был Ельцину для поднятия своего престижа. Без штурма нет и героев. Ростропович не напрасно там околачивался, играя роль подушки для спящего защитника. Свою лучшую роль в политическом спектакле сыграл и Шеварднадзе. Он жаждал получить свой надел — Грузию.

Но вот в разговор включился Абельдяев:

— У меня вопрос, связанный с признанием суверенитета республик и

выхода их из состава Союза. Как это отражается на обороноспособности государства? Усиливается она или ослабляется?

— Это важный вопрос. С развалом государства ликвидируется вся система обороны. Система предупреждения ракетного нападения строилась, исходя из целостности государства. Большинство станций предупреждения о ракетном нападении размещены вне территории РСФСР. Какой теперь может быть разговор о боевой готовности?

Тогда еще пытались обманывать народ разговорами о едином командовании, о том, что станции будут работать на безопасность России. Теперь же, спустя несколько лет, все поняли: это был блеф. Пример тому — «Скрунде». Заискивая перед американцами, разрушили систему предупреждения ракетного нападения. То, что годами создавал весь народ.

«За нами — подвиг наших отцов и дедов, — кликушествовал Горбачев, — миллионы людей труда: рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбы нашей страны».

* * *

3 октября в «Тишину» примчался меня допрашивать и заместитель генерального прокурора независимой и самостоятельной Украины Даниленко. От российской прокуратуры присутствовал Соловьев. В полном смысле слова шла «охота на ведьм», и, конечно же, Кравчук не хотел отставать от Горбачева и Ельцина.

По совету моего адвоката иностранному прокурору на все вопросы я отвечать отказался. Вопросы мне переадресовывал Соловьев. Вот запись этого допроса.

— Вы планировали ввод чрезвычайного положения на Украине и кто должен был оказывать вам в этом содействие?

— Не планировал. Это прерогатива украинского руководства.

— Кто из должностных лиц Украины — парламентариев, членов кабинета министров, ЦК КПУ был информирован о вашем замысле еще до 19 августа? По чьему указанию приезжал в Киев Варенников и с какой целью?

— Никто. По служебной необходимости, связанной с выводом войск из-за границы, Варенников сам решал, с кем ему надо встретиться. Валентин Иванович являлся членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, так что полномочий у него было достаточно.

— Поручалось ли Варенникову проводить совещание и по какому поводу?

— С властными структурами он совещаний не проводил, а что касается военных, то в поручениях он не нуждается. Он — заместитель министра обороны и имел на это право.

— Поручалось ли Варенникову создавать ГКЧП на Украине, какие действия он должен был совершить?

— Не поручалось.

— Поступали ли от Варенникова шифровки?

— Да.

— С какой целью в дни путча Михалкин был на Украине? Кто его туда послал?

— Он находился в отпуске, куда ехать, где отдыхать — это его право.

— Отправляли ли вы директивы на Украину?

— Да. Была послана одна директива по приведению войск в повышенную боевую готовность.

— После прилета в Москву из Киева о чем вас проинформировал Варенников?

— Доложил, что войска приведены в повышенную боевую готовность, что его вместе с командующим войсками округа генерал-полковником Чечеватовым принял Кравчук.

* * *

4 октября меня снова вызвали на допрос, на сей раз к Лисову, заместителю Генерального прокурора России.

— В феврале 1991 года у А. И. Лукьянова в кабинете состоялось совещание ответственных руководителей нашего государства. Чтобы мой вопрос не был в какой-то степени наводящим, я бы просил ответить на него следующим образом: подтверждаете ли вы, что такое совещание было, свое участие в нем, и если да, то кто в нем принимал участие?

— Ни на одном совещании в кабинете Лукьянова ни в феврале, ни после я не был.

— По данным следствия, была встреча на даче у Крючкова, где присутствовали и вы.

— Нет. Я даже не знаю, где дача Крючкова. Мы встречались однажды в здании КГБ. Там был Крючков, один его офицер и секретарь ЦК Компартии Латвии. Шел разговор о положении в Латвии.

— В июне вы встречались с Крючковым и Баклановым в кабинете Крючкова. О чем шла речь?

— Речь шла об испытании ядерных боеприпасов на Новой Земле. Через некоторое время туда вылетала группа специалистов, состав которой был определен на этой встрече.

Лисов назвал фамилии якобы присутствовавших на совещании: Пуго, Янаев, Тизяков, Прокофьев, Шенин, Агеев, Плеханов.

Я ответил, что на подобном совещании, да еще с участием названных товарищей, мне не доводилось присутствовать.

Лисов продолжал допрос:

— А вопрос о положении в стране, о возможном вводе чрезвычайного положения не обсуждали?

— Я же сказал, что в связи с закрытием Семипалатинского полигона мы втроем обсуждали вопрос испытаний ядерных боеприпасов на Новой Земле.

— Что вы можете ответить на вопрос о том, что подобная встреча состоялась 12 августа между вами, Пуго, Баклановым и Стародубцевым?

— Пуго в это время был в отпуске, со Стародубцевым я не был знаком, мы ни разу не встречались.

— Имела ли место встреча в первой половине августа в таком составе: Лукьянов, Пуго, Язов, Крючков, Янаев, Бакланов, Тизяков?

— Нет, на подобной встрече, как и на других, в первой половине августа я не присутствовал.

— Кто направил вертолет за Лукьяновым?

— Я посылал, но прилетел Лукьянов на гражданском вертолете.

— Обсуждался ли вопрос об уничтожении самолета с Ельциным при перелете его из Алма-Аты?

— Даже разговора на эту тему я не слышал.

— Зачем 20 августа заходили в кабинет к Ачалову, к чему призывали? Говорили: «Товарищи, Отечество в опасности».

— В деле находится предсмертная записка Сергея Федоровича Ахромеева. Там говорится, что мы заглянули в кабинет Ачалова на 3–5 минут. Заслушали мнение Ачалова, Громова, Карпухина и других товарищей о ситуации в Москве. Но что я произнес «пламенную» речь — чепуха. Я напомнил несколько строк из стихов Семена Гудзенко — вот и все мое выступление.

— Следствие рассматривает важные вопросы обороноспособности страны. Речь идет о структуре защиты государства от любого нападения извне, которая у нас существует и предусмотрена. Получилось так, что

президент Горбачев был лишен возможности в эти дни принимать участие в защите государства от нападения, потому что специально приспособленные устройства, заключенные в соответствующие чемоданы, были отозваны в Москву.

— Никакой кнопки в чемоданчике нет, это кодовая телесвязь для двух-трех корреспондентов, позволяющая посоветоваться в чрезвычайной ситуации. Вопросы применения ракетно-ядерных средств решаются на командном пункте Генерального штаба. В случае, если же противник упредил нас в нанесении ядерного удара, то ответный удар происходит автоматически.

Я понял, что Лисов верит в то, что был заговор, он находится под гипнозом газетной, радио— и телевизионной трескотни. Впоследствии я узнал, что прокуратура в эти дни получала от «доброхотов» пачки писем с предложением «пролить свет», рекомендации по уничтожению «путчистов».

* * *

Допросы продолжались практически до Нового года. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого вторично было вручено мне 2 декабря 1991 года.

Приведу его полностью, хотя и это постановление было отменено, также как и последующее, третье.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого

2.12.1991 года г. Москва

Заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов Е. К., рассмотрев материалы уголовного дела о заговоре с целью захвата власти, сделал вывод, что в настоящее время собранные в процессе дальнейшего расследования доказательства дают основания для изменения, дополнения этого обвинения и предъявления Язову Д. Т. нового обвинения, а именно: в заговоре

с целью захвата власти как самостоятельного преступления, совершенного им при следующих обстоятельствах.

В августе 1991 года Язов Д. Т., будучи Министром обороны СССР, в составе лиц, занимающих государственные посты: Премьер-министра СССР Павлова В. С, Председателя КГБ СССР Крючкова В. А., заместителя Председателя Совета Обороны СССР Бакланова О. Д., руководителя аппарата Президента СССР Болдина В. И., а также секретаря ЦК КПСС Шенина О. С, не разделявших позиции Президента СССР по вопросу подписания 20 августа 1991 года нового Союзного договора, в котором он вместе с указанными лицами усматривал опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения и утрату личного благополучия, организовал заговор с целью захвата власти в стране.

Для осуществления преступных планов в заговор по предложению его организаторов также вошли Председатель Верховного Совета Лукьянов А. П., Вице-президент СССР Янаев Г. П., Министр внутренних дел Пуго Б. К., президент ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (АГПО СССР) Тизяков А. И., председатель Крестьянского союза Стародубцев В. А., первый заместитель Председателя КГБ СССР Агеев Г. Е., начальник службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю. С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХООЗУ КГБ Генералов В. В., заместители Министра обороны СССР Варенников В. И. и Ачалов В. А. 17 августа 1991 года на расположенном в г. Москве конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР Язов вместе с Крючковым, Павловым, Баклановым, Шениным, Болдиным при участии Варенникова, Ачалова и Грушко разработали план захвата власти, в соответствии с которым участниками заговора было намечено: Президента СССР, находящегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, после чего предъявить ему ультимативное требование: ввести в стране режим чрезвычайного положения либо уйти в отставку.

При отказе Президента выполнить указанное требование осуществить его дальнейшую изоляцию, представить его больным и потому не способным к руководству, обязанности

Президента возложить на Вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение.

Для осуществления намеченного плана при участии Язова было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова и Генералова с задачей изолировать Президента и предъявить ему выработанные требования.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года возвратившиеся от Президента СССР Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов сообщили о его отказе выполнить предъявленные требования; по совместному решению Язова, Крючкова, Павлова, Бакланова, Шенина, Болдина, Янаева, Пуго, Лукьянова, Грушко, Плеханова и Ачалова, к которым впоследствии присоединились Тизяков и Стародубцев, Янаев в нарушение Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР, подписав на этот счет соответствующий Указ.

Продолжая преступные действия, Язов совместно с другими участниками заговора принял решение об образовании для управления страной антиконституционного органа — ГКЧП СССР с передачей ему всей полноты власти в стране, вошел в состав указанного Комитета и, таким образом, наравне с членами ГКЧП Баклановым, Крючковым, Павловым, Пуго, Стародубцевым, Тизяковым и Янаевым незаконно принял на себя полномочия высшего органа власти, то есть непосредственно осуществил захват власти в стране.

Совместно с другими участниками заговора Язов с целью обеспечения действий ГКЧП принял обращение к советскому народу и обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН. Осуществляя дальнейшие планы заговора, Язов 19 августа 1991 года непосредственно участвовал в принятии членами заговора противозаконных решений о введении в г. Москва чрезвычайного положения и о вводе в город войсковых подразделений; постановления ГКЧП № 1, которым грубо нарушались суверенитет республик и конституционные права граждан; постановления ГКЧП № 2 об ограничении в нарушение Закона СССР «О печати и других

средствах массовой информации» перечня выпускаемых центральных, московских, городских и областных общественно-политических изданий; решения о проведении пресс-конференции для советских и зарубежных корреспондентов для обоснования действий заговорщиков.

20 августа 1991 года также совместно с другими участниками заговора Язов принял решение об ужесточении режима Гостелерадио СССР; о признании не имеющими юридической силы Указов Президента РСФСР № 59,61,62, 63 и постановления Совета Министров РСФСР № 435 от 19 августа 1991 года; об образовании штаба ГКЧП под руководством Бакланова; о направлении руководителям республик, краев и областей РСФСР телеграммы с предписанием образовать на местах органы, аналогичные ГКЧП.

Принимал участие в совещании в Министерстве обороны и на заседании ГКЧП по вопросу захвата Дома Советов РСФСР, что не было осуществлено в результате массового противодействия граждан и неповиновения непосредственных исполнителей операции.

Для осуществления планов заговора Язов использовал имевшиеся в его распоряжении силы и средства Министерства обороны и Советской Армии, а именно: 16 августа 1991 года он дал указание о подготовке двух вертолетов для доставки 18 августа в Москву для участия в реализации планов заговора А. И. Лукьянова.

18 августа направлял в ряд военных округов своих представителей для обеспечения предстоящего режима чрезвычайного положения.

Дал поручение о содержании и охране на территории в/ч 54164, расположенной в Московской области, подлежащих интернированию народных депутатов и других лиц из числа возможных противников заговора.

Распорядился о предоставлении самолета для доставки в Крым к Президенту СССР членов заговора Бакланова, Болдина, Шенина, Варенникова, Плеханова и Генералова. Распорядился отозвать из места пребывания Президента СССР офицеров, обеспечивающих возможность Президента воспользоваться в случае необходимости абонементским комплексом № 1 управления стратегическими и ядерными силами, и об изъятии

указанного комплекса. 19 августа 1991 года дал указание о введении в Москву воинских подразделений.

Поручил организовать над Москвой воздушную разведку.

Отдал приказ о приведении всех войск в состояние повышенной боевой готовности и направил на этот счет директиву.

20 августа 1991 года поставил командующему Московским военным округом Калинин у задачу по обеспечению в Москве комендантского часа.

Распорядился о перевозке из Одесского военного округа двух полков ВДВ.

Таким образом, Язов Д. Т. совместно с Павловым, Крючковым, Баклановым, Шениным, Болдиным, Пуго, Тизяковым, Агеевым, Плехановым, Генераловым, Варенниковым, Ачаловым организовал и осуществил заговор с целью захвата власти в стране, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР).

На основании изложенного, руководствуясь статьями 143,144, 154 УК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь Язова Д. Т. в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР) — заговор с целью захвата власти, о чем ему объявить.

Заместитель Генерального прокурора РСФСР

Е. К. Лисов».

* * *

После возвращения с допроса я показал сокамерникам записку,

присланную Эммой Евгеньевной через адвоката. Временами надоедало говорить только о следствии. Отдушиной была возможность поговорить о семье. Я рассказал, что из Омска приехала жена брата Мария Степановна, из Хабаровска прилетела моя двоюродная сестра Нина Петровна. Они помогают Эмме Евгеньевне преодолеть одиночество. Особенно я был благодарен врачу Владимиру Ивановичу Галину, который поддерживал в трудную минуту мою супругу, не позволял ей впасть в уныние.

Моих сокамерников на допросы не вызывали. Поэтому у них было время читать прессу. Вспоминаю статью в «Известиях» «За чашкой чая», которую они мне порекомендовали почитать. Горбачев на встрече с журналистами рассказывал байки. Якобы десантники уже ползли по территории дачи, а корабли шли в атаку! Вместо четырех сторожевых кораблей на рейде обитатели дачи насчитали четырнадцать. Ах, как умел приврать Михаил Сергеевич, ему не было равных! Хотя я ошибаюсь: был еще один враль — Яковлев. Упрятанные за решетку, мы вынуждены были сносить и клевету и оскорбления в свой адрес. Даже руководитель следственной группы Лисов 4 сентября 1991 года заявил в «Литературной газете»: «От нас требуют не разбирательства, а быстрой кары для этих людей».

Лев Абельдяев, мой защитник, дал ответ оборотням в своей статье в «Патриоте». Приведу маленький фрагмент из этой статьи, ибо он характеризует нравы новых обитателей Кремля: «Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовыми действиями. Вспомним август 1991 года. Уже с 19-го числа пошли указы президента Российской Федерации. В них все члены ГКЧП заранее были названы преступниками. На весь мир объявили, что они совершили тягчайшее государственное преступление. А ведь ни у кого, даже у президента, нет права причислять кого бы то ни было к преступникам. Это прерогатива суда и только суда.

Сознательно предпринимались меры, которые прямо подсказывали правоохранительным органам: делайте то-то, идите по такой-то дорожке... А глава Правительства Силаев пошел еще дальше: одному из арестованных членов ГКЧП он определил и меру наказания — расстрел...»

Обратила на себя внимание и публикация в «Московских новостях». Авторы — доктора и кандидаты юридических наук поспешили теоретически подкрепить правомерность президентских обвинений. О какой, мол, презумпции невиновности речь вести? Они — члены ГКЧП — изменили Родине, и этим все сказано.

Все делалось для того, чтобы настроить общественное мнение против арестованных. В этом отношении показательно выступление в тех же «Московских новостях» Нуйкина. Его статейка называлась «Рыбу—ножом?». Ее суть отвратительна: не следует соблюдать букву Закона, когда имеешь дело с членами ГКЧП. А мотивировка к такому призыву следующая: если бы они, гекачеписты, пришли к власти, то они с нами бы не церемонились. Значит, и нам надо отбросить в сторону все правовые формальности.

Нуйкин известен с середины 80-х годов своими русофобскими экзерсисами. Правда, будучи у власти, мы не покушались на нуйкинскую свободу, хотя он частенько выступал с критикой КПСС, возводил напраслину на армию.

Похоже, что Нуйкин в этой статье запомнил, что построить правовое государство нельзя на фундаменте беззакония. Но так рассуждал ангажированный публицист; хуже, когда сия забывчивость посещает прокурора. Его забывчивость оборачивается катастрофой для общества.

Не имея достаточных доказательств нашей вины и не в силах опровергнуть показания обвиняемых, следствие избрало испытанный годами прием: если нельзя опорочить идею, надо опорочить личность. Идею еще будут отстаивать, а с человеком разбираться некогда. «Дирижировал» хором журналистов Бурбулис. Мы и пьяницы, и деградирующие личности, и властолюбцы. Но всех перецеголяли следователи. Они ступили на коммерческую стезю. Отдали за мзду видеоматериалы немецкому «Шпигелю». Лисов потом оправдывался, дескать, для добычи материалов допроса путчистов кто-то использовал специальную технику. С расстояния в сотни метров через стены списали с монитора следователя все, что им было угодно. А ведь допросы велись в тюрьме, подступы к которой охранялись достаточно тщательно.

Обмолвился Лисов и о том, что 60–70 процентов авторов писем в прокуратуру поддерживают заговорщиков. А ведь это было 30 октября 1991 года, когда еще существовал Союз и не наступил беспредел. Любопытная сложилась ситуация: Генеральный прокурор руководит расследованием и сам же его контролирует. К тому же на себя и судебные функции возложил, мол, делает с Верховным судом общее дело. Отныне политики типа Шахрая и Бурбулиса решали, «кого казнить или миловать».

Не случайно Генрих Падва, защитник А. Лукьянова, выступил с открытым письмом в печати к своему подзащитному. Генрих Падва писал, что адвокат не вправе отказываться от защиты. Но творится политическая расправа, а не правосудие, действуют иные доводы, на которые он как

юрист не имеет возможности ответить...

Но были и маленькие радости. Я был весьма тронут, когда получил письмо и телеграмму от известного актера Ивана Герасимовича Лапикова. Он пожелал мне бодрости духа и не сдаваться. Иван Герасимович был истинно народным артистом. Познакомился я с ним в Чехословакии на съемках фильма «Фронт за линией фронта». В этом фильме Лапиков пронзительно сыграл роль солдата. Как же богат русский народ могучими талантами, не придуманными и не раздутыми продажными критиками. Хорошо сказал один актер: «Живу без комплиментов, потому что я русский актер!»

Взволновало меня до глубины души и письмо от поэта Алексея Маркова с самыми добрыми пожеланиями. Алексей знал, что в беседах я часто использовал его стихи. Выступая в Московском общевойсковом командном училище, я напомнил курсантам:

Не всегда снисхождение найдешь
У товарищей и у знакомых...
Надо быть наготове, мой друг,
Промах твой порой не простится,
Как саперу, которому вдруг
В минном поле пришлось оступиться.

Весьма интересным было письмо из Минска, написанное на полях газеты «Мы и время» водителем автобуса:

«Товарищи Язов и Крючков! Прощу извинения, под рукой нет бумаги. Я водитель автобуса и, перевозя пассажиров, знаю их настроение. Если вы сообщники Горбачева по ГКЧП, тогда вас надо судить. Если вы патриоты Советского Союза, то тогда тоже должны год отсидеть. Имея такую силу и возможности, не довели дело до конца. А теперь страдает нищий, обездоленный народ. Развал Союза и последующая либерализация цен, анархия привели народ в ужас. Мужайтесь!»

Трогательное послание получил от писателя-фронтовика Ивана Федоровича Курчакова, с которым мы воевали в одной армии на Волховском и Ленинградском фронтах:

«Дорогой Дмитрий Тимофеевич! Не могу не поведать вам об одном случае, похожем на анекдот. Стою я в очереди за ветеранским заказом. Люди ругают Гавриила Попова. Я их

поддерживаю. Вдруг одна дама смотрит на меня и говорит:

— А я за Попова! А вы что — за Язова?!

— За Язова, — говорю, — он мой однополчанин.

— Так он, этот Язов, погубил моего отца! — гневно бросает дама.

— Где, когда? — уточняю я.

— Летом 1941 года на Украине.

— А Язов, — говорю, — в 1942 году закончил пехотное училище и прибыл к нам лейтенантом под Синявино под Ленинградом. Получил там в командование взвод. А взводный командир — это тот же рядовой боец. И в атаку идет первым, и погибает первым. И еще несет ответственность за своих подчиненных. Вы, дамочка, ошибаетесь. Не было Язова на Украине в 1941 году».

* * *

В нашей камере пополнение, посадили новичка. Владимира Дмитриевича. Лет сорока, крепкого телосложения. Родом он из Алма-Аты, в Казахстане начинал свою ресторанный карьеру. Правда, выдающихся высот на этом поприще не достиг и потом перекочевал в ресторацию на Белорусском вокзале в Москве.

Не принято лезть в душу человека с расспросами, за что он угодил на нары. Обычно арестанты сами рассказывают о своих похождениях. Но почему-то чаще всего сокамерников интересовало мое продвижение по службе.

Старейшина нашей камеры Алексей Алексеевич десятый год томился по разным тюрьмам. Зачем его привезли из Нижнего Тагила и посадили со мной в одну камеру — до сих пор загадка. Несколько лет ему обещали устроить очную ставку с какой-то дамой из Орехово-Зуева, директором магазина, которая вручила взятку, причем взятку фирменным армянским коньяком.

Когда человек привирает, да еще вдруг и запутается, вот тогда он и называет себя фантазером. Но где ложь, а где правда для арестанта, просидевшего девять лет, — непринципиально. Главное — выжить, дожидаться встречи с родными, получить передачу, особенно согревает душу весточка об амнистии.

Больше всего Алексея интересовало мое отношение к Горбачеву.

Денно и ночью Алексей костерил «пятнистого», никчемного президента, Владимира Дмитриевича, напротив, больше интересовала война. Несколько наших общих знакомых служили в Среднеазиатском округе. Словом, у каждого сокамерника была своя «специализация» по Язову...

Видимо, прокуратура взяла на себя повышенные «социалистические обязательства» — досрочно закончить следствие. Извлекли на свет божий и «Положение о Министерстве обороны»: искали зацепку, где я нарушил присягу, в чем превысил свои полномочия. Предъявили мне и директиву, которую я подписал 19 августа утром. В ней говорилось:

«В связи с обострившейся внутривластной обстановкой в стране приказываю:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных Сил СССР на территории СССР привести в повышенную боевую готовность. Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать.

Усилить охрану позиций РВСН, арсеналов, баз и складов хранения ядерных и обычных боеприпасов, вооружения и боевой техники, парков, аэродромов, позиций военных городков, штабов и важных военных и административных объектов.

Ограничить командировки, выезды автотранспорта и полеты авиации. Особое внимание обратить на соблюдение уставного порядка и воинской дисциплины. Организовать действенный контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Принять все необходимые меры по розыску военнослужащих, самовольно оставивших части и учреждения.

Руководящему составу объединений, соединений, частей и учреждений, военно-политическим органам постоянно вести разъяснительную работу среди военнослужащих, служащих Советской Армии и ВМФ и местного населения о необходимости консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза.

Принять все меры по уборке урожая, заготовке всех видов материально-технических средств и всесторонней подготовке к зиме.

В штабах соединений и выше установить круглосуточное дежурство руководящего состава. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, органами КГБ СССР и МВД СССР.

Обо всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действиях немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных».

Следователь расспрашивал, каким документом определено введение повышенной боевой готовности. Я ответил:

— Директивой Генерального штаба.

— В соответствии с этой директивой, какие права имеет министр обороны?

— В самом полном объеме. Директиву подписал министр и начальник Генерального штаба.

Вот такие дремучие вопросы задавал следователь. Предъявили мне и решение коллегии МО о выводе войск из Москвы.

«Коллегия Министерства обороны СССР 21.8.91 г. в 8.00 рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введенного в отдельных местностях СССР 19 августа с.г. решением Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР.

Для реализации мер, предусмотренных Конституцией СССР и Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», привлечены отдельные подразделения и части Советской Армии. Перед ними поставлены задачи по обеспечению стабильности обстановки, предотвращению возможных провокаций экстремистских сил, охране важнейших государственных учреждений, коммуникаций. Воины этих подразделений и частей с достоинством и честью выполняют свой конституционный долг, добросовестно решают поставленные перед ними задачи. Они, как и весь личный состав армии и флота, отчетливо осознают, что их участие в реализации мер чрезвычайного положения направлено на претворение в жизнь воли советских людей, выраженной в итогах всенародного референдума, на сохранение и упрочение единой для всех народов страны многонациональной Родины — Союза ССР. Время, прошедшее с момента введения чрезвычайного положения, показало, что личный состав в основном выполнил задачи, поставленные перед ним руководством страны.

Коллегия Министерства обороны СССР заявляет, что Советские Вооруженные Силы были, есть и будут частью народа, верным защитником его коренных жизненных интересов. Они твердо поддерживают политику перестройки, обновления советского общества, сохранения и упрочения международного мира и всеобщей безопасности и всегда готовы обеспечить

достаточную и надежную оборону нашей страны.

Моисеев, Кочетов».

21.8.91.

Из того, что решение Коллегии подписал не Язов, а Моисеев и Кочетов, следствие сделало вывод: решение вывести войска из Москвы было принято без министра обороны, якобы он был против, а на выводе настоял Шапошников.

Надо было доказать следствию, что инициатива собрать Коллегию принадлежала мне, что мы еще до начала работы Коллегии начали выводить тяжелую технику. Члены Коллегии были едины в том, что личный состав и технику выводить необходимо. Правда, еще никто из членов Военной коллегии не думал, что рушится единый Союз и нам угрожает сепаратизм. На обломках великой страны появятся 15 государств без единой армии, с обездоленными и обнищавшими народами.

Загадка состояла в том, что я после Коллегии уехал во Внуково, а директиву поручил подписать начальнику Генерального штаба.

* * *

...Приближались ноябрьские праздники. Эмма Евгеньевна была на свидании в октябре, передачи на троих хватило всего на два дня. Самые тяжелые дни в тюрьме — воскресенья. В один из воскресных дней слышим: в коридоре беготня. Спросили через «кормушку», что происходит? «Не знаем, не ведаем», — был ответ. Вдруг заиграло радио, чтобы нас отвлечь. А через жалюзи в окне донеслись звуки духового оркестра. Оказалось, что в штабе воздушно-десантных войск, расположенном напротив тюрьмы Матросская Тишина, проходила репетиция оркестра.

Ноябрьские праздники не запретишь шахрайским указом, не запретишь и русскую песню. Сколько теплоты она излучает. Да если бы ее запретили, мы бы выродились в нацию бурбулисов, Гайдаров, превратились бы в стадо обезьян. И чем больше глумятся над нами демократы, тем больше бронзовеют на ветрах Истории фигуры наших духовников: истинных русских писателей, философов, публицистов, кинорежиссеров, мастеров сцены, полководцев, которые радели о благе державы. И никакие

международные авантюристы не заму́тят святы́е родники русской души. Выживем!

А пока за стенами тюрьмы репетируют «Прощание славянки» и песню на слова славянина А. Фатьянова. Вся «Тишина» с воодушевлением подхватила знакомую мелодию. Нет, не запомнили русские свои родные мотивы. Пока напеваем русские песни, мы — нация!

Источник: Д. Язов. Август 1991.

Где была армия? М. 1991

Олег Бакланов

Бакланов Олег Дмитриевич родился 17 марта 1932 года в Харькове (Украина). В 1948–50 годах в Харькове получает рабочую профессию в ремесленном училище связи. Затем поступает на Харьковский приборостроительный завод, где проходит все ступени карьерного роста — от монтажника, регулировщика радиоаппаратуры до директора предприятия.

В 1962 году О. Д. Бакланов назначается заместителем главного инженера, а уже через год — главным инженером завода (1963–72). В 1970-е годы завод имени Т. Г. Шевченко выходит на новый технический уровень. К этому времени НПО «Элас» Минэлектронпрома (КБ Г. Я. Гуськова) произвело переворот в отечественном радиоэлектронном приборостроении, создав аппаратуру в микроэлектронном исполнении с использованием бескорпусной элементной базы, а также многослойных плат из полиамидной пленки толщиной до 50 микрон, микросборки с помощью вакуумного напыления, фотолитографии и сварки золотыми проводниками на ситале или анодированном алюминии.

В 1972 году после назначения О. Д. Бакланова директором Харьковского приборостроительного завода имени Т. Г. Шевченко завод приступил к изготовлению цифровой аппаратуры бортовых и наземных систем управления ракетными комплексами разработки КБ В. Н. Челомея. Директору лично приходилось много работать с руководством ВПК, министерств и предприятий Москвы, Ленинграда, Киева, Красноярска и других городов, Академии наук СССР по внедрению прогрессивных научно-технических решений на предприятиях отрасли.

В апреле 1975 года О. Д. Бакланов назначается генеральным директором производственного объединения «Монолит», головным предприятием в котором стал приборостроительный завод имени Т. Г. Шевченко. В «Монолит» вошли также Особое конструкторское бюро, завод «Электроприбор» и СМУ-31.

В 1976 году за выдающиеся достижения в освоении новой техники О. Д. Бакланов удостоивается звания Героя Социалистического Труда. В ноябре того же года его переводят в Москву, он становится заместителем министра общего машиностроения. Бакланову поручается руководство 5-м и 6-м Главными управлениями министерства, а затем — вновь созданным 10-м Главным управлением, в которых было

сосредоточено создание систем управления ракетно-космическими объектами. В 1981 году Олег Дмитриевич назначается первым заместителем министра.

Важной страницей в биографии О. Д. Бакланова был день 15 мая 1987 года, когда с Байконура впервые успешно стартовала ракета-носитель «Энергия» (О. Д. Бакланов возглавлял Государственную комиссию по проведению запуска). Это дало «зеленый свет» завершению подготовительных работ к запуску системы «Энергия — Буран», который был блестяще осуществлен 15 ноября 1988 года. У многих в памяти сохранились обошедшие планету кадры репортажа о финальной стадии полета: после 3-часового пребывания в космосе «Буран» вынырнул из облаков, солидно и мягко коснулся взлетно-посадочной полосы, замедлил ход и плавно остановился — и это в беспилотном режиме!..

Незадолго до этого триумфа, вклад в подготовку которого О. Д. Бакланова трудно приуменьшить, он был избран секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам (1988–91). Непродолжительный срок в 1991 году он работал заместителем председателя Совета обороны при Президенте СССР. 1991 год — особо драматичный в судьбе О. Д. Бакланова. Набиравшие в стране центробежные силы привели в конечном итоге к «августовскому взрыву» — открытому противоречию центральных и республиканских властей в вопросе сохранения СССР у последней черты и намечавшемуся закулисному подписанию шестью республиками договора о конфедерации вместо Союза (21 августа 1991 г.). О. Д. Бакланов вошел в состав ГКЧП и на полтора года оказался в «Матросской тишине».

Ныне Олег Дмитриевич является научным руководителем ряда программ по ракетно-космической технике. Он — председатель Совета директоров корпорации ОАО «Рособщемаш».

С трудом выбираюсь из объятий сна. Луч солнца на моем одеяле. Смотрю на часы — уже десять. Почти опаздываю: в одиннадцать должен быть в Центральной клинической больнице у В. И. Болдина. Появляется Лилия Федоровна в нарядном халате с тарелками в руках.

— Сейчас принесу еще чай. Или тебе кофе?

— Вчера вечером я не стал говорить, но мне надо уехать, часа на четыре-пять, срочное дело.

— Но ведь у нас сегодня гости. Ты забыл?

— Нет, не забыл. И ничего не отменяется. Друзья придут, и вы отлично проведете время. Если я задержусь, то считайте, что я с вами.

На всякий случай беру свой портфель, мой вечный спутник в командировках, укомплектованный всегда по-походному, и выскальзываю в коридор. Время 10 часов 40 минут. Всегда невозмутимый и точный водитель Владимир Александрович ждет меня с 10 часов. Около одиннадцати встречаемся с Валерием Ивановичем. За рулем его «Волги» сидит мой бывший водитель Владимир Владимирович. Он двухметрового роста, всегда улыбается, невероятной физической силы и молниеносной реакции. Договорились, что я еду на его машине с В. И. Болдиным. На Старой площади в здании ЦК КПСС встречаемся с Олегом Семеновичем Шениным. Времени с запасом. Вылет в Бельбек из Чкаловского намечен на 13 часов...

Ту-154 уже на взлетной полосе. Валентин Иванович Варенников прохаживается у трапа...

Удобный салон на шесть человек, стол, телефон. Только расположились, появились остальные пять-шесть человек.

Из записи в полетном листе: «№ 8371, ТУ-154 Б-2, борт № 85605, командир полковник Бабенко П. А., 18.08.91 г. Чкаловский. Взлет 13.02».

Жарковато, большая влажность, двигатели натужно работают, самолет набит всеми видами связи, можно переговорить с любой точкой мира... Нам необходимо... еще раз говорить с Горбачевым, у каждого свои мысли. Как донести главное, как убедить? Сколько было разговоров с Михаилом Сергеевичем по поводу ухудшения положения в стране, сколько было жалоб с его стороны: плохо его защищают от нападков прессы, телевидения, «демократов», Ельцина и его команды. Что даст этот разговор перед намеченным подписанием Союзного договора? Еще есть шанс одуматься, принять меры, не допустить развала Союза... Слепому видно, какая угроза нависла над страной. Ясно, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР, давший клятву на Конституции СССР: «Торжественно клянусь верно служить народам нашей страны, строго следовать Конституции СССР, гарантировать права и свободы граждан, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности Президента СССР» — уклоняется от прямых своих обязанностей. Как это высказать, чтобы понял, прозрел?..

Головная машина останавливается возле ворот... «Зари». Мы у гостевого домика... Прошло минут двадцать, ждем, когда пригласят. Плеханов и Медведев сообщили, что у Михаила Сергеевича кто-то из врачей, освободится — примет...

Прошли в небольшой кабинет, напротив входа окно с видом на фасад здания. В углу, простенке между окнами, письменный стол, на котором не

заметно ни рабочих бумаг, ни газет, лежат лишь полураскрытый большой блокнот и знакомая по ореховой комнате Кремля переносная радиокнопка аварийного вызова охраны, кресло, телефоны на приставном столе. Кабинет производил впечатление нежилого, нерабочего помещения. Нет книжного шкафа, прессы, одни голые стены. Вдоль стены против письменного стола небольшой стол и два стула — возможно, для стенографистки и помощника...

Михаил Сергеевич начал жаловаться на трудности и неудачи, постигшие его самого и семью:

— Четырнадцатого или пятнадцатого, нет, все-таки шестнадцатого, случилось со мной вот это... Мы обычно с Раисой Максимовной после обеда, отдохнув, часов в семнадцать гуляем здесь по тропе, знаете, таким хорошим шагом, жара уже к этому времени спадает. И вот, все же шестнадцатого числа меня вот здесь слева в области поясницы или почки так прострелило, я еле добрался на дачу, ребята помогли, они тоже там ходят неподалеку... Всякое думали — все-таки левая сторона, тут и сердце может быть и почки, но вот специалисты остановились на радикулите. Задержался — врачи со мной работали. Но я им сказал, пусть хоть левую ногу отрезают, но двадцатого я должен быть в Москве, надо ведь подписывать Союзный договор...

Оглядел нас — какая реакция? Мы, естественно, сочувственно высказываемся по поводу случившегося.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, а мы еще ничего не сказали по существу. Воцарилось молчание, поток жалоб иссяк, слышно журчанье ручья. Сидящий перед нами как-то едва уловимо трансформируется, он уходит глубже в свои одежды, смотрит поверх наших голов, сквозь стену кабинета...

— Прежде чем продолжить разговор, хочу спросить: кто вас послал? Кого вы представляете?

Он цепко оглядел всех нас.

— Нет! Ваши товарищи, друзья, — вырывается у меня возглас, в котором, наверное, было и отчаяние от непонимания причин нашего прилета к Горбачеву, и возмущение от готовности заподозрить недобрые намерения с нашей стороны. — Ведь держава, родина на краю гибели — все это видят. Тысячи невинно убитых, сотни тысяч беженцев, и их число растет...

Меня не слышит. Его рука берет блокнот, вырывает чистый лист и быстро что-то пишет столбиком. Восемь или девять строк в столбик. Обычно южнорусский мягкий глуховатый говор Президента на этот раз

резонирует, как перетянутая струна:

— Кто так говорит? Кто так видит? Крючков?

— Но он же постоянно вам докладывает об этом! — наперебой парируем мы.

Михаил Сергеевич словно не слышит, рука делает пометку на бумаге.

— Павлов?

— Вы были третьего августа на Президиуме Кабинета министров, — поясняю я, — слышали доклады: обобщенный экономический индекс снизился до 80 % от максимально достигнутого в 1965–1966 годах, снизился по результатам работы 1991 года на 20 %. Экономика агонизирует.

— Язов?!

— По армии я хочу доложить подробно, — громко, внятно, как бы предлагая всем успокоиться, с уважительным достоинством начинает Валентин Иванович Варенников. Но резонирующий требовательный голос продолжает называть фамилии, будто всякий раз наводя на них бинокль и размышляя:

— Лукьянов так думает?

— Депутаты Верховного Совета обеспокоены судьбой решения референдума 17 марта 1991 года в связи с возможным подписанием Договора, он, как стало известно из публикации 16 августа, не соответствует воле народа, — поясняет кто-то из нас.

Продолжают выхватываться фамилии наших товарищей. Я пытаюсь обобщить:

— Так думаю и я, и говорил вам много раз об этом, и, думаю, все товарищи скажут свое мнение.

— Ельцин?!

— С ним разговора не было, он в отъезде в Алма-Ате.

После этой информации я слышу почти успокоившийся голос Президента:

— Вот ты, Олег Дмитриевич, и докладывай!

Я начал с того, что обобщенный экономический индекс страны снизился до 80 % от минимально достигнутого ранее, а годовой темп конверсии при поддержке Президента превысил 30 %. Это приводит к дезорганизации работы предприятий ВПК, объем продажи оружия другим странам снизился с 12–13 миллиардов рублей до 3–4 миллиардов, а у США вырос с 14–15 миллиардов долларов до 22–23 миллиардов. Односторонние уступки в пользу США и НАТО сводят на нет геополитическое равновесие сил в мире...

— А тебе за державу обидно, — Горбачев устало махнул рукой. — Я

уже это слышал.

— Мы приехали к вам советоваться. Нужно что-то делать...

— Чего же вы все хотите? — задумчиво, с какой-то отрешенностью спросил Горбачев. — Ввести чрезвычайное положение? Но оно введено в некоторых отраслях. Здесь есть большие наработки, есть «опасности». Общество взбудоражено... Но Конституция позволяет его сделать... Я, конечно, могу подписать телеграмму, — вырывает из блокнота чистый лист бумаги, собираясь писать. — Но ведь это может сделать Лукьянов, ему даже удобней...

Дискуссия, всерьез не разгоревшись, угасала. Перед нами сидел уставший, озабоченный человек, возможно, впервые начавший осознавать тяжесть и бремя той огромной власти, к которой он так долго и упорно стремился. Он на вершине. Туман, окружавший ее, рассеивается. Обнаруживаются далекие долины, ущелья, ярусы, предгорья, медленно ползущие ледники, чуткие лавины, стремительно срывающиеся в пропасть, сели и камнепады.

Выше пути нет, настал момент истины. Что его ждет внизу: бездумно разоряемая страна, ускоренная перестройка? Нет верных друзей, товарищей — он их не хотел иметь. Нет линии, нет карниза, чтобы перейти на другую вершину. Он еще на тверди, но вокруг все рушится, стремительно меняется, обнажаются глубинные слои, пласты, вершина содрогается, осыпается от разбуженной стихии.

Пора принимать решение.

— Вот надо ехать, но вы видите мое состояние, врачи замучили, — начал было при нас рассуждать Президент, давая понять, что лететь с нами он не собирается.

Я прикидываю варианты возможных в этой ситуации действий Президента. Их три. Либо оставить нас в Форосе до завтра, чтобы в неспешной обстановке продолжить обсуждение проблемы. Либо вызвать к себе всех нужных руководителей и допрояснить для себя вопрос перед тем, как принять верное решение. Наконец, лететь с нами в Москву.

Приглашения «остаться до завтра» — утро вечера мудренее — от хозяина кабинета не поступает. Президент размышляет, подводя итог:

— Ну, что ж, давайте действовать.

Поднялся из кресла, давая понять, что разговор окончен:

— Вам ведь надо еще ехать, лететь...

Он подал каждому из нас руку, попрощался с чувством какой-то недосказанности — так много наболело на душе. Но, как говорится, служба — долг, солдат — не гость...

21 августа

К позднему вечеру 20 августа обстановка продолжает накаляться. Продолжаются звонки о «штурме»! Причем, они идут из кругов, близких к Ельцину и его приближенным. В чем их суть, кто генерирует эту провокацию? Почему не удалось сесть за стол переговоров, кто возбуждает людей вокруг и внутри Белого дома? Кому это выгодно?

Заводы в Москве, в стране, несмотря на призывы к забастовке, работают. Кому нужна эта буря в стакане воды? Итак, кому нужен штурм?

а) Горбачев в самоизоляции, вряд ли может повлиять на текущие события. Не допускаю;

б) ВС СССР будет собран, к сожалению, только 26 августа, вряд ли может повлиять на текущие события. Не допускаю;

в) Ельцин указами от 19 августа определил свою позицию (негативную), штурм ему не нужен, у него нет сил сдержать его, он губителен для него. Не допускаю;

г) Верховный Совет РСФСР в своей массе депутатов маневрирует, штурм ему не нужен. Не допускаю;

д) Армии штурм не нужен, грязная работа, пятно на ее знамена, возможны потери. Не допускаю;

е) МВД — аналогично армии. Не допускаю;

ж) КГБ — аналогично армии. Не допускаю;

з) Пятая колонна плюс некая третья сторона — она не способна организовать штурм, она способна совершить провокацию штурма для дальнейшей дестабилизации обстановки в стране. Не допускаю; допускаю возможность провокации штурма.

Вся оперативная информация, естественно, должна быть у В. А. Крючкова. Решаю позвонить ему:

— Владимир Александрович! Откуда, по вашему мнению, идет нагнетание напряженности, откуда столько разговоров по «штурму», не кажется ли вам возможной в этой неразберихе провокация? Хотелось бы посоветоваться, как предотвратить ее. Нет ли возражений, если я к вам подъеду?

— Вопрос сложный, подъезжайте. У меня будут товарищи из Минобороны и МВД, посоветуемся...

Вспомнилась странная картина. Перед очередным заседанием Верховного Совета СССР я спешил на машине со Старой площади. Путь короткий — несколько минут. Сильная гроза. Низкие, черные, клубящиеся тучи, частые молнии, мощные раскаты грома. Пересекая Красную площадь,

ощущаю яркую вспышку и одновременно сильный удар грома, усиливаемый аркой Спасской башни...

Слева по ходу движения машины на зеленом газоне — напротив центрального входа в здание Верховного Совета СССР на моих глазах, как при замедленной киносъемке, распадалось вековое дерево. Водитель круто принял вправо, уворачивая автомобиль от падающих веток. К счастью, людей вокруг было мало, никто не пострадал...

Когда я выходил из здания Верховного Совета, оставались только следы бури. Несколько рабочих в униформе убрали остатки листьев от разбитого молнией дерева и сметали опилки с газона, а ствол уже увезли. Пенек от дерева был почти на уровне земли, здоров, без червоточин, влажен и смотрелся на зеленом ковре газона странным белым пятном. На завтра его закрасили зеленой краской.

...Выезд из Боровицких ворот, поворот направо, вдоль Александровского сада и Манежа, Могила Неизвестного солдата, слева гостиница «Москва», справа гостиница «Метрополь». Мы огибаем «железного Феликса» и через ворота напротив Детского мира въезжаем во внутренний дворик нового здания КГБ. Улицы освещены и пустынные.

Я в кабинете председателя госбезопасности. В четвертом часу Владимиру Александровичу, наконец, удалось связаться с Ельциным и объяснить по телефону. Была, как я понял из разговора, достигнута договоренность, и Ельцин обещал принять меры по наведению порядка среди перевозбужденных «защитников» Белого дома своими силами... Владимир Александрович заверил Б. Н. Ельцина, что слухи о «штурме» Белого дома — провокация.

Итак, главное было сделано: удалось наладить контакт.

Около двух часов ночи появился от МВД Громов, от Минобороны — Варенников и Ачалов. Кроме хозяина кабинета, присутствовали и его заместители... У всех нас была одна главная мысль. Она варьировалась в разных формах, с разной интонацией и эмоциональностью: избежать кровопролития, не допустить провокации.

...Итак, решено: вывести войска, вылететь к Горбачеву, собрать у него руководителей республик, подготовить вопросы о стабилизации положения в стране, о Союзном договоре для рассмотрения на сессии и потом съезде Верховного Совета СССР. К Горбачеву летят: В. А. Крючков, Д. Т. Язов, А. И. Тизяков, О. Д. Бакланов, В. А. Ивашко.

22 августа

На президентском самолете № 1 А. И. Тизяков, Д. Т. Язов,

А. И. Лукьянов, В. А. Ивашко, Ю. С. Плеханов и я в сопровождении автоматчиков вылетели вслед Ту-134, на котором летит Горбачев с семьей, Руцкой, Силаев и другие «спасители» Президента СССР. В качестве заложника с Горбачевым в Ту-134 был взят председатель КГБ В. А. Крючков.

Видимо, воспаленный мозг Президента «обезопасил» себя и своих домочадцев: в последний момент перед отлетом из Фороса в Москву он сделал мгновенную рокировку и пересел с семьей в другой самолет. А всех нас, в том числе экипаж, в котором были женщины, предоставил трагической участи, как ему, очевидно, представлялось, — погибнуть в авиационной катастрофе...

Я возвращался и возвращался к вопросу, почему мы, прилетев в Форос, не смогли встретиться и переговорить с Горбачевым, с прилетевшими после нас Руцким, Силаевым и другими. На моих глазах возводилась стена отчуждения между «нами» и «ими» — с «нами» «они» не стали говорить... Что может это значить? Ведь перед сессией Верховного Совета СССР необходимо было посоветоваться, снять возникшие недоразумения, паутину все более накапливавшегося недопонимания, обмана и лжи... Президент РСФСР уклонялся от переговоров, маневрировал в течение понедельника, вторника, среды... Президента СССР предусмотрительно устраивала тактика самоизоляции в течение этого же времени...

До сессии Верховного Совета или съезда остается несколько суток. Судя по обстановке, можно предположить, что эти дни будут использованы во зло, противоборство сторон не угаснет, а приобретет новые формы. Точку, скорее всего, может поставить только Верховный Совет. Вывод: надо идти в Верховный Совет и работать в нем, говорить всю правду, ведь были же даже ко мне, человеку, мало известному среди депутатов, порядка тридцати звонков с возмущением по поводу возни в Ново-Огареве, по поводу игнорирования Горбачевым референдума от 17 марта 1991 года....

Итак, решено: завтра, то есть сегодня (ведь уже около двух часов) с утра быть в Верховном Совете... Надо бы посоветоваться с Анатолием Ивановичем, но он задремал... или пытается...

Время неумолимо — идем на посадку. Вот мы у зала ожидания Внуково-2. Выходим из самолета, много света, направляемся в павильон для встречающих. Вокруг в лучах прожекторов люди, они рассредоточены по одному, двое, трое. Появляется Николай Константинович, мой «прикрепленный», мы рыхлой группой подходим к стеклянным двойным дверям зала. Впереди меня маршал Д. Т. Язов со своим

порученцем. Мимо нашей группы пробегают несколько офицеров с автоматами, видимо, из тех, кто летел с нами в самолете...

Иду на выход к машине, но натыкаюсь на двухметрового знакомого из охраны. Он предупредительно:

— Олег Дмитриевич! Вам надо зайти налево.

— В чем дело? Зачем?

— С вами хотят переговорить.

— Ясно...

Захожу в боковой зал, большой стол на месте. Меня ждет вежливый молодой человек, вижу его впервые.

— С вами хочет переговорить прокурор РСФСР товарищ Степанков.

— Как его зовут? Где будем говорить?

— Сейчас найдем свободный кабинет, его зовут Валентин Георгиевич.

Первый из кабинетов, куда мы заглянули, был свободен... Через несколько минут в кабинет энергично входит довольно прилично одетый молодой человек, подвижный, с выразительно-чувственными губами, темно-маслянистыми, несколько глубже обычного посаженными глазами.

Кабинет небольшой, подсаживаемся визави за приставной столик у солидного письменного стола.

— Олег Дмитриевич! — начинает сходу... — Мы бы хотели переговорить с вами по поводу вот этих... (подыскивает подходящее слово) событий последних нескольких дней.

— Пожалуйста, я к вашим услугам. Слушаю вас.

— Вы меня не совсем правильно поняли. Этот разговор может затянуться, и здесь не совсем удобно его вести. Я бы хотел пригласить вас проехать на одну из подмосковных дач, и там с вами мог бы состояться разговор... Но уже поздно, а время не терпит...

— Валентин Георгиевич, чем я могу вам помочь? Могу пригласить вас ко мне на дачу, она здесь недалеко, на Николиной горе.

— Олег Дмитриевич, вы депутат Верховного Совета СССР?

— Да, народный депутат.

— Мы не можем вас задержать как депутата, а время не терпит, и хотел бы, чтобы мы начали с вами работать, не теряя времени.

— Валентин Георгиевич, значит ли это, что мои товарищи, не депутаты, задержаны?

— Не совсем так, они будут размещены на дачах в Подмосковье, и с ними будут работать наши люди.

— Валентин Георгиевич, я предлагаю вам следующий вариант, под честное слово. Сегодня мы с вами устали, я уже не сплю практически

третью ночь. Сегодня мы расстаемся, а завтра в удобное для вас и меня время вы приезжаете ко мне или я к вам. Я предлагаю где-то в 13 часов, — выговорив это, я прикинул, что успею побывать в Президиуме Верховного Совета, а возможно, вместе с Язовым удастся все-таки встретиться с Горбачевым.

— Нет, Олег Дмитриевич, лучше вы приезжайте ко мне, — поспешил скорректировать мое предложение Валентин Георгиевич.

— Ну и прекрасно, только дайте мне ваши координаты, я ни разу не был в прокуратуре.

— Вот мой телефон, по этому телефону вас будет ждать товарищ...

На этом мы разошлись. Я вышел в центральный зал, людей уже почти не было. Появился Николай Константинович.

— Машина есть? — интересуюсь.

— Сейчас поищу.

Я остался один... Душно, жарко. Инстинктивно иду в сторону, куда скрылся Николай Константинович, — там должна стоять машина. Странно. Машин мало, моих товарищей нет, обычно мы прощались перед разъездом за руку. Свежий воздух, прохлада, фонтан, слева от стоянки машин подкатывает ЗИЛ, из него выходит Николай Константинович.

— Олег Дмитриевич, можно ехать!

Сажусь в машину. Водитель мне незнаком.

— Поехали.

— Куда будем ехать? — спрашивает водитель.

Опускаю руку справа к телефону, там пустота, рука натыкается на обрывки кабеля. Спрашиваю водителя:

— Как вас зовут?

В ответ молчание.

— У вас какая-нибудь связь есть?

— Машина без связи...

Я надеялся связаться с Президиумом Верховного Совета СССР, получить возможность выступить там. Наивность на грани глупости... Молох травли и погони за ведьмами раскручивался с небывалой скоростью и мощностью.

В 19.00 ожидалось интервью по телевидению Горбачева — оно откладывалось несколько раз, к этому времени я успел приехать из Прокуратуры домой...

Лилия Федоровна бросилась с рыданиями ко мне... Стало известно о гибели Бориса Карловича Пуго и тяжелом состоянии Валентины Ивановны...

Надо было разрядить обстановку, я принял решение и сказал:

— Лилия Федоровна, собирай вещи, едем в «Барвиху» и будем там отдыхать, а дальше— будь что будет. Спокойно, двум смертям не бывать...

Вызвал машину. Водитель, с которым ездили в прокуратуру, отвез в «Барвиху»...

Начало сказываться напряжение последних дней, бессонные ночи — появились экстрасистолы, сердце дает сигналы... Но заставить спать себя не могу.

Лилия Федоровна— настоящий друг, старается отвлечь от тяжелых мыслей, готова на самопожертвование. Прошлись, поговорили.

— Давай я попрошу сделать капельницу, ведь ты же начал курс — это поддержит сердце и поможет уснуть.

Ушла к врачам: они всегда помогут.

Около одиннадцати вечера я начал считать капли животворной жидкости, вливавшейся в мою возбужденную кровь, становилось легко и спокойно.

Лилия Федоровна была рядом, они разговаривали между собой — она и женщина-врач. Их голоса то возникали, то куда-то пропадали...

...Берег реки, тепло и солнечно, где-то рядом прыгают с плеском в воду ребята, смех, шум...

23 августа

Подмосковье, бальнеологический санаторий «Барвиха».

Какие-то шорохи, движения, негромкие разговоры вокруг. Я как бы наблюдаю со стороны. Вижу, врачи в белоснежных халатах, вспоминаю штатив с капельницей над головой...

— Как вы себя чувствуете? Вы уже проснулись? Есть боли в сердце? К вам пришли!

Наконец-то я начинаю включаться в реальный мир.

— Кто пришел?

— Два товарища, они вас ждут рядом в комнате.

— А где Лилия Федоровна?

— Она разговаривает с ними.

В памяти всплывают события вчерашнего дня. Главное — спокойствие и выдержка, никакой суеты. Входит Лилия Федоровна — в глазах тревога, но внешне держится достойно.

— Не волнуйся, я ни в чем не виновен, видимо, арест, но это противозаконно, я скоро вернусь.

— Я с собой ничего не брала, только носки, майка, рубашка.

— Этого достаточно, не волнуйся, главное держись, будь умницей.

Я одет. Время на часах 3.30.

Выхожу в гостиную. Дмитрий, мой сын, беседует с незнакомым мне человеком...

Товарищ из прокуратуры представился, извинился за поздний визит, подал бумагу. В документе речь шла о том, что я якобы являюсь одним из участников «заговора» с целью захвата власти, упоминалась статья 64 «а» Уголовного кодекса РСФСР и т. д...

На этой бумаге я написал: «Прошу, в связи с задержанием под стражу, адвоката и дать возможность выступить на сессии Верховного Совета СССР и переговорить с Президентом СССР». Подпись: 23 августа 1991 года.

Около четырех-пяти часов мы выехали за ворота «Барвихи», что в нескольких километрах от дачи Президента СССР под Москвой... Я физически почувствовал его близость. Он может быть доволен собой. Вчера он провел пресс-конференцию и, как ему кажется, расставил все по своим местам. «Процесс идет» — главное, сегодня шкура спасена. Охрана бдительно несет службу. Некоторых ждет награда.

В машине нас пятеро. На заднем сидении я сижу по центру, слева и справа — работники прокуратуры. Впереди водитель и мой сын. Психологическая обстановка спокойная: «сыщики и разбойники» ведут каждый свою игру в пределах правил и приличий... Предлагают выйти из машины. За стеной света ведутся переговоры, из-за шума моторов слышны обрывки фраз... Постепенно люди успокаиваются.

Наш «старший» возвращается, предлагает сесть в машину — он слева, справа его напарник, ждем. Две или три машины уходят в темноту. Пауза.

Начинаем движение и мы. На переезде железной дороги через лобовое стекло замечаю утреннюю зарю: высокое темное небо, пурпурный край к горизонту — почти как в вешнем сне. Гонка по так знакомой дороге в Москву, на «хвосте» крытый УАЗ. Остановка на улице Алексея Толстого. Разрешают проститься с сыном... Обнимаемся... Он держится достойно. Успеваю сказать:

— На тебе вся семья, женщины. Держись.

— Знаю, держись ты...

Торопят. Половина высокого неба уже светло-розовая.

Срываемся с места, крутимся по незнакомой части Москвы. Сходу влетаем в глухой, узкий, мрачный, захламленный строительным мусором двор. Нас ждали.

Скрежет замков и засовов. В сопровождении нескольких подтянутых,

крепких, невозмутимых ребят поднимаемся на второй этаж.
Прерывающийся хриплый звук сирены. Затхлый сырой воздух. Вокруг
серый металл, камень, тусклый свет.

Очередной скрежет замков. Открывают тяжелую дверь:

— Проходите.

Дверь захлопывается, скрежет и грохот запоров.

Время остановилось...

Источник: Олег Бакланов.

Космос — моя судьба. М. 2012

Олег Бакланов: Советская власть погибла из-за своей гуманности

Главный по советской оборонке и космосу, секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов рассказал «Фонтанке», что конструировал «ядерный чемоданчик» и готовил полет на Марс, поведал, что российская «Сатана» успеет поразить Вашингтон и почему в СССР отказались от минирования берегов США, объяснил, зачем 20 лет назад стал членом ГКЧП, кто его за это хотел ликвидировать и почему КГБ во время «путча» контактировал с Ельциным.

— Ровно 20 лет назад вы стали членом ГКЧП. Главная интрига, пожалуй, в том, знал ли о подготовке ГКЧП Горбачев? Была какая-то конкретика в этом смысле с его стороны?

— На таком уровне конкретики не дождешься. Но, например, в Форосе он действительно нам сказал: «Черт с вами! Делайте, что хотите!» А, скажем, 3 августа, за полмесяца до создания ГКЧП, Горбачев на заседании кабинета министров говорил почти дословно: мы — как в горах, поэтому должны работать в условиях чрезвычайного положения, иначе лавина обрушится, все погибнет. И добавил: «Я ухожу в отпуск, а вы оставайтесь на местах, разруливайте ситуацию». На следующий день я в числе ближайших подчиненных Горбачева провожал его в аэропорт. Там он еще раз повторил свой запрет выезжать на отдых Язову (министр обороны СССР. — Прим. авт.), Крючкову (председатель КГБ. — Авт.), Шенину (член Политбюро ЦК КПСС. — Авт.) и некоторым другим. «Оставайтесь на местах, контролируйте ситуацию».

— ГКЧП не дали осуществить планы или планов толком не было?

— Не было. Все решилось в 2–3 дня. После того, как 17 августа в «Московских новостях» был опубликован проект Союзного договора. Так впервые мы (будущие члены ГКЧП. — Авт.) узнали его формулировки. Не узнали бы, может, ничего и не было бы. Ведь никто из нас на новоогаревских встречах, где и готовился этот проект, не был. Для нас их результат был — как снег на голову. Поэтому-то мы фундаментально к ГКЧП и не готовились, не прорабатывали. Да, были встречи. Но на уровне «поговорили, разошлись». И все. Спонтанно.

А тут вдруг выяснилось, что проект полностью противоречит мартовскому референдуму 1991 года, что о социализме речь в нем

практически не идет, а республики фактически становятся суверенными государствами. При этом заключение Совета министров по проекту Союзного договора было отрицательное, а заключения Верховного Совета не было вовсе. А по закону оно должно было быть. Я все это прочел. Мне звонит Крючков. А потом и Язов. Стали обсуждать, что происходит. Всем стало очевидно, что 20 августа Горбачев с Ельциным отдадут нас на заклятие.

— *...И решили ехать к нему на поклон сами. Если Горбачев сам готовил этот проект, то чего вы хотели добиться от него поездкой в Форос?*

— Хотели убедить его, что подписывать такой договор втихую нельзя, что надо обсудить его с товарищами, хоть у него в Форосе, хоть в Москве. Но Горбачев сразу заявил: «Даже если мне ногу отрежут, все равно поеду подписывать». А потом начинает ныть, как он плохо себя чувствует. Полчаса рассказывает про свою ногу. Как он шел, как его вдруг кольнуло. «Вы же видите, я еле сижу. Никуда с вами ехать я не в состоянии». Хорошо, если еле сидишь, предложи нам остаться, вызови остальных — поговорим. Так нет же.

Тем не менее каждый доложил состояние дел в вверенном ему направлении. Везде — бедственное. Особенно в партии. Короче, приперли Горбачева. Он и сказал: «Черт с вами! Делайте, что хотите! Но знайте мое мнение... А если нужен Верховный Совет, собирайте Верховный Совет». И заседание Верховного Совета было назначено на 26 августа. Конечно, это была глупость с нашей стороны. Надо было его собирать немедленно. Но Лукьянов (председатель Верховного Совета СССР. — Прим. авт.) заявил, что не сможет обеспечить явку депутатов. Хотя Ельцин в этой ситуации сумел моментально собрать Верховный Совет РСФСР, а потом с его помощью высек Горбачева.

— *Если все происходило так спонтанно, как вы рассказываете, то когда же вы успели подготовить документы по созданию ГКЧП?*

— Когда мы приехали от Горбачева в Москву, документы по ГКЧП и обращение к народу уже были готовы. Выкладывал их нам Крючков. Все их обсуждали. Кое-что поправили, а с главным согласились: надо вводить чрезвычайное положение. Ночью 18 августа я тоже эти документы подписал. Кстати, подразумевалось, что чрезвычайное положение будет вводиться на местах, только там, где оно необходимо. Как это было, например, с чрезвычайным положением в металлургии, где оно на тот момент уже действовало. Но никто в эти детали ведь вникать не стал, особенно после того, как Ельцин полез на танк.

— А вы разве не предвидели такого поведения Ельцина? Что он восстанет против вас?

— Я считал, что в такой ситуации он остановится. Не полезет на конфронтацию.

— У ГКЧП были контакты с Ельциным?

— Как-то мы с Шениным поехали к Крючкову. Он при нас позвонил Ельцину. Говорит: «Надо же знать меру!» Тот ему отвечает: «Я гарантирую, что никаких эксцессов не будет». Но это же были только слова. А дела быть могли. Мы понимали, что могут быть провокации. Что на нас лежит ответственность, чтобы их не допустить. И когда мы увидели, что Ельцин не останавливается и что идут разговоры, мол, ГКЧП скоро начнет аресты, то Язов, и я его в этом поддержал, вывел войска.

Я его понимаю. Язов не хотел, чтобы его войска были втянуты в кровавую бойню. Лично я тоже. Поэтому держал связь с регионами. Объяснял: «Главное, не допустить кровопролития». Потому что, если бы произошло то, что произошло под мостом на Арбате (место гибели Ильи Кричевского. — Авт.), то была бы большая кровь, и пришлось бы отвечать за нее головой.

— Бояться ответственности, вводя чрезвычайное положение, когда на кону стояла страна, по меньшей мере странно. Вам не кажется, Олег Дмитриевич?

— Вы правы! Мы проявили мягкотелость. Советская власть в конечном счете погибла из-за своей гуманности. Мы хотели только не дать подписать Союзный договор и привести ситуацию в соответствие с Конституцией. Думали, что после этого все наладится само собой. Непростительная наивность! Надо было на все наплевать. И, вопреки Конституции, арестовать 20–30 человек. Собрать Верховный Совет. Обсудить там ситуацию. И придать этих людей суду. И это было бы однозначно правильное решение. Поначалу был бы, конечно, шум. Но потом бы он стих. А страна осталась.

— Хотя бы теоретически кто-то из вас выдвигал такой вариант?

— Нет, так вопрос не ставился. Речь шла только о том, чтобы не допустить крови. Мы ничего не боялись, но на кровь не шли. Понимали, что, как и те ребята под мостом, полезли бы другие: «Арестовали нашего Бориса Николаевича!» И началась бы катавасия. Это сейчас мы понимаем, что эти жертвы были бы несоизмеримы с жертвами, например, 1993 года. Сколько тогда погибло людей по вине Ельцина?

— В какой момент вы почувствовали свое бессилие как власть?

— Лично я почувствовал, когда произошла как раз эта трагедия под

мостом. Отчасти начал понимать, еще когда Ельцин вылез на танк. Это был отчаянный шаг с его стороны, но он полностью оправдал себя. Правда, ценой развала Советского Союза. А что мы могли с Ельциным сделать в той ситуации? Тут же уничтожить? Конечно, сегодня, зная, какие грядут последствия, я бы пошел на все. Но тогда, поймите, я, да и большинство членов ГКЧП, узнали о проекте Союзного договора буквально за пару дней до этих событий. Мы были дезориентированы, поскольку не участвовали в этой свалке.

Но повторяю, если бы я ставил себе задачей захват власти, а другие члены ГКЧП мне присягнули, я бы действовал по-другому. Но ГКЧП был коллективным органом, а коллективный орган действует иначе. К тому же в ГКЧП не было консолидации. Лукьянов, например, занимал очень мягкую позицию, в то время как от Верховного Совета зависело очень многое. Язов постоянно говорил о том, что войска предназначены для борьбы с внешним врагом, а не с внутренним. А позиция Крючкова мне до сих пор непонятна. Получилось, что страны нет, а Комитет государственной безопасности весь в белых перчатках. Между тем именно он в первую очередь и отвечал за то, чтобы арестовать Ельцина и отправить его в «санаторий».

— ...В результате в «санаторий» отправились все вы. Более того, разговор применительно к вам шел ведь о высшей мере?

— Шел.

— И о том, что вас хотят ликвидировать до суда, были слухи?

— Могу рассказать вот что. После провала ГКЧП я вернулся в санаторий «Барвиха», где до этих событий проходил лечение, а через день, 23 августа, туда ко мне приехали с ордером на арест. Помню, потребовал адвоката. Следователь отвечает: «За забором собрались горячие головы. Зачем вам адвокат?» Действительно, при выезде из санатория нашу машину останавливают. И освещают со всех сторон фарами. Мужские голоса. Арестовавший меня следователь вступает в переговоры. Минут 15 с кем-то объясняется. Потом фары гаснут. И мы едем дальше. Кто были эти люди, я не знаю. Я их даже не разглядел из-за света. Следователь намекнул, что это было что-то вроде его поддержки.

— А почему вас сразу не арестовали вместе с остальными членами ГКЧП?

— Потому что я сказал, что я депутат Верховного Совета и если меня арестуют, это будет нарушение закона. Но закон они все-таки нарушили. Потому что, когда 26 августа Верховный Совет все-таки собрался и принял решение о моем аресте, я уже три дня как сидел в тюрьме. Кстати, на этом

заседании присутствовал Лукьянов. Но его тоже потом арестовали. Хотя и позже всех. Видимо, потому что они с Горбачевыми дружили семьями.

А Крючкова и Язова действительно арестовали сразу после прилета из Фороса, куда мы к Горбачеву ездили второй раз. Хотели прекратить эти распри. Но к тому времени у Горбачева уже, видимо, состоялся разговор с Ельциным, и они уже распределили свои роли на будущее. Кстати, если помните, Горбачев полетел обратно в Москву на самолете Руцкого, куда взял с собой Крючкова. Видимо, боялся, что соьбьют в воздухе. Но бандитства-то в нас не было. На этом и проиграли.

— *Что вы почувствовали, оказавшись вместо Кремля на тюремных нарах?*

— Тюрьма есть тюрьма. В России в тюрьмах сидит около миллиона человек, я отлично представляю, в каких ужасных условиях. В «Матросской тишине» со мной в одной камере сидели три человека. Один — «ворошиловский стрелок», сидел за мокрое дело. Другой — бизнесмен. Третий — за бытовуху. Кормили отвратительно. Но я прошел немецкую оккупацию, и меня это не сильно волновало. Подсаживали ко мне и сексотов. Но их же сразу видно. Так что их попытки поговорить по душам ни к чему не привели.

Интересная деталь. Охрана у нас сначала была штатная, а потом к нам приставили ОМОН. Там были разные люди. В основном простые ребята. С некоторыми возникала взаимная симпатия. А следователям я прямо говорил: «Ну какой я преступник? Я защищал страну, а вы мне шьете измену родине! Вы сами-то в это верите?» Молчание. «Я делаю свою работу». И так полтора года, пока я сидел.

— *О юридических формулировках освобождения членов ГКЧП до сих пор ведутся споры. Как вы для себя определяете эту ситуацию?*

— Как это трактуется, я, честно говоря, до сих пор не понимаю. Одни говорят, что это была амнистия. Но ведь не было решения суда нас амнистировать. Было решение Думы прекратить этот процесс. Я считаю, что все понимали, что толку от него никакого не будет. Генерал Варенников пошел дальше, добился своего оправдания. Правда, он не был членом ГКЧП. И был человеком, который нес знамя Победы в 1945-м. Ему было легче. Он был решительный человек.

— *Кстати, нерешительность лидера ГКЧП Янаева до сих пор является притчей во языцех. Почему не взяли в возжаки того же Варенникова?*

— Потому что министром обороны был Язов. Как при живом начальнике Варенников мог стать главным? Интересный момент. Когда мы

в первый раз вышли от Горбачева, Варенников поехал в Киев, где командовал округом. И твердо держал ситуацию под контролем. Верховный Совет Украины был ему лоялен. Правда, до тех пор, пока туда не приехал Собчак. Он их быстро распропагандировал.

Варенников с самого начала занимал принципиальную позицию. Он постоянно слал нам телеграммы, требуя арестовать Ельцина. Но, повторяю, этим должны были заниматься силовики. А они не только не арестовали, но, более того, выпустили его 19 августа с госдачи. Ельцину ведь по статусу была положена охрана. Но когда он вернулся от Назарбаева на дачу, его не только не «закрыли» там, не изолировали, по крайней мере, но спокойно выпустили в Белый дом. Как это можно было делать?!

— *Как вы расцениваете череду самоубийств высокопоставленных чиновников, следовавшую после провала ГКЧП?*

— Я думаю, что Пуго (министр МВД, член ГКЧП. — *Авт.*) застрелили. По крайней мере, 50 на 50 процентов это так. А что Ахромеев повесился, я не допускаю и мысли. Ну и что, что нашли его предсмертную записку? Маршал. Прошел войну. И повесился? Причем вешался два раза. Это нормально? Я знаю его жену, знаю его детей, хорошо знал его самого. А Кручина (управляющий делами ЦК КПСС. — *Авт.*)? Который выбросился из окна. Чего ему было выбрасываться? Он, грубо говоря, был бухгалтером. Я его тоже знал. Поэтому не вижу мотивов. Потом еще какой-то тоже выбросился...

— *Есть версия, что в случае победы ГКЧП Горбачев вернулся бы в Кремль на белом коне.*

— Трудно сказать. Мог подстроиться, перестроиться. Опять всех заговорить. Хотя к этому моменту он был уже по уши... Поэтому вряд ли. Кстати, Раиса Максимовна очень боялась ГКЧП. Когда мы приехали, она была уверена, что мы арестуем ее мужа. Но мы к этому не готовились. К тому же охрана в такой чрезвычайной ситуации могла себя повести непредсказуемо.

— *...Но с вами же был сам Плеханов (руководитель 9-го Управления КГБ. — *Авт.*)?*

— Был, потому что иначе нас вообще могли не пустить к Горбачеву. А поскольку он был руководителем всей правительственной охраны, то с ним мы прошли. Но ведь там находился и старший по объекту. И если бы Горбачев дал ему команду нас арестовать, не известно, чем бы это обернулось. Нас было-то всего четверо. Кстати, знаю точно, что одного из своих форосских охранников Горбачев оставил с собой уже после того, как перестал быть президентом.

— *Когда вы последний раз видели Михаила Сергеевича?*

— Он приходил на суд над ГКЧП. Там у нас с ним были словесные стычки. Перед зданием суда собралась толпа, которая скандировала: «Горбачев — предатель!» А он набросился на нас: «Это вы организовали!» Но мы ничего не организовывали. Кстати, до сих пор считаю, что Ельцин, видимо, хотел, чтобы нам вынесли расстрельный приговор на этом суде. А потом помиловать. Чтобы выглядеть красиво.

— *Резюмируя тему, ответьте на главный вопрос: почему ГКЧП одинаково не любят как правые, так и некоторые левые? Одни говорят, что вы не сумели сохранить Союз, другие, что вы катализировали его распад...*

— Что значит «катализировали»? Если бы был подписан Союзный договор, то уже 20 августа 1991 года вместо страны мы имели бы облако в штанах. То, что и случилось впоследствии.

— *Советской оборонной промышленности вы отдали всю жизнь. Любопытно ваше мнение: за счет какого вида вооружений Россия сегодня способна противостоять США?*

— Исключительно благодаря 36-й ракете. Мы ее называем «Воеводой», а американцы «Сатаной». Ее уникальность в том, что она имеет 40 ложных целей и 10 боевых блоков. То есть в случае запуска «Воеводы» противник увидит 50 угрожающих ему блоков ракеты, но не будет знать, какие из них отвлекающие, а какие боееспособные. Соответственно, полностью локализовать «Воеводу» ему будет сложнее. Эта ракета избыточна по своей мощности. У нее минометный старт: 200 тонн выбрасываются в одну секунду из шахты и уходят в небо. В зависимости от конкретной цели, 12–30 минут полета до США.

— *...Сбить ее успеют?*

— Если с помощью станций обнаружения у нас под носом будут снимать все наши пуски, то, конечно, смогут. Поэтому и надо возражать против размещения ПРО в Польше. Но, главное, что американцы и на этом не успокоились. Теперь они говорят: «Хорошо, возражаете против Польши, мы будем ставить ПРО на своих кораблях». А там мы с ними с чисто экономической точки зрения конкурировать не сможем.

Расчеты наших руководителей на подвижные ракетные установки, на мой взгляд, не очень правильны. Потому что они уязвимы. Диверсантам, которые будут знать их месторасположение, не составит труда их локализовать. А ракетные шахты защищены. Вообще, хочу сказать, что если мы не удержим наш ракетно-ядерный потенциал на необходимом уровне, США быстро сделают с нами то, что сделали с Югославией.

— *Валентин Фалин (руководитель Международного отдела ЦК КПСС. — Авт.) в интервью нашему изданию утверждал, что для того, чтобы не бояться США, достаточно окружить их подводными бомбами. Не тратиться с помощью минирования на гонку вооружений. Были такие планы?*

— «Окружить их подводными бомбами», «минирование»... Да, были подобные проекты. Собирались, например, создать торпеды, которые должны были с большой скоростью идти к американским берегам. И поражать их. США ведь континентально-островное государство. Всякие были проекты. Но если бы их начали воплощать в жизнь, это не осталось бы тайной для американцев. Поэтому от них и отказались. Но добавлю, что подобная работа в разных направлениях была и будет вестись всегда.

Фалин — уважаемый, принципиальный человек, но то, что США измотали Советский Союз гонкой вооружений, — байки. Или, по крайней мере, неоднозначная трактовка. Ну, наращивали они ее. И что? У них было больше возможностей, вот и наращивали. В мою бытность секретарем ЦК США тратили до 400 миллиардов долларов на вооружение, а мы толклись на восьмидесяти — всего 12 % бюджета СССР.

И при этом обеспечивали паритет.

— *После распада СССР выяснилось, что его казна почти пуста. Это правда, что многие страны до сих пор должны Советскому Союзу за оружие?*

— На момент распада СССР наши союзники должны были нам за поставки оружия 150 миллиардов долларов. Но все эти долги отдали Авену (в 1991–1992 гг... министр внешнеэкономических связей России. — Прим. авт.). Что он с ними делал, не знаю. Но к нам эти деньги не вернулись.

И рынки мы эти потеряли. Потому что, например, практически не делаем самолеты. В 1950-е годы, когда я работал регулировщиком системы слепой посадки самолетов, мы делали 100 тяжелых машин в месяц. 300–350 легких. Сегодня, быть может, всего 10 машин. Причем тяжелые не делаем вовсе. Летаем на оставшемся десятке тяжелых машин. Мы не делаем вертолетов. Не делаем флот. С моей точки зрения, даже покупка «Мистралей» ничего не решает.

— *Существует ли климатическое или психотропное оружие?*

— Осязаемого, управляемого и контролируемого именно в виде оружия — нет. Это пропаганда.

— *Зная, в каком порой состоянии бывал, например, президент Ельцин, сам собой напрашивается вопрос: контролируется ли адекватность первого лица страны в момент его общения с «ядерным чемоданчиком»?*

Кстати, знаете, как он устроен?

— ...Мы его делали. Внедряли в Ленинграде. Дело в том, что весь ядерный потенциал России находится в 30-секундной готовности. И если президент, после консультаций с министром обороны или без них, нажмет кнопку, ракетные комплексы уйдут в полет. Соответствующие шифры «чемоданчика» определяют полетное задание.

Что касается контроля за первым лицом, то могу сказать, что я владел техникой, а в эти процедуры подробно не вникал. Хотя знаю, что есть специальная группа офицеров, которая обслуживает этот аппарат. Президент может приказать им, например, подготовить поражение Вашингтона, а потом приказать уйти. Но я не знаю, уйдут они или нет. Это будет зависеть от того, в каком состоянии будет находиться высшее лицо государства. С моей точки зрения, они должны быть подготовлены и на этот счет.

— *Вы в СССР отвечали еще и за космос. Вам не горько было видеть, с каким пафосом мир недавно провожал в последний полет «Атлантис», в то время как мы свое слово в деле многоразовых транспортных космических систем так и не сказали?*

— Еще как сказали! Но «Энергию-Буран» убили! Я был председателем его приемной комиссии, поэтому знаю, что говорю. А ведь благодаря «Энергии-Бурану» уже маячил полет на Марс. Об этом мало кто знает, но планы были. Мы же создали новую размерность! Нынешние космические аппараты имеют внутренний диаметр не более 3 метров. Год летать в космосе в таких условиях — с ума можно сойти. А «Энергия-Буран» внутри был больше 50 метров! На базе технологий новой размерности мог быть создан космический корабль для выхода на опорную орбиту в 200–300 километров. Там можно было монтировать из этих модулей космический поезд с запасами воды, пищи и так далее. А уже оттуда стартовать на Марс. Ведь только туда лететь год, а потом еще и год обратно. Человечество рано или поздно к этому придет.

Кроме того, для «Энергии-Бурана» был создан 740-тонный двигатель. Он позволял выводить на опорную орбиту 105 тонн. А сегодняшняя челомеевская ракета выводит максимум 22 тонны. Это потом из этих 22-тонных модулей мы наращиваем станцию в космосе под 200 тонн. Понимаете? Кстати, планировалось форсирование двигателей «Энергии-Бурана», после которого мы могли бы выносить на орбиту 180 тонн. Представляете, какой бы это был рывок в космос?

— *Применимы ли ваши разработки в гражданской жизни?*

— Конечно. Ну, например, представляете, какую нервную систему

нужно иметь летчикам, чтобы отвечать за посадку самолета с 500–700 пассажирами на борту? А ведь все это уже можно делать в автоматическом режиме, если использовать ту систему, которую мы наработали при конструировании «Бурана». Мы ведь посадили его без космонавтов! Даже американцы этого делать не умели. Надо немножко потратиться, переоборудовать аэродромы и насытить соответствующей техникой самолеты. Но Ельцин закрыл эту тему. И если бы только ее! Он «закрыл» весь Советский Союз!

Беседовал Лев Сирин, Москва, «Фонтанка. ру»

Владимир Крючков

Крючков Владимир Александрович — Родился в 1924 году. В 1944–1945 годах был первым секретарем РК ВЛКСМ Баррикадного района (Волгоград). В 1945–1946 годах учился в Саратовском юридическом институте. В 1946 году стал вторым секретарем Сталинградского горкома ВЛКСМ. В 1946–1947 годах работал следователем прокуратуры Тракторозаводского района Волгограда. В 1947–1950 годах был прокурором следственного отдела Волгоградской прокуратуры. В 1950–1951 годах был прокурором Кировского района Волгограда.

В 1949 году закончил Всесоюзный заочный юридический институт по специальности юриста, в 1954 году (поступил в 1951) — Высшую дипломатическую школу МИД СССР. В 1954–1959 годах находился на дипломатической работе в посольстве МИД СССР в Венгрии. В 1955–1959 годах — третий секретарь посольства СССР в Венгерской Народной Республике.

С 1967 года стал помощником председателя КГБ при Совете Министров СССР Юрия Андропова. В 1967–1971 годах — начальник Секретариата КГБ при Совете Министров СССР. В 1971–1978 годах — первый заместитель начальника, затем начальник Управления КГБ при Совете министров СССР.

С 1978 года по 1988 год — заместитель председателя КГБ СССР. В 1978–1988 годах — начальник 1-го Главного Управления КГБ СССР (внешняя разведка) в звании генерала.

Во время войны в Афганистане участвовал в организации ввода советских войск в Афганистан, формировании представительства КГБ в Кабуле и в подготовке штурма дворца Амина спецподразделениями КГБ «Гром» и «Зенит».

В 1988 году стал председателем КГБ СССР. В 1989 избран в члены Политбюро ЦК КПСС.

По инициативе Крюčkова в мае 1991 года был принят Закон «Об органах государственной безопасности в СССР».

Член ГКЧП. С 5 по 17 августа 1991 года организовывал встречи и совещания членов ГКЧП. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года подписал документ об отстранении Михаила Горбачева от власти и введении в стране чрезвычайного положения.

В связи с августовскими событиями 1991 года был арестован по

статье «Измена Родине» и 18 месяцев находился в тюрьме «Матросская тишина», впоследствии был амнистирован Государственной думой в 1994 году.

Скончался 23 ноября 2007 года в Москве на 84-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Владимир Крючков о КГБ, ГКЧП и Путине

— В одном из интервью вы сказали, что во время событий августа 1991 года ваше ведомство даже охраняло Ельцина, чтобы его не убили другие, заинтересованные в его смерти деятели. Был ли Ельцин так незаменим именно в эти годы, как сегодня многие говорят?

— Да. Ельцин действительно был под нашей охраной. Что же до незаменимости... Я написал книгу «Личность и власть». Взял восемь деятелей — от Сталина до Путина — тех, кого помнил. Конечно, Сталина я близко не знал, но видел его, много раз слушал. Лет 12 в моей жизни приходится на период, когда у власти находился Сталин. Это дает мне право высказывать свои суждения о нем. Затем Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин и Путин. Я старался дать им характеристику и однозначно пришел к выводу, что у нас очень серьезные изъяны в государственности, в обществе, политике и в мировоззренческой системе. Вот мы говорим о правах человека. Это категория, от которой нужно танцевать. Мы защищаем права человека. Но права общества мы должны защищать от личности, или нет? Что, для нас все равно, кто стоит во главе? И наступает ситуация, когда общество страдает от человека. Нужно подумать над системой мер, которые позволили бы избежать такой ситуации. Я думаю, Ельцин тот случай, когда нужно защищать не человека, то есть, его, а общество от человека. В книге я излагаю кое-что на этот счет и считаю, что это представляет определенный интерес — раз мы говорим о правах человека, то должны брать шире и говорить о правах общества, о необходимости защиты общества. Вот в таком плане. Пройдет время, и содеянное Ельциным станет очевидным. Хотя и сегодня можно кое о чем сказать. Ведь Ельцин принял единую державу. Но не сохранил ее. При Ельцине промышленное производство упало более чем в два раза. Сельскохозяйственное производство упало более чем в два раза. У нас разрушились наука, культура, упал жизненный уровень, а самое страшное — мы как этнос разрушаемся, гибнем. Почти миллион людей каждый год умирает. И это больше, чем рождается. Ни в одной из стран мира такого сейчас нет. Есть страны, где рождаемость меньше, чем смертность. Но чтобы как у нас, такого нет. По подсчетам экспертов, которым я верю, у нас в 2050 году славян останется 30–35 миллионов человек, а население сократится до 50–55 миллионов.

— Но был ли в тот период человек, который мог бы встать у власти

вместо Ельцина?

— Всегда есть такие люди. У нас же в стране всегда народ приучали к мысли: вот уйдет наш вождь, что будем делать? Но, тем не менее, ушел Сталин, ушел Брежнев, и мир не рухнул. Нет незаменимых. Я буквально вчера встречался с товарищами, которые занимаются авиационными делами. Молодые, пытливые, грамотные, образованные. Я подумал, Боже мой, сколько на Руси умных, талантливых людей. Умно рассуждают, концептуально мыслят. Россия наша никогда не пропадет до тех пор, пока есть такие люди. И особенно много их там, в глубинке. Кстати, я пытаюсь в своей книге показать, какая у нас была кадровая политика, и какая сейчас стала. И какая кадровая политика может обеспечить нам с вами развитие.

— *Если анализировать состав нашего правительства и расстановку кадров в высших эшелонах власти, то можно подумать, что к власти сейчас приходят люди, которые прошли жизненную школу спецслужб. Не означает ли это, что наш народ тяготеет к сильной власти, основанной на сильной спецслужбе?*

— Сейчас в органах власти куда больше бывших сотрудников спецслужб, чем было в прежние времена. Поэтому, в принципе, можно сделать такой вывод, к которому пришли вы. Я лично считаю, что органы госбезопасности, их сотрудники — это не какая-то автономная часть общества. Это органическая часть всей нашей государственности, всех наших структур. А раз так, то они имеют право на работу там, где будет востребована их профессиональная подготовка, багаж знаний и так далее. В этом ничего страшного нет. Конечно, перекосов не должно быть. То есть, кадровая политика должна строиться на каких-то принципах. Скажем, у Сталина было такое положение: министр не имеет права назначать себе заместителей. Ему назначают. Это было мудрейшее решение. Или, допустим, землячество, родственные связи никоим образом не проходили. Сейчас другая ситуация. Но в любом случае во главе той или иной структуры должен находиться человек, который подходит к этой должности. И я не считаю недопустимым, что на пост первого лица пришел Путин, и некоторые его товарищи занимают должности во властных структурах, а когда-то работали вместе с ним. Ситуация, конечно, несколько необычная, и, я думаю, время, видимо, кое-что подправит, кое-что подтвердит, но, бесспорно, вопросы есть.

— *Вы очень лестно отзываетесь о президенте Путине. В прошлом он работал в вашем ведомстве, в разведке. Мы всегда примериваем к себе вопросы большой политики, ставим себя на место главы государства. Как в связи с этим искал бы выходы из кризиса в нынешней ситуации*

президент-разведчик Крючков?

— Это действительно большая политика, и поэтому сослагательное наклонение мы нечасто будем использовать. Что касается Путина, то когда он пошел вверх, сначала став премьером, а потом президентом, я интересовался им. Хотя, когда он работал в разведке, я его не знал. Путин как-то говорил, что мы встречались в Дрездене. Там проводилось какое-то совещание, на котором мы оба были, понятно, в разном качестве. Я этого момента не помню. Я навел справки и получил положительный ответ. Спокойный, уравновешенный, принципиальный, напористый, последовательный. Добросовестно относился к работе, выполнял четко те обязанности, которые ему вменялись. Когда он по окончании командировки вернулся в Союз, уехал в Ленинград. Не без желания. В 1991 году ко мне обратился с просьбой Собчак — разрешить переход Путина из КГБ в гражданскую структуру. Собчак сказал, что это его просьба и просьба Путина. Я навел справки и не возражал. Вопрос тогда решили месяца за полтора. Это первый случай, когда будущий президент зафиксирован в моей памяти. Так Путин оказался на гражданке. Мне товарищи сказали, что он человек серьезный, и это успокаивает. Нам же небезразлично, кто будет управлять государством. И реальность показала, что он оказался достоин этого поста.

— И найти огрехов в его работе вы не можете.

— Окажись сейчас во главе государства стопроцентный коммунист, я бы не все его поступки одобрял. Наверняка по каким-то моментам возникали бы сомнения. Я скажу так: Путину досталось тяжелейшее наследие. Наследие, которое коснулось всех сфер жизни нашего общества и государства. Наследие, в результате которого мы обрушились буквально по всем направлениям — в экономике, в военном деле, в промышленности, в сельском хозяйстве, науке. Любому на месте Путина, столкнувшись с такими трудностями, потребовалось бы время, чтобы разобраться. К тому же, Путин столкнулся с тяжелейшей ситуацией на международной арене. Одну политику проводил Ельцин, политику поддавков. Путин же сразу стал думать о том, чтобы обрести независимость во внешней политике, укрепить наши позиции, исправить ситуацию и здесь. Ну и, конечно, кадровые проблемы. Толковые люди ушли в частные структуры, и многие участки были просто оголены. Путину нужно было решить и эту проблему. И вы знаете, до Ельцина, я бы сказал, до Горбачева, общество у нас было единым, я бы даже сказал монолитным. А в настоящее время рыхлость, разрозненность, плюрализм во мнениях и действиях. Они настолько захлестнули наше общество, что изменения в него внести очень трудно. В

этих условиях что самое главное: какой у нас строй, какие проекты — политические, экономические, социальные, мировоззренческие. Я считаю, что очень многое зависит от этих проектов. То, что делает Путин, я понимаю. Но, вместе с тем, некоторым позициям мне кажется, у нас уделяется мало внимания. Я считаю, у нас не должно быть такого положения, которое сложилось сейчас по некоторым вопросам. Возьмите наших олигархов. У них в руках сконцентрирована основная часть всех богатств страны. В сравнимом количестве с нашим бюджетом. Я считаю, допустить это, значит обидеть и ущемить интересы многих миллионов россиян. Путин же и здесь проявляет терпение. А потом, вещи, говорят, смотрят в деле, а не в отделе. Должно пройти время, прежде чем мы сможем реально и объективно судить о тех процессах, которые сегодня происходят. Прав он или не прав. Но, во всяком случае, я думаю, что-то, что происходит в нашей стране, дает большую пищу для критики в адрес нашего руководства, и требуется, с одной стороны, время, а с другой, — учет настроений, пожеланий самых различных слоев общества. И меньшинства и большинства. Сегодня у нас учитываются интересы не всех слоев общества. Отсюда и проблемы с жизненным уровнем. Поэтому я не могу сказать, что однозначно отношусь к Путину. Но когда сравниваешь, то радуешься лучшему. А Ельцин и Путин — это разные люди. Многие из того, что делает Путин, Ельцин бы никогда не сделал. Я думаю, мы освободились от непродуманных, неоднозначных, вызывавших удивление шагов Ельцина и обрели человека нормального, который нормально ходит, нормально говорит, нормально воспринимает мир. И, конечно, положительная черта Путина — терпимость к иной точке зрения. Чего про Ельцина не скажешь. А время наше такое неоднозначное, и для того, чтобы его оценить, нужно подождать.

— *Участников ГКЧП арестовали, потом судили. Позже амнистировали. Генерал Варенников не согласился с такой формулировкой, потребовал пересмотра дела и добился полной реабилитации. У вас не возникало такого же желания?*

— Возникало. Но прошло столько времени. Мы все в возрасте. Устали. И решили на этом поставить точку. Хотя мы прекрасно понимали, что нас рано или поздно выпустят. Конечно, могло произойти самодурство, и нас могли просто пустить в расход. За что нас судить? За то, что мы решили сохранить Советский Союз? Ведь факт остается фактом. 20 августа 1991 года представители шести союзных республик плюс Горбачев должны были подписать новый проект союзного договора. После него Советский Союз прекращал свое существование. Мы выступили против этого, потому

что конституция и законы нам это позволяли. Когда я был в тюрьме, я сидел полтора года, нам то и дело меняли статью. То измена Родине, то злоупотребление служебным положением, то еще что-нибудь. То есть, понимали прекрасно, что измены Родине нет. Даже по чисто формальным признакам. Поэтому рано или поздно нас должны были выпустить и оправдать. Освободившись от этого дела, мы все активно включились в общественную жизнь. Это позволило нам сохранить здоровье, потому что человеческие возможности не безграничны. А Варенников пошел на то, чтобы над ним был процесс. И правильно сделал. Он вообще не совершил ни одного поступка, подпадающего под статью об измене Родине. Я тоже не совершал. Возможно, будучи председателем КГБ, я в чем-то где-то не так использовал силы и возможности. Возможно. А тут подоспела такая ситуация, расстреляли Белый дом. Сколько там человек убило, никто не знает. И нужно было как-то выйти из ситуации Белого дома. Поэтому и сидели.

— *Как вы пережили неудачу ГКЧП?*

— Страшно тяжело. Было горько, очень обидно. Мы взялись за правое дело и хотели помочь родному Отечеству, спасти его. Но не смогли... А потом, когда начался процесс следствия, меня как «паровоза» поставили первым. И я успел произнести речь на суде. Этим обстоятельством я очень доволен. И в своей первой книге эту речь воспроизвел. Говорил часов пять. Допрашивали меня на суде дней пять. Я придерживался такой тактики, мне задавали короткий вопрос, а я отвечал подлиннее.

— *Кто были ваши следователи?*

— Их было много. Один пришел, допросил, послушал и сказал такую фразу: «Я не все понимаю». И отказался вести мое дело. Другой поработал со мной дней пять. Он сказал: «Я рад, что я с вами поработал, но я больше не могу, я вас очень уважаю, но вести ваше дело не смогу». Потом пришел третий. Поработал немного со мной, заболел. Жаловался на сердце, плохой сон... Назначили следователя с периферии. Он работал долго. Такой крестьянского склада характера. Каждый день угощал меня карамелькой. И говорил: «Мы с вами оба коммунисты, только вы были в партии дольше меня. Но оказались по разные стороны баррикад». И все время оправдывался: «Я должен свою работу выполнять, поймите меня правильно». Потом он пришел и сказал, что идет на повышение. Я его поздравил и спросил, не про мою ли честь повышение? «Нет, — ответил он, — с вами все плохо, вы ни в чем не признаетесь». «Как? — удивился я, — я же все вам рассказываю откровенно, как было».

У меня действительно была такая тактика. Я говорил все, как было, не

приукрашивая, ни скрывая ничего. Потом уже те следователи читали мою книгу и звонили. Говорили, я правильно все написал. Одному я заметил, что я его пожалел и не все про него расписал. Он согласился со мной. Не очень был честный человек, обманывал меня.

— *Кто вас арестовывал? Проханов описывает людей в кожаных плащах, куртках...*

— Меня арестовывал прокурор Степанков. Если вспоминать людей, которые с нами работали, то нужно сказать, что они чувствовали себя очень неуверенно, говорили извиняющимся тоном. Некоторые знаками давали понять, что идейно они нас понимают, и они с нами, но вынуждены выполнять свои обязанности. Сотрудники тюрьмы к нам очень хорошо относились. Пытались скрасить наш быт. Мне вообще давали работать помногу часов ночью. Закрывали глаза на то, что у меня горит свет до трех, четырех часов ночи. Бумагу давали, ручку. Многих поражало, что я на час раньше подъема вставал и целый час занимался гимнастикой. Один даже просил разрешения присутствовать на этой зарядке.

— *На какое наследие КГБ может рассчитывать российское демократическое общество?*

— Я много лет проработал в органах госбезопасности. При этом у меня богатый опыт работы в комсомоле, следственных, партийных органах. Потом дипломатом был. Я могу сравнивать коллективы. И я до сих пор преклоняюсь перед чекистами. Это образованные, грамотные люди. Рисковали собой. Каждый год мы кого-нибудь теряли. Разведчикам было очень тяжело работать. Я не замечал за ними подлости, ханжества. Много можно говорить о моральном облике сотрудников органов государственной безопасности, об их беспредельной преданности Родине, патриотизме, желании помогать товарищам. Я вспоминаю такую ситуацию, связанную со Средней Азией. В Таджикистане очень сильно были развиты клановость и землячество. Но не в КГБ. Несмотря на то, что сотрудникам приходилось работать в различных регионах республики, они никогда не ущемляли друг друга из-за того, что кто-то выходец из южных или северных областей. В этом они всегда были примером партийным органам, в которых, к сожалению, тенденции землячества прослеживались. Патриотизм сотрудникам госбезопасности был необходим, потому что без него нельзя рассчитывать на успех. И часто именно патриотизм помогал нашим разведчикам переигрывать иностранных соперников, в частности, американцев. Мне приходилось бывать во многих странах и встречаться со многими разведчиками. Я всегда старался поговорить с рядовыми сотрудниками. У нас в органах не было кичливости. Субординация

соблюдалась, но кичливости из-за званий и регалий не было. И думаю, это тоже спланивало людей. И думаю, так можно ответить на один из ваших предыдущих вопросов о том, почему сейчас так много бывших сотрудников силовых структур находится во власти. Они проверены временем. Им можно доверять, они не причинят стране вреда.

Бахтиер Абдуллаев, газета «Дело»

Последний из КГБ

— Владимир Александрович, в свое время с вами в разведку ходил Владимир Путин. Скажите, сегодня вы были бы готовы отправиться «в разведку» вместе с ним?

— Мы работали в одной организации, но на разных уровнях. Я — в числе руководителей разведки, он за рубежом как оперативник. В Дрездене. Помню, во время одной из поездок была у меня встреча с личным составом. Я там Путина видел. Но это было лишь визуальное знакомство. Узнал же я Владимира Путина как Владимира Путина в 1991 году, когда бывший мэр города на Неве Анатолий Собчак позвонил мне и попросил отпустить Путина с нашей работы на «гражданку». Собчак хотел взять Путина к себе. Помню, как этот уход происходил. Я, как обычно в таких ситуациях, навел справки, но личного контакта у нас не было. Познакомился с Путиным я уже после того, как он стал главой ФСБ. Он пригласил меня в день моего рождения. Вручил приветственный адрес, букет цветов. Следующая наша встреча состоялась, когда он уже был президентом. Я вам скажу, что порасспрашивал товарищей, которые непосредственно знали его по службе. Ни одного критического отзыва, и все отмечали его надежность.

Конечно, он даже внешне выгодно отличался от своего предшественника, для которого были характерны непредсказуемость характера, бескультурье. А тут вдруг — и это было уже немало, к примеру, после пьяных эскапад Ельцина с дирижерской палочкой в Берлине — нормальный человек во главе государства.

Путин получил очень тяжелое наследство: взрывоопасную политическую ситуацию, катастрофическое экономическое положение, общество, переживающее состояние брожения. Я понимаю, исправить все будет не просто. Это ведь только разрушать легко. Страна оказалась отброшенной далеко назад. На сей счет проводились даже попытки калькуляций. Согласно им, если разрушать страну в течение года, то на восстановление уйдет пять лет. А мы при Ельцине разрушали десять! Я на многие вещи смотрю иначе, чем Путин. Я ведь полагал, что реформы в нашей стране будут проходить в рамках социалистического общества. Я, кстати, до сих пор считаю, что в будущем это могло бы принести нам большие дивиденды. А что касается рыночных отношений, политического плюрализма, то ведь наша партия пошла по этому пути еще в 1990 году,

отказавшись от своей руководящей роли в обществе. Только ведь действовать нужно было постепенно. Мы не должны были спешить к будущему кувырком. Переход от одного качества к другому требует времени. Мы еще долго будем расплачиваться за то, что натворили.

В моей книге «Личность и власть» я написал, что Путин — президент надежд. В том плане, что люди отнеслись к нему с доверием. Оправдает он или нет эти надежды, зависит главным образом от него. Я бы хотел, чтобы он в оставшиеся два года его президентства окончательно вылез из той колеи, которую предложило ему прежнее руководство страны. Вы только посмотрите, что происходит сейчас и что имеет глубоко укрепившиеся в прошлом корни — они прорастают сейчас повсеместно. Взять хотя бы Стабилизационный фонд. Мы вкладываем эти деньги в процветание американской экономики вместо того, чтобы инвестировать в собственную экономику, которая задыхается от безденежья. Мы держим деньги на Западе, получая мизерный процент — какие-нибудь 1–2 процента в год. И в то же время берем кредиты под 14 процентов и больше в год. Это же невозможные вещи! В последнее время Путин, по моему мнению, встал на путь исправления создавшегося положения. Это заметно даже на примере промелькнувших недель осени и начала зимы. В этой связи, мне кажется, есть смысл его поддержать. При этом я все-таки хотел бы исправить неточность, допущенную уважаемой газетой, опубликовавшей на прошлой неделе мое интервью: это неправда, что я работаю в Межрегиональном фонде президентских программ.

— *Насколько, по вашему, правы те ученые мужи, которые — особенно в середине 90-х — предрекали, что в будущем значение разведки будет падать?*

— Я работал в разведке в общей сложности два десятка лет. И скажу вам, что разведка — это инструмент, без которого не может обойтись ни одно уважающее себя государство мира. Ну я при этом никак не хочу обидеть те государства, которые по тем или иным причинам сами ищут плечо другого в вопросах обеспечения собственной безопасности.

Без разведки можно в одно прекрасное утро оказаться перед ситуацией, к которой мы будем просто не готовы и у нас не найдется каких-либо заранее заготовленных — на крайний случай — рецептов для ее разрешения в нашу пользу. Не знаю, через сколько поколений отпадет необходимость в разведке. Но думаю, что этих поколений будет не один десяток.

Интересы разных государств не совпадают либо вообще не совместимы. Существует разница экономических и политических

интересов, этнические, расовые, региональные проблемы. Их куча. И разом их не решишь. Ответ на все вопросы даст будущее историческое развитие. Но один совершенно определенный вывод я могу сделать уже сейчас. Так уж сложилось исторически, что Россия может обеспечивать свою жизнеспособность, только будучи сильной. Судьба у нас такая — быть только сильным государством. Без разведки это государство окажется в положении беспомощного слепого.

— *Вы сторонник воссоздания многоцелевой структуры наподобие КГБ из 7–8 самостоятельных спецслужб, возникших на его обломках. Далеко не все их сотрудники разделяют вашу точку зрения. И, насколько я могу понять, больше всего у вас оппонентов как раз в рядах сотрудников внешней разведки.*

— Во времена существования Комитета у нас была централизация сил для решения проблем безопасности как внутри Советского Союза, так и за его пределами. В 1991 году произошел раздел. Решение было сугубо политическим, продиктованным волей тех, кто боролся против советской власти. Я тогда говорил о том, что это нанесет вред. Ведь к руководству КГБ пришли люди с определенной им сверху задачей: не созидать, а разрушать. Бакатин в своей книге так и писал: он-де пришел в КГБ, чтобы разрушить его.

В итоге Комитет распался на 9 организаций. Кто от этого выиграл? Это было абсолютно невыгодно экономически. Потому что вместо одного человека в ранге или на положении министра потребовалось 9. Соответственно в девять раз возросло количество заместителей, коллегий и т. д. Бедная Россия! Я, кстати, не сторонник того, чтобы сейчас все взять и вернуть вспять в одночасье. Для этого должны быть созданы соответствующие условия, должны быть в наличии — и в достатке! — кадры, средства, законодательная база. Осторожность требуется и аккуратность. Кстати, вопрос об отпочковании разведки, о предоставлении ей самостоятельности поднимался еще во времена существования КГБ. Я возражал. Потому что понимал, что в этом случае нарушится взаимодействие разведки и контрразведки. Вот в 80-е годы мы разоблачили очень много агентуры противника — десятки агентов. Нашли их не только с помощью Эймса. Некоторые из резидентов работали десятки лет. И не потому, что ленилась наша контрразведка — просто не в состоянии была пресечь их деятельность. А вышли мы на агентуру противника благодаря тем позициям, т. е. тем источникам, которые обрела разведка. И это неотразимый аргумент в пользу того, что разведку и контрразведку нельзя разрывать.

В последнее время в плане объединения кое-что сделано. Вот пограничники влились в ФСБ. Некоторые технические службы вошли в состав Федеральной службы безопасности. Это естественный процесс. Надо посмотреть, как он пойдет дальше. Но лично я полагаю, что этот вопрос сейчас не следует искусственно заострять. Нужно ли сталкивать лбами спецслужбы, когда опасность развала России велика как никогда. Представьте себе, что развал пойдет по национально-этническим линиям и появятся некие государства в самом сердце нашей страны — что останется от России?

— *Я вот говорил некоторым собеседникам, что не очень-то настроен жить в Московском удельном княжестве. На что получал в ответ нечто довольно злобненькое: а что, разве люди в Лихтенштейне плохо живут?*

— Да нам просто не дадут жить, как в Лихтенштейне. Представьте себе, что их на нашей территории возникнет, скажем, пара десятков. Лихтенштейны будут, а нас нет. Нас разорвут, растопчут, а потом и вовсе переименуют. Практически у каждого государства по периметру российских границ есть к нашей стране те или иные претензии. Одни звучат откровенно и несколько навязчиво, о других до поры до времени предпочитают не говорить. Финляндия сейчас не поднимает территориальный вопрос, но мы тем не менее знаем, какие у нее виды на Карелию. В Польше время от времени появляются публикации с указаниями на то, что некоторые российские территории, мол, исконно польские. О стремлении Эстонии за столбить за собой право на тот или иной кусок российской земли и говорить нечего. Кто-то выдвигает финансовые претензии, безосновательные требования каких-то компенсаций. Да мало ли среди наших соседей охотников поживиться за наш счет. Распадется Россия — увидите массу проблем, которые немедленно всплывут, когда созреет ситуация.

— *С ЦРУ в финансовом плане советской разведке всегда было трудно тягаться. Но у нас была идея. Она приводила в ряды вашей агентуры «инициативников», которых и вербовать-то не надо было — требовалось лишь убедиться, что это не «подстава». А что осталось сейчас? Подкуп или шантаж каких-нибудь гомосексуалистов или, не дай бог, педофилов? С их помощью вершить благородное дело защиты интересов Родины? Как вы к этому относитесь?*

— Агенты на нас работали и на материальной основе, и на идейной. Точные пропорции я вам сейчас не назову, но приблизительно половина на половину. Причем наиболее ценными приобретениями были те люди, кем действительно двигала идея. Мы ими особенно дорожили. Эти люди, как

правило, были не очень богаты, но они никогда не позволяли себе брать какие-то деньги от нас, когда мы пытались им как-то помочь в материальном плане. А были и такие, кто работал за деньги. Но вот какие странные метаморфозы происходили с ними. Через пару лет работы на советскую разведку некоторые из них вдруг отказывались от оплаты своих услуг. Они тоже становились, так сказать, идейными. Потому что мы к агентуре с особым вниманием относились, с ней считались, они начинали понимать, что мы видим в них не просто агентов, а помощников, друзей — наших людей, одним словом.

Сейчас, конечно, иная ситуация. Мы встали на тот путь, который некоторые люди на Западе не приемлют. Естественно, их отношение к нам изменилось, и нашим разведчикам стало значительно труднее. Но вместе с тем симпатии к России все-таки есть. Мы ведь не поддерживали американскую агрессию в Ираке. Мы не поддерживали войну против Югославии, хотя мало что могли сделать в поддержку этой страны. Мы не поддерживаем агрессивные устремления США в отношении Сирии, Ирана. Мне кажется, если мы в нашей политике опять выведем на передний план борьбу за мир, справедливость, за честные экономические отношения, то опять обречем поддержку тех сил, которые симпатизировали нам прежде.

— *Вы говорите о разведке как о деле рентабельном, о том, что рубль, вложенный в разведку, окупается многократно. Но ведь в свое время компетентнейшие люди то же самое говорили о космической отрасли. Кончилось тем, что сегодня наша космонавтика сидит на голодном пайке. С другой стороны, наши бывшие разведчики в своих мемуарах (Максимов. «Операция «Турнир»») с горечью отмечают, что добытые ими с великим трудом ценнейшие иностранные научно-технические секреты так и остались никому не нужными.*

— А я готов подтвердить свое утверждение о высочайшей степени рентабельности разведки. Прежде всего, разведки научно-технической. Все элементарно. Мы же не покупаем какие-то ценнейшие новые технологии, образцы и т. д. Но, тем не менее, получаем их. Конечно, это тоже чего-то стоит. Но затраты в данном случае несопоставимы с реальными ценами. Нашими разведчиками добываются вещи, которые стоят даже не миллионы, а миллиарды. А некоторым вещам просто нет цены. Классический пример — похищение у американцев атомных секретов. Думаю, что Сталин, как бы ни старался, не смог бы найти денег на самостоятельную разработку и производство Советским Союзом атомного оружия. А что было бы с нами, если бы американцы оказались его

единоличными обладателями? Полагаю, не надо объяснять.

Вот почему я утверждаю: разведка — рентабельное дело. Но тут есть очень серьезная проблема. Информацию, полученную научно-технической разведкой, еще надо реализовать. То есть по сути дела легализовать, перекрыть возможности для обвинений нас в воровстве, плагиате и т. д. В советское время над проблемами реализации информации работала специальная организация при Совмине. Была целая система, позволявшая максимально выгодно и безопасно использовать плоды труда разведчиков.

В последние годы НТР стала одним из важнейших направлений деятельности разведки. Кстати, не только у нас, но и у американцев. Они у нас тоже здорово воровали секреты. Вот, допустим, был такой Толкачев, агент американской разведки. Он передал американцам техническую документацию нашей системы опознавания воздушных целей по принципу «свой — чужой». Это ж какой колоссальный ущерб был нанесен обороноспособности страны! Ведь эту систему нам пришлось менять, устанавливать, отлаживать заново в масштабах всех Вооруженных сил. Мы можем, конечно, попытаться изобретать все сами. Только не дороговато ли это нам обойдется? Мир взаимозависим. И утыкаться при этом в научную всеядность... К примеру, у Японии есть то, чего нет у Америки. А у Америки есть то, чего нет у Японии. Они тоже друг у друга воруют.

— *Вы первым, насколько я понимаю, познакомили широкую советскую общественность с проблемой «агентов влияния». Но не все в эту проблему верят. В том числе и потому, что никакой очевидной борьбы с такими агентами не ведется. А возможно ли, на ваш взгляд, бороться с ними вообще — так, чтобы это не выглядело «охотой на ведьм»? Кстати, вы никогда и никого прямо не обвиняли...*

— Правильно. Но всем всегда становилось ясно, о ком идет речь. Из уст председателя КГБ прямые обвинения не должны были исходить. Я ведь не суд. Но, тем не менее, ошибок тут не было.

Я думаю, действия, утверждения отдельных лиц, которые идут вразрез с нашими национальными интересами и приносят пользу исключительно другому государству, должны верно оцениваться теми, кто стоит во власти. Люди очень легко познаются по их делам, их позиция в той или иной форме может прослеживаться в средствах массовой информации.

Возьмите Козырева. В 91-м году он с чувством сожаления заявил о том, что, покончив с московским тоталитарным режимом, мы не покончили с тоталитарным режимом в Кабуле. Это было чудовищное заявление. Оно ясно давало понять всем, что Москва может пожертвовать Наджибулой. Так и произошло. Он был зверски убит. И мы лишились искреннего друга.

Козырев последовательно занимал проамериканскую позицию. А сейчас преспокойно живет в Америке.

— *Как-то в одном из интервью вы зацепили академика Арбатова...*

— Помню. Арбатов работал при разных руководителях страны. Им были довольны, относились с уважением. Но после серии его выступлений я понял, что это не тот человек, который может принести пользу нашему государству, который укрепляет наши отношения с Америкой не на паритетных, что называется, началах, а путем сдачи наших позиций. Кстати, он активно выступал против нашей армии.

— *О чем он, кстати, подробно рассказал в своей книге «Человек системы»...*

— И военные его терпеть не могли. Вот сейчас он может торжествовать: мы стали страной со слабой армией, а НАТО выдвинулось вплотную к нашим границам. Наших позиций это, как вы понимаете, не усилило. К счастью, наше руководство пытается как-то поправить положение. Но это пока первые шаги. Я понимаю министра Иванова, который выражает радость по поводу приобретения для нашей армии 31 современного танка. Но это же батальон. Что он сможет сделать?

— *Прогнозировала ли советская разведка в 80-е годы тот всплеск терроризма, который захлестнул сегодня мир?*

— Прогнозировала. В 1987 году я выступал на совещании в МИДе. Говорил о том, что терроризм — это проблема, которой нам пренебрегать ни в коем случае нельзя. Уже тогда сказал о появлении примыкающих к террористическому движению некоторых групп, которые могут пойти на использование ядерного оружия. Потому что наступило время, когда создание такого оружия — пусть и в виде так называемой «грязной» бомбы, — с технической точки зрения, не представляет собой невыполнимую задачу для террористов. Какая бы бомба ни была, но ей они смогут шантажировать целые государства и даже регионы. Тогда некоторые участники совещания отнеслись к моему выступлению скептически. Но руководство МИДа, тем не менее, посчитало, что мое заявление заслуживает внимания.

Долгое время терроризм нас непосредственно не затрагивал. И это естественно. Мы не стремились обрести позиции в ущерб тем государствам, выходцами из которых были террористы. Но затем, после распада Советского Союза, эскалации внутренних конфликтов, ситуация стала меняться. Самый показательный пример — Чечня. Это не сугубо внутренний конфликт. У чеченского терроризма международные корни. Аль-Каида против нас пока не идет. Но уже помогает. Я думаю, мы должны

проводить очень осторожную, гибкую политику, чтобы не вызвать огонь на себя. Зачем?

К террористам можно подбираться разными путями. Один из них — оперативный, который позволит нам получать достоверную информацию об их намерениях. Чтобы избежать открытого столкновения с международным терроризмом, существует и другой путь — политический. Надо делать все, чтобы ослабить базу, на которой зиждется агрессивное отношение террористов к нашей стране. Тот факт, что мы избежали какого-то нашего участия в американской аванюре в Ираке, позволяет надеяться на то, что мы заняли очень выгодную для нас позицию. Не уподобляться же американцам, которые действуют наскоком, не просчитывая ситуацию на много лет вперед.

— *Вы многократно развенчивали как мифы всякие пересуды в СМИ по поводу существования «золота партии» и его исчезновения. Но не бывает же дыма без огня?*

— Вы знаете, бывает. Я не понимаю позицию Горбачева. Ну как ему не стыдно! Он тоже должен был бы сказать, что никакого «золота партии» не было. Все это миф, настоящий миф. Когда КГБ и ЦК партии были ликвидированы, обнаружились документы, из которых следует, что мы передали братским партиям в течение 10 лет 200 миллионов долларов — на содержание аппарата, зарплату, отдых, лечение. Раньше такие вещи были тайной за семью печатями, а теперь вот документы попали в печать. И началась возня. Кому она была выгодна? Из публикаций я знаю, что новой властью были выделены огромные суммы — по некоторым данным, около 220 миллионов долларов, — чтобы найти... 200 миллионов. Выделенные деньги истратили, а «золота партии» не нашли. А его и не было.

США, кстати, всю эту крикливую кампанию не поддержали. Потому что им это было не выгодно. Потому что сами они тратят на поддержку нужных им партий и движений в разных странах миллиарды. Американцы просто не захотели привлекать к себе лишнего внимания. Я бы очень хотел, чтобы те показания, которые я добровольно дал в тюрьме, были опубликованы. А ведь они должны где-то быть. Я от руки написал тогда почти 30 страниц.

Горбачев знает, что никакого «золота партии» не было. Думаю: ну, скажи ты об этом. Нет, молчит.

— *Владимир Александрович, что вы считаете своим самым большим успехом за время руководства внешней разведкой?*

— Когда Андропов был на посту председателя КГБ, нам удалось укрепить разведку и в организационном, и в кадровом отношении,

упрочить ее позиции за рубежом. Огромна роль разведки в разоблачении агентуры противника в нашей стране. Ведь за 80-е годы нам удалось вскрыть в нашей стране столько агентуры, сколько не было вскрыто за все годы советской власти. Я считаю это очень большим успехом. Мы обезвредили агентуру противника в ВПК, в Министерстве обороны, в ряде других организаций. И у себя в КГБ, в том числе и в разведке. Думаю, скоро придет пора, когда может быть обеспечена широкая гласность в отношении всего этого.

Сергей Маслов, Трибуна

Борис Пуго

Пуго Борис Карлович (19 февраля 1937 года, г. Калинин, — 22 августа 1991 года, г. Москва) — Родился в Твери в семье партийного работника. Латыш. По-русски говорил лучше, чем по-латышски. Его папа — Карл Янович Пуго — был участником революции и Гражданской войны, подпольщиком, «латышским стрелком», потом секретарем Рижского горкома партии.

Окончил Рижский Политехнический институт. Член КПСС с 1963 года. С 1961 года на комсомольской работе: секретарь комитета комсомола завода, после этого второй и основополагающий секретарь райкома комсомола, далее заведующий сектором ЦК ЛКСМ, потом основополагающий секретарь ЦК ЛКСМ, далее секретарь ЦК ВЛКСМ, следом инспектор ЦК КПСС, после этого заведующий отделом ЦК Компартии Латвии, потом основополагающий секретарь Рижского горкома партии.

С 1977 года работал в КГБ Латвийской ССР. С 1980 года председатель комитета государственной безопасности Латвийской ССР.

Был первым секретарем ЦК Компартии Латвии (1984–1988). Был депутатом Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

Был членом ЦК КПСС (1986–1990). Председатель комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1988–1990) и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1989 — июле 1990. Член и председатель ЦКК КПСС в июле 1990-го — апреле 1991-го.

С 11 декабря 1990 года министр внутренних дел СССР (сменил на этом посту В. В. Бакатина, уволенного М. С. Горбачевым в отставку).

4 февраля 1991 года Борису Пуго было присвоено воинское звание генерал-полковника.

С марта 1991 г. — член Совета безопасности СССР.

В августе 1991 отдыхал с семьей в Крыму. Возвратился в Москву 18 августа.

Член ГКЧП. Прокуратурой СССР в отношении Пуго Б. К. возбуждено уголовное занятие за участие в антиконституционном заговоре, за членство в ГКЧП. В Москве ему позвонил В. А. Крючков и пригласил в Кремль, где в темное время суток на 19-е был образован ГКЧП.

22 августа 1991 года, не дожидаясь ареста, застрелился.

Жена министра, Валентина Ивановна Пуго, кандидат технических

наук, доцент Московского энергетического института, умерла в больнице посредством сушки, так и не придя в рассудок.

Пуго: сын об отце

21 августа в 3 часа дня чуть ли не из «Белого дома» начала вещать радиостанция о том, что все члены ГКЧП арестованы. Я тут же звоню отцу в приемную — мне отвечают, что все нормально, отец работает. И, тем не менее, я поехал к нему. Позвонил еще раз от метро «Юго-Западная», говорю: «Как дела?». Он говорит: «Все выше и выше!». Говорю: «Ясно. Я к тебе еду». Приехал — вокруг МВД СССР полная пустота! Ни тебе танков, ни артиллерии. Охрана — напряженная. Вошел к нему. А он — веселый! Он вел себя так, как будто завтра собирался в отпуск. Рассказывал мне какие-то байки.

Я как идиот носился по Москве, а теперь сидел и слушал отца. И не понимал! Мне казалось, что это все нас не касается. Все сказка, наваждение! Отец уйдет в отставку и будет спокойно копать в огороде. И все! Я уехал домой. Дома — мать в слезах, жена в слезах. Вечером, в полдевятого, приехал отец с работы. Машина охраны, его машина. Я уже ждал внизу. Отец, как всегда, доброжелательно сказал охране: «Ладно, ребята! Счастливы!»

И тут меня останавливает «девяточник» и говорит: «Вадим, побудь сегодня с отцом».

Говорю: «Зачем?!»

Я совершенно не осознавал серьезности ситуации. Мы пошли с отцом домой. Он говорил только об одном: «Вадим, не расстраивай мать! Успокой ее! Все нормально». Поднялись к нам, в нашу квартиру. Жена с матерью стали накрывать на стол.

Говорю: «Пап! Что происходит?». Он говорит: «Пойдем на балкон». «Какая разница? Здесь, у нас, не могли ничего поставить. Я же знаю, как это все делается. Это невозможно — поставить что-нибудь в квартиру сейчас». Он говорит: «Да, действительно. Это все бесполезно. Ну что — обманули меня!». Говорю: «Ну, как тебя могли обмануть? Ты же среди всех самый осторожный. Тебя обмануть невозможно!». А он: «Нет, Вадим. Никогда не верь людям! Меня обманули! Мне что сказали? «Все готово». Что-то там наговорили... А потом оказалось: один — в кусты, другой — пьяный, третий вообще не знает, что делает!»

Мы еще постояли. Он говорит: «Ты знаешь — этого всего могло и не быть, потому что в ту ночь, когда меня вызвал Крючков, в комнате, где было совещание, ко мне подошел Янаев (а Янаев был другом отца еще со

времен работы в комсомоле — В. П.) и сказал: «Борис, ты на это пойдешь?». Я ответил: «Да, пойду!». И Янаев сказал: «Тогда я тоже на это пойду. А без тебя — нет!». Ну, все и завертелось. Вот...»

Где-то в пол-одиннадцатого родители пошли к себе. Мы с отцом обнялись. Я говорю: «Па! Я приду к вам ночевать!» А он: «Вадим, сегодня ночью будет арест». — «Как в кино, что ли?» Он: «Да! Чтобы шума меньше было. Они сегодня ночью придут арестовывать!». Говорю: «Да брось ты! Этого не может быть!» Он: «Вадим! Теперь жизнь будет другая. Но жить будем! Все будет хорошо».

Отец был в таком добродушном состоянии, а я в идиотском! Мать плачет, жена плачет. Говорю: «Я приду ночевать к вам. Я не могу допустить, чтобы тебя арестовывали без меня». Речь не шла об организованном сопротивлении, хотя оружия у нас в доме было до черта, охотничьего хотя бы. Можно было бы полгода обороняться! Ну, естественно, это никому и в голову не пришло. Кроме того, у него был пистолет.

Я говорю отцу: «Слушай, отдай мне пистолет». Почему я так — сложно сказать. Он говорит: «Ладно, бери!» — и отдал мне свой «Вальтер».

Я отнес его к себе домой и вернулся где-то в одиннадцать. Отец начал звонить по телефону. Говорит: «Все! Телефоны отключили». А телефонов — правительственных — было 4 или 5, и все они оказались отключенными! А обычный городской работал. Он стал звонить по-обычному, но не дозвонился.

Затем я вернулся к себе и где-то в час или полвторого ночи пришел к ним ночевать. Их я уже не видел — они спали в той комнате. Постель для меня была приготовлена в большой комнате. Я лег и заснул.

Проснулся в 8 утра, потому что меня разбудил отец. Взял за плечо: «Вадим! — Он сидел у меня на кровати — я в жизни не помню, чтобы он у меня сидел на кровати! — Вадим, пора на работу! Проспишь. И отдай мне пистолет». Я: «Зачем?». Он в шутку: «Будем отстреливаться».

Он сказал и сказал — а мне и мысль о самоубийстве в голову не пришла! В тот момент я и представить себе не мог, что он это сделает! Сходил к себе и принес ему пистолет.

Когда зашел в комнату, он сидел за столом и что-то писал. Он перевернул лист бумаги. Надо было быть полным идиотом или находиться в том состоянии, в котором я пребывал, чтобы не понять все это! В общем-то, я и понимал... я знал... Я еще спросил: «Па, я тебя еще увижу?». Он: «Да. конечно, вечером увидимся!».

Я вполне здравомыслящий человек, но в том состоянии задавал

подобные вопросы и совершал подобные действия! Мы не целовались, не обнимались — вообще не прощались. И я поехал на работу. Состояние было — как будто ударили тяжелым мешком по голове.

Позвонил отцу. Было занято. Причем гудок был чисто заблокированного телефона: «Т-т-т-т...» Позвонил тестю. Тесть сказал: «Вадим, случилось несчастье!». Я говорю: «Короче! Короче! Что случилось?». Он говорит: «Отец погиб!». — «И мать тоже?». Он: «И мать тоже!».

Все стало понятно. Я поехал... Доехал довольно быстро, неоднократно нарушая правила дорожного движения. Но милиция почему-то меня не останавливала... Или я не нарывался на нее? Влетел в дом — там уже куча народу.

В квартиру родителей меня не пустили наши же ребята, из охраны: «Вадим, не заходи! Там отец еще...». Начали меня успокаивать. Но я в конвульсиях не бился...

Приехал домой в пол-одиннадцатого. А все это они сделали где-то в 9 часов (утра), точнее — без десяти девять.

После того, как отнес пистолет отцу и уехал на работу, моя мать в промежуток между 8 и 9 часами два раза заходила к моей жене — что-то ей передавала. У родителей были облигации 1982 года на 10 тысяч. Потом еще что-то... А Инка не могла понять, зачем она это делает. Мать сказала. «Так надо», — и ушла.

Через некоторое время Инка пошла в ванную и, совершенно случайно выглянув в окно, увидела, как подъехали 3 или 4 черные «Волги». Вышли люди и направились к подъезду. Инка выскочила на лестничную площадку, слышит — внизу голоса. Она спустилась. Ее приняли за соседку.

Она спрашивает: «Вы приехали арестовывать Бориса Карловича?». Они говорят: «Да нет, что вы! Мы только приехали поговорить с ним!».

Позвонили в дверь, а дед — отец матери — Иван Павлович не открывал. Родители к тому моменту уже все сделали... Дед старый — ему 90 лет. Потом открыл, сказал, что случилось несчастье...

Вот и «поговорили»...

...Они, по всей видимости, легли на кровать. Отец приставил пистолет к виску матери и выстрелил, после этого выстрелил в себя, а пистолет остался зажатым у него в руке. Дед услышал выстрел, хотя он плохо слышит, и зашел в спальню...

Мать не умерла — она скатилась с кровати и даже пыталась забраться на нее. Дед взял у отца пистолет и положил его на тумбочку. И месяц об этом никому не говорил — боялся. Непонятно ему было: говорить — не говорить. И сказал он о пистолете через месяц, когда начались допросы...

Допрашивали нас где-то полгода: меня — раз пятнадцать, жену — раз пять. Первый допрос был с 9 утра до 5 вечера — восемь часов! Допрашивали меня в том здании, где когда-то работал мой отец, — в Комитете партийного контроля.

Наша семья была знакома со всем этим — и дед, и бабушка прошли через репрессии 1937 года. Многие их друзья были расстреляны. Многие сидели в тюрьме. Поэтому мы знали, что нас может ожидать, в первые же дни...

Мой телефон прослушивался. Этого следовало ожидать. Мне звонили в первые дни... В общем-то, все мои близкие друзья за исключением одного позвонили, а также два друга моих родителей. Звонили мне домой, хотя понимали, что все фиксируется. А жизнь показала, что пострадали и те, кому я звонил по разным вопросам, — все были уволены прямо после этих звонков! Через два-три дня.

Среди приехавших арестовывать отца был и Григорий Явлинский, по всей видимости, решивший попробовать себя на новом поприще. Когда они зашли в квартиру, туда вошла и моя жена. В спальне все было залито кровью. Увидев все это, она «стекла» по стенке вниз. Гриша на нее закричал: «Ну, а вы-то что истерите?! Не истерите здесь!» Он-то думал, что она — соседка, ну и вел себя как крутой весь из себя комиссар. Когда ему объяснили, он: «А? Да?» — и отошел.

Мать была еще жива и что-то говорила: «Инна! Сними! Сними с меня серьги! Кольцо не снимается!...». Она была вся в крови. А Инка-то сначала подумала, что мать просто залита кровью отца.

Мать увезли.

А отец остался лежать где-то до 12 ночи. Семь часов не давали убрать кровь.

Все журналы мира обошла фотография «Пари матч» — «Орион пресс»... Деньги делают все! Продали. Там были люди только из российской прокуратуры. Они и продали, как продали позже видеозаписи допросов гэкачепистов «Шпигелю». Степанков прямо заявил, что таким способом прокуратура РСФСР будет зарабатывать валюту. Только вот способ... чудовищно аморальный, хотя вполне укладывается в их общий лозунг «Обогащайтесь!».

Я приехал, когда этой группы уже не было. Увезли и мать в центральную клиническую больницу. Там профессор Малиновский сделал операцию и сразу сказал, что она безнадежна. Мать умерла в пятницу утром.

Мне надо было организовать похороны сразу двух человек. Я ткнулся

в одно место — ничего не получается, в другое — то же самое. Все шарахаются! Говорят: «Идите в центральную контору». Я туда пошел. А ведь суббота, воскресенье... Клерки, все это оформляющие, на себя такое не берут, а начальников нет. В это время организовывали похороны погибших (Усова, Кричевского, Комаря) на Ваганьковском кладбище.

Помогли совершенно незнакомые люди. Причем они выводили меня на знакомых своих знакомых. Им по телефону передавалось: «Слушай, Катя (Маша, Вася)! К тебе придет парень молодой — ты посмотри на него и сделай все как нужно!» С другого конца, из трубки: «Так кто придет-то?». «Слушай, ты сама все поймешь!»

И вот я только подхожу к оцеплению — вижу, стоит человек и кого-то ищет глазами. Я упираюсь взглядом в него — он кивает мне. Я киваю ему — и меня пропускают.

В общем, оказалось, что здесь вот хоронят этих ребят, а рядом я договариваюсь о похоронах своих родителей! Причем люди, к которым я шел, рисковали не только своим положением, но и жизнями! Им могли головы свернуть, если бы кто-нибудь в толпе крикнул: «А они там собираются Пуго хоронить!». Эти люди мне сказали тогда: «Вадим, кремируй! Тебе похоронить не дадут». Пришлось кремировать.

Я боялся, что не найду людей, чтобы нести гроб во время кремации. Ребят с работы брать не хотел, потому что ясно было, чем это для них кончится. Друзья из Риги не успевали. Один мой друг, единственный в Москве, даже не позвонил. Но, тем не менее, люди все равно нашлись. Было еще несколько людей в возрасте — те, кто в этой жизни видел все... И народу собралось много — человек 35–40, почти два автобуса. Все понимали — это стопроцентное попадание в «черные списки» и увольнение с работы. За нашими автобусами шла «наружка», и тем не менее люди не побоялись...

Кремация состоялась в понедельник, 26 августа. Освидетельствование? Были исписаны тома. Следствие велось дотошно. С педантичностью отрабатывался Уголовный кодекс. Причем, если по телевидению и радио продолжалась истерия по поводу победы над «путчистами», здесь отношение было иное. Они говорили: «Мы понимаем, жизнь — такая штука: сегодня мы тебя допрашиваем, а завтра ты нас будешь. Так что извини...».

...Сначала мы приехали в крематорий ЦКБ. Но проститься в зале крематория нам не дали; посчитали, что это будет слишком большим вызовом установившемуся режиму. Нас загнали в подвальное помещение, где находится сеть обеспечения — трубы холодного воздуха. Нас было

четверо — мать и брат отца, моя жена и я. Нас завели в этот подвал, там и состоялась церемония похорон.

...Затем начались «будни». Надо было решать и собственную судьбу — я ушел из КГБ. К чести ребят из МВД: они вернули личные вещи отца — шинели, часы, телевизор...

Отец был против союзного договора, как, впрочем, и все правительство СССР, так как считал это развалом страны.

Да — он поддержал ГКЧП! Да — он проводил решения ГКЧП в жизнь! Но ведь они — я имею в виду правительство СССР — и не скрывали своих взглядов на происходящее в стране! За два месяца до этого, 17 июня 1991 года, на закрытом заседании ВС СССР они обрисовали обстановку в стране и что последует, если не принять чрезвычайных мер. Меры не были приняты. Горбачев спокойно уехал «отдыхать» — изучать сценарии переворота.

В последний вечер перед смертью отец сказал: «Вадим, это большая игра! Умный у тебя отец, а этого не понял! Все это — одна большая игра, и мы в ней проиграли». В тот последний вечер он сказал о Горбачеве: «Он нас всех продал! Жалко — так дорого купил и так дешево продал! Всех!».

К сожалению, отец не добился ничего... Поняв, что проиграл, он оказался обманут, что рухнули идеалы государственности, которым служил всю жизнь, сознавая, какая грязь вырвалась наверх и теперь будет править страной, он пошел на этот шаг...

Человек, уважающий себя, вероятно, идет на компромисс со своей совестью, но до определенной черты. Преступить ее он не захотел. Не смог. Он просто хотел остаться человеком...

Источник: газета «День», № 30, 1993 года

Василий Стародубцев

Стародубцев Василий Александрович. Родился в 1931 году в деревне Воловчик Воловского района Липецкой области.

В 1959 году поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, который окончил в 1965 году. Новый этап, определивший всю дальнейшую жизнь и деятельность Василия Александровича, начался с поступления в областную школу подготовки руководящих кадров для колхозов и совхозов. После ее окончания в 1964 году он был избран председателем самого отстающего в Новомосковском районе колхоза.

В 1972 году окончил аспирантуру при Всесоюзном институте животноводства, в 1973 году защитил диссертацию, стал кандидатом сельскохозяйственных наук. Он избран членом-корреспондентом ВАСХНИЛ (ныне — РАСХН), академиком Международной академии информационных процессов и технологий.

На протяжении ряда лет Василий Александрович возглавлял Крестьянский союз СССР, неоднократно избирался председателем Агропромышленного Союза России, был народным депутатом СССР, в августе 1991 года входил в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению, вместе с другими членами ГКЧП был брошен в тюрьму «Матросская тишина». В июне 1992 г. был освобожден и продолжил работу в качестве председателя колхоза имени В. И. Ленина и АПК «Новомосковское».

В декабре 1993 года избран депутатом Совета Федерации I созыва, с 1997 по 2000 гг. входил в состав Совета Федерации по должности. С 22 января 1995 года — член ЦК КПРФ.

2 декабря избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ V созыва как лидер Тульского регионального списка КПРФ. Заместитель председателя Комиссии ГД по мандатным вопросам и вопросам депутатской этики, член Комитета ГД по аграрным вопросам.

«В составе ГКЧП не было никого, кто бы мог стрелять в собственный народ»

— *Василий Александрович, что подвигло вас на участие в ГКЧП?*

— Дело в том, что я в то время был народным депутатом СССР (избран в марте 1989 года. — *Ред.*), руководил аграрной фракцией, которую на Съезде народных депутатов представляли 417 человек. Фракция имела очень большое влияние. Я с самого начала, со школьной скамьи, был воспитан как патриот нашей великой страны, поэтому нес ответственность за всех, кто работал в агропромышленном комплексе, за тех, кто присоединился к нам, — представителей науки, сельхозхимии, сельхозтехники и прочих подразделений, которые входили в состав Крестьянского союза СССР. Когда возникла угроза развала великой страны, когда предательство Горбачева, Ельцина и иже с ними достигло максимума, тогда и был создан ГКЧП. Мы понимали, что только мы могли защитить нашу Конституцию, спасти великое государство от развала, разгрома, а народ — от ограбления.

— А действительно ли та угроза, о которой Вы говорите, была столь очевидна в тот момент?

— Угроза витала в воздухе. На заседаниях Верховного Совета СССР силовики — председатель КГБ СССР Владимир Крючков, министр внутренних дел Борис Пуго, министр обороны Дмитрий Язов — докладывали о той ситуации, которая сложилась, о том, что в стране активно работали иностранные разведки, в частности, ЦРУ и другие силы, нацеленные на развал нашей страны. Это — и т. н. оппозиция в лице Ельцина, Попова, и межрегиональные группы. Горбачев же как руководитель огромной страны занимался беспредметной болтовней, откровенной демагогией, не принимая никаких мер для того, чтобы спасти страну. Более того, он предавал интересы нашей страны, сотрудничая с Ельциным в этом направлении. Причем у народа было такое мнение, что Горбачев и Ельцин дерутся за власть. Нет, они как бы для вида дрались, а на самом деле были единомышленниками в части уничтожения великой державы.

— *Как все начиналось для ГКЧП в те августовские дни?*

— Штаб Крюčkова разработал действия Государственного комитета по наведению порядка, в первую очередь — в Москве, конечно же, но и по всей стране тоже. А потом был объявлен день выступления ГКЧП, когда в

столицу для защиты Конституции, защиты воли народа были введены бронетанковые и другие войска. Но в результате предательства Грачева (Павел Грачев в тот момент был командующим Воздушно-десантными войсками СССР. — *Ред.*) и в какой-то мере «Альфы» нам не удалось навести порядок в Москве, тем более что пришли т. н. сторонники Ельцина. Сначала их было 3000, а потом дошло до 100 000. Естественно, если бы были применены хотя бы минимальные силовые приемы, даже залп из холостых орудий, эта пьяная толпа, собранная, как говорят, за деньги Белым домом (Верховным советом РСФСР. — *Прим. ред.*), разбежалась, и на этом бы все закончилось. Но в составе ГКЧП, разумеется, не было никого, кто бы мог стрелять в собственный народ. И потом, мы четко понимали, что построить государство на крови невозможно. Кстати, совсем по-другому думал Ельцин, который расстрелял в 1993 году защитников Белого дома, потопил в крови все вокруг, и до сих пор мы кувыркаемся, не можем создать настоящее государство. Вместо этого создано государство воров, проходимцев, т. н. олигархов, которые продолжают окончательно добивать Россию.

Кроме того, возвращаясь к событиям августа 1991 года, необходимо сказать, что народ по-настоящему не был поставлен в известность о том, что происходит в нашей стране. Надо было открыто выйти к народу и честно все сказать. Необходимо было радио, телевидение и другие СМИ именно направить на разъяснение все ситуации. Но...

— *В дни «путча» вам было страшно?*

— Мы понимали, с кем мы имеем дело — с Ельциным. Сам он — бандит, и его окружение — бандитское. Но мы понимали, что выход только один, потому что перед этим было известное предложение Горбачева — создать конфедеративное государство, т. е. практически развалить страну, создав отдельные независимые республики (речь идет о запланированном на 20 августа подписании договора о создании ССГ — Содружества Суверенных Государств. — *Прим. ред.*). Это был замаскированный развал страны, и мы, естественно, это четко понимали и решили пресечь это предательство и преступление против собственного народа.

— *Представим на секунду, что попытка ГКЧП удалась бы. Что бы члены Комитета делали дальше?*

— В первую очередь — наведение порядка в стране. Продовольственная безопасность. В то время шла уборочная кампания, надо было убрать урожай того года, навести порядок в реализации этого плана, потому что накануне обсуждаемых событий, уже в августе 1991 года, очень часто создавался искусственный голод. Т. е. при обилии

продовольствия на складах в магазинах ничего не было. Это вызывало возмущение у народа, вызывало недовольство советской властью, и делалось это абсолютно сознательно. Я готовил это дело, я этим занимался, потому что продовольствие и продовольственная безопасность — одни из самых главных решающих участков для любого государства. Нет продовольствия — нет правительства и нет государства.

— *Были ли тогда реальные рычаги, с помощью которых можно было обеспечить продовольственную безопасность, чтобы избежать голода, дефицита?*

— У нас продовольствия в стране, повторяю, было вполне достаточно. Мы занимали одно из ведущих мест в мире по производству и потреблению основных продуктов питания, — 5-6-е место в мире, при этом Англия и Франция занимали соответственно 11-е и 12-е места. Мы по молоку занимали первое место в мире, по рыбе — второе место в мире после Японии. Единственное, в чем мы резко отставали, — это перерабатывающая промышленность. Она не перерабатывала достаточно глубоко произведенные продукты и тем более не имела современной упаковки. Не случайно в 1990 году Рейган прислал письмо Горбачеву, где настоятельно требовал сократить поголовье скота в стране. Мы были лидерами, и это очень беспокоило американское руководство, потому что они понимали, что продовольствие — это решающая вещь во всех жизненных перипетиях. Есть продовольствие в стране — одна ситуация. Нет продовольствия, и это — революционная ситуация.

— *Когда в августе 1991-го вы поняли, что уже все — дело проиграно?*

— Поехали, во-первых, к Горбачеву в Форос. Но Горбачев, слабый, лукавый человек, крутил, лгал, объявил, что его изолировали. Это была абсолютная неправда, но уже все было понятно. Потом нас лишили депутатских полномочий, отобрали неприкосновенность, и когда я по телевизору это увидел, то сразу позвонил в Генеральную прокуратуру, чтобы приехали и забрали меня. Потом — допрос. На нас, на 10 человек, было 200 следователей, в среднем на каждого по 20. Нас обвиняли по 64-й статье «Измена Родине», хотя, наоборот, мы спасали Родину, потому что в составе ГКЧП были вице-президент Янаев, председатель правительства Павлов, министры-силовики, практически все правительство. Как можно было говорить о каком-то захвате власти, когда эта власть была у нас?!

— *Василий Александрович, оглядываясь на прошлые события, Вы ни о чем сегодня не жалеете? Может, что-то можно было изменить?*

— Жалею только об одном: нам не удалось остановить развал великой страны, беспрецедентное и жестокое ограбление, избиение нашего

многострадального народа.

Источник: KM.RU

«Никто не был готов стрелять в народ»

— Василий Александрович, как все-таки участникам тех событий стало понятно, что нужно идти по такому радикальному пути, как ГКЧП?

— Это решение витало в воздухе еще с конца 1990 года, обстановка накалялась, об этом говорил сам Горбачев. Последним толчком стала для нас информация, что подготовлено создание конфедеративного государства и что 20 августа Горбачев и его окружение развалят Советский Союз, что уже подготовлены все документы.

18 августа мне позвонил председатель правительства Павлов, сказал, что надо приехать 19 числа к 6 часам в Москву. Куда я еду и на что иду, я знал и поехал. 19 числа мы собрались в Кремле и провели первое совещание.

То, что хотел сделать Горбачев, было грубейшим нарушением закона и Конституции, и мы хотели этому помешать. Ведь 72 % граждан до этого на референдуме высказались за сохранение СССР!

— Но в тот момент страна находилась уже в серьезном кризисе, в национальных республиках полным ходом шел процесс отделения, в магазинах не было продуктов...

— Было очень много действий оппозиции, больших и малых политиков тех времен, которые способствовали обострению ситуации, чтобы потом оправдать развал страны. Собчак, Гайдар, Попов, ряд других политиков упорно наступали на государственные законы. Создавались условия, чтобы продукты не доходили до прилавков: это делалось одним нажатием кнопки, одним звонком. В стране начались забастовки тех же шахтеров, рабочих, и спровоцированы они были оппозицией. Бастующие нас поддерживали.

— А разве сама экономическая политика властей этому не способствовала?

— Советский Союз был крайне развитой страной, по основным продуктам потребления мы занимали лидирующие позиции на уровне ведущих стран мира. По молоку мы занимали первое место в мире, по яйцу первое место в мире — не знали, куда его девать. У нас были атомные подводные лодки, самолеты, у нас работали лучшие ученые... Но вот наши вожди, например был такой Александр Яковлев, — они начали раздувать слухи, что у нас чуть ли не голод. Да, у нас не очень была развита упаковка

(Запад этим берет), были добротные ткани, но не было модных фасонов, не придавали этому значения...

И вот эти джинсы проклятые — на них помешалась ведь тогда молодежь... Когда появлялись джинсы, все с ума по ним сходили.

Не было у нас фасонов, модельеров, красивой обертки... И люди как будто разума тогда лишились, особенно молодежь.

— *Кто писал обращение ГКЧП «Слово к народу»?*

— Все подписанты приняли участие в подготовке текста, все писали, секретарей не привлекали. Наша задача была объяснить народу, что будет с ним и что со страной, каковы наши цели. Подписали не только члены ГКЧП. Взгляните на список подписантов — и генерал Варенников, и певица Зыкина, и Геннадий Зюганов... Достойные, лучшие люди страны подписали.

— *Вы приехали в Кремль, провели совещание. Что было дальше?*

— Мы поселились в гостинице при Кремле. Совещания проходили в разное время — в день было и по три, и по четыре совещания, чтобы принимать те или иные меры в ответ на развитие ситуации. И решением последнего совещания было вывести из Москвы войска.

— *Страшно было?*

— Какой тут может быть разговор — страшно, не страшно... Мы знали, на что шли. И что пощады не будет. Нас могли просто расстрелять без суда и следствия. Банда Ельцина, продажные СМИ раздули, что мы устроили заговор против Горбачева, против народа и прочее. Какой такой заговор, о чем тут говорить? С нами был вице-президент, председатель правительства, силовые министры, и мы ничего не меняли, не нарушали Конституцию.

— *Как развивались события? Как вы получали информацию о происходящем извне?*

— О ситуации докладывал Крючков, он сразу узнал, что штаб по борьбе с нами находится в посольстве США, что брошены огромные деньги, которые раздавались всем, кто придет к Белому дому. Туда же подогнали огромное количество выпивки, закуски, всего прочего навалом. Поэтому пришло сперва три тысячи человек, потом уже сто тысяч...

— *Когда к Белому дому пришло уже сто тысяч, как изменилась обстановка внутри ГКЧП?*

— Обстановка была крайне напряженная, архинапряженная. Сто тысяч человек — представляете себе, какая это толпа? В любой момент могли начаться провокации против армии, чтобы толкнуть ее на несанкционированные действия. Пытались спаивать наших солдат-

танкистов, пытались их провоцировать...

— *Было ли, кроме внешнего противостояния ГКЧП, противостояние и внутри него?*

— Было предательство Грачева, оно сыграло большую роль... Было оно совершено неожиданным.

Большую роль сыграл Кравченко, который крутил по телевизору «Лебединое озеро», когда надо было объяснять народу, что происходит, что страна находится на грани гибели. А там эти лебеди отплясывали в телевизоре...

Это тоже было предательство.

— *Но были и те, кто вас поддерживал. Почему все-таки вы решили вывести войска и признать поражение?*

— Знаете, причин можно сейчас много назвать. Долго можно говорить, но главное — никто из нас не был готов стрелять в свой народ.

Поймите, с нами были вице-президент, председатель правительства, силовые министры, армия. Если бы мы применили силовые методы, победа была бы за нами. Но ни один член ГКЧП не был готов... даже мысли не имел открыть какие-то действия против людей, как Ельцин в 1993 году расстрелял Белый дом. Мы патриоты, мы болели за Родину.

— *И все-таки жертвы были.*

— Жертвы были уже после нашего совещания, когда приняли решение вывести армию и танки из Москвы. Дали команду на вывод, но эти ребятишки бросились на уходящие танки, их стали закрывать, поджигать, закрывать смотровые люки, бросать горючую смесь в бронемашину... Ельцину и его окружению нужны были какие-то жертвы, чтобы представить нас потом предателями, и поэтому вдогонку уходящей технике были брошены эти ребятишки.

— *Что вы делали, когда стало понятно, что ГКЧП придется распустить?*

— 21 августа я уехал из Кремля на квартиру к другу, он в Москве жил. Несколько человек из нас были народными депутатами, и наш статус не позволял нас арестовать. В это время собрали президиум Верховного совета — я по телевизору смотрел эту комедию. Председатель спросил, кто за то, чтобы лишить нас депутатских полномочий, — никто руку не поднял. Спрашивает, кто против, — снова никто руку не поднял. Говорит, принято единогласно. После этого я сразу позвонил в Генпрокуратуру, сказал, что я нахожусь здесь, в Москве, назвал адрес. Меня ведь искали в Тульской области, объявили, что я сбежать чуть ли не в Китай. Я сказал в Генпрокуратуре, что готов к аресту, за мной подъехали и меня забрали в

прокуратуру. Потом был допрос и арест.

Ночью нас отвезли в тюрьму города Кашин, там мы сидели недели две. Потом ночью вывезли в «Матросскую Тишину». Держали всех отдельно, другие заключенные к нам нормально относились. Мы же не бандиты какие-нибудь, мы шли на смертельный риск, чтобы спасти государство от чудовищных экспериментов, которые проводил Ельцин и которые идут до сегодняшнего дня. Почти через год меня выпустили, вернулся домой и сразу восстановился в Компартии.

— *Поддерживаете ли сейчас отношения с другими участниками тех событий?*

— Да, общаемся, конечно. Сразу после того как меня выпустили из «Матросской Тишины», ко мне домой сразу приехала Людмила Зыкина поддержать меня. Общались с Павловым, с Янаевым, с Крючковым, общаемся с Язовым. Нечасто, но общаемся. Общались с генералом Варенниковым, со многими...

А вот Борис Громов, который некогда подписал «Слово к народу», перешел на сторону власти. Бывает. Вроде бы офицер, а вот как люди меняются...

— *Если бы у вас была возможность теперь сделать выбор еще раз, зная все последствия — вступили бы в ГКЧП повторно?*

— Немедленно повторил бы свой выбор, не задумываясь ни секунды. Тем более что эти годы подтвердили, что мы были правы. Мы были, как говорят, движимы одной целью — сохранить страну, сохранить Конституцию и действовать в рамках закона. Сувереном власти является народ, и народ на референдуме сказал — быть СССР.

Источник: Газета. ру, автор — Екатерина Винокурова

Александр Тизяков

Тизяков Александр Иванович. Родился 10 декабря 1926, в деревне Новоиванеево, Татарской АССР.

В 1943–1950 годах служил в армии. Трудовую деятельность начал в 1950 году шофером. В 1958 году закончил Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова.

С 1956 года работал в НПО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина» (Свердловск): технолог, секретарь парткома НПО, главный инженер, генеральный директор.

Александр Тизяков в 1989 году был президентом Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (АГО), которая, однако, не была зарегистрирована Минюстом СССР.

Вице-президент Научно-промышленного союза СССР (1990–1991), президент Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (до 1991).

В июле 1991 года подписал обращение «Слово к народу». Член ГКЧП. Член КПСС до 1991 года (постановлением Бюро Президиума Центральной ревизионной комиссии КПСС за организацию государственного переворота из партии исключен). Прокуратурой СССР по обвинению в антигосударственном заговоре в отношении Тизякова А. И. возбуждено уголовное дело, произведен арест. Обвинялся по статье 64 уголовного кодекса РСФСР (измена родине). Адвокат — Юрий Поздеев.

Амнистирован в феврале 1994 года. На 2001 год, по информации базы данных Marmozsoft, А. И. Тизяков является соучредителем АОЗТ «Антал» (машиностроение) и страховой компании «Северная казна». Кроме того, является учредителем ООО «Видикон» (производство ДСП) и компании «Фиделити» (производство товаров народного потребления).

Член КПРФ (состоит в Кировском местном отделении КПРФ города Екатеринбурга)

Член ГКЧП (отрывок)

...Хорошо помню тот день. 19 августа, как обычно, я встал очень рано — не было и шести. Выгулял собаку. Накормил кошку. А пока возился с завтраком, включил на кухне радио. И — медленно опустился на лавку.

Обращение к советскому народу... Заявления Председателя Верховного Совета СССР и советского руководства... Обращение к главам государств, правительств и Генеральному секретарю ООН... Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР... Михаил Горбачев болен и не может исполнять свои обязанности... Власть временно переходит в руки вице-президента Геннадия Янаева и ГКЧП... В Москву входят танки... Проявляйте спокойствие и выдержку... А потом — «Лебединое озеро».

Сердце сдавило от недоброго предчувствия. Кровь стучала в висках отбойным молотком. И — полная растерянность: «что же будет с Родиной и с нами?» А когда ехал в автобусе на работу, в переполненном салоне висела вязкая и гнетущая тишина. Народ, конечно, тоже все видел, слышал и теперь молча думал об одном: чем все это закончится?

День прошел, как в тумане. Все шушукались, что-то обсуждали, в десятый уже, наверное, раз смотрели по телику изложение документов ГКЧП, а женщины даже голосили: лишь бы не было войны...

Где-то часов в 17, кажется, по «ящику» стали показывать знаменитую пресс-конференцию, которая состоялась в пресс-центре МИД СССР с участием членов ГКЧП Г. Янаева, О. Бакланова, Б. Пуго, В. Стародубцева и А. Тизякова. Говорил в основном, силясь скрыть свои трясущиеся руки, вице-президент страны. И тут последовал вопрос одного из журналистов: есть ли сегодня конкретная программа возрождения экономики? Отвечать вызвался наш земляк.

— Ни для кого не секрет, — сказал А. Тизяков, — что перестройка не дала тех результатов, которые все ожидали. Отечественная экономика находится в тяжелейшем положении, идет спад производства, он обусловлен целым рядом факторов, однако нельзя сбросить со счетов и то, что перестройка осуществлялась в таких масштабах. Сегодня разорваны связи между предприятиями. Негативную роль сыграло закрытие ряда республиканских и региональных границ. Предприятия начали пробуксовывать, останавливаться... Вот та ситуация, которая сложилась. Она и послужила главной причиной введения чрезвычайного положения.

Наши действия будут, прежде всего, направлены на стабилизацию экономики. От реформ, направленных к рынку, мы не отказываемся. Считаем, однако, что это движение надо будет четче проработать и на более высоком уровне организовать управление...

В целом члены ГКЧП выглядели как-то бледно, даже комично. Но, честно говоря, было как-то не до смеха. Люди не знали, куда себя приткнуть, чем заняться, куда бежать. Вернувшись вечером домой, я не стал отсиживаться в квартире и пошел наверх к соседу Валерке Черняеву (его столичный родственник был высокопоставленным чиновником в КПСС).

Черняев был уже пьян. На столе среди батареи разнокалиберных бутылок и неряшливо, на скорую руку излаженной снеди лежал, отливая черным вороним крылом, настоящий браунинг.

— Ты чего? — с опаской спросил я его.

— Отстреливаться буду, вдруг эти гады за мной придут, — мрачно пообещал Черняев.

— А должны? — поинтересовался я.

— Сейчас можно всего ожидать...

Надрались мы с ним круто и быстро. Особенно почему-то бесило, что среди заговорщиков оказался наш земляк Тизяков. И это ложилось как бы несмываемым пятном на «опорный край державы». Расхрабрившись, мы даже засобирались с Валерием в народное ополчение, чем до смерти перепугали его жену.

И тут ситуация поменялась. По телевизору пошли выступления знатных и уважаемых людей, трансляция митинга на Дворцовой площади в Питере, «к столу» подавались различные комментарии, и мы потихоньку начали трезветь. Несмотря на танки, ситуация стала выглядеть опереточной. ГКЧП словно оправдывался за свои поступки, искал компромиссов с Ельциным, заигрывал с опальным Горбачевым. А ведь государственные перевороты, в которых участвуют высшие руководители правительства, парламента, вооруженных сил, органов государственной безопасности, полиции, как известно, просто обречены на успех. Но эта «хунта», все нагрянувшие события чем дальше, тем больше действительно казались нам бутафорскими, ненастоящими. Похоже, большой беды на сей раз не будет. С этой светлой мыслью мы с Черняевым расстались до утра...

Так и вышло. 21 августа в «закатный» день военного путча площадь им. 1905 года в Свердловске было не узнать. Серую, много повидавшую брусчатку от края до края заполнили люди. Тысячи горожан. Сотни флагов, плакаты. Шел митинг, пульс которого, казалось, слышал весь Свердловск:

хунте — нет, России — да! «Тизякова — под суд!!!».

Эмоции, конечно, били через край. Мы выстояли! Мы победили! И никто тогда не знал, что жить Советскому Союзу осталось считанные дни и месяцы, что Михаил Горбачев будет позорно низложен, что власть в стране, которую не удержал ГКЧП, захватит неустрашимый «борец с привилегиями», всенародно любимый кумир, и многим, пришедшим сюда, уже очень скоро придется туго затянуть пояса и заплатить очень дорогую цену за свободу и демократию...

Как же мог этот грамотный, живший в полном достатке, обласканный наградами и властью человек оказаться среди 12 «патриотов», подаривших обществу известное «Слово к народу», а затем и среди восьми перепуганных «спасителей Отечества»? Что это — жизненная позиция, принципиальность, стремление сохранить Союз или нечто другое, потаенное?

Слышал не раз и не два: мол, его путь в принципе был предопределен, ведь Александр Иванович — дитя и «генерал» ВПК, а эта система воспитывает определенным образом и просто так от себя не отпускает. Ты становишься ее заложником. Согласен. Но все равно должен быть какой-то мотив, импульс, чтобы решиться на столь неординарный поступок?

Сначала мне казалось, что переход советской экономики на рельсы конверсии, посягательство М. Горбачева на незыблемые устои военно-промышленного комплекса и есть тот определяющий момент, с которого начался резкий поворот А. Тизякова вправо...

— А ты не задумывался, — убеждал меня знакомый журналист, когда мы обсуждали эту непростую тему, — почему в дни «мятежа» коллектив, администрация ЗИКа вели себя осторожно и выжидательно? Во-первых, не была окончательно ясна судьба их родного «генерала». А вдруг еще вернется? Тизяков на заводе — и бог, и царь, и герой. Его длань простиралась над всем объединением. Без ведома или согласия директора здесь не решался ни один более-менее серьезный вопрос. Он назначал, планировал, карал и миловал... Во-вторых, многие отлично сознавали: не будет Тизякова — закончится и прежняя сытая жизнь.

Да, ВПК всегда подкармливал своих. Например, только в 1990 году, в эпоху тотального дефицита и пустых прилавков, объединению А. Тизякова «полагалось» 880 холодильников, 913 стиральных машин, 730 телевизоров, 762 велосипеда, 179 электропылесосов, 103 автоприцепа, 269 детских колясок, на 34 тысячи рублей хрусталя, на 13,4 тысячи — мебели, 489 радиоприемных устройств, 1239 микрокалькуляторов, 2240 электронных часов. Плюс видеомагнитофоны, игрушки, светильники, сантехника,

электро— и хозтовары.

В 1991 году Минторг СССР скромно выделил ЗИКу 369 цветных телевизоров, 329 холодильников «Свияга», 32 мотоцикла «Урал», 100 легковых автомобилей...

Сегодня все это вызовет мягкую улыбку, иронию. Но тогда-то все это выглядело коммунизмом на отдельно взятом промышленном предприятии. «Лучом света в темном царстве», от которого тоже хотелось немножко погреться. А сытым коллективом, известно, управлять гораздо легче.

С другой стороны, «вины» генерального директора тут, конечно же, нет, это ведь не выдумка и не блажь А. Тизякова. Такой тогда была политика, узаконенная в масштабах огромной страны.

Стоит ли удивляться, что, к примеру, закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», особенно его неоднозначные, «демократические» статьи о выборах руководителей трудовым коллективом, о контроле за деятельностью администрации, Александр Иванович Тизяков не воспринял. Он ждал совершенно другого! А именно: удастся ли сломать громоздкий, инерционный, пожирающий ресурсы экономический механизм? Но так как этого не случилось, в душе генерального директора, думаю, стала копиться откровенная неприязнь к М. Горбачеву. Более того, это раздражение стало вырываться наружу, требовало каких-то действий.

В этом можно было убедиться, побывав на Всесоюзной научно-практической конференции «Рынок в СССР. Механизм формирования и этапы развития», проходившей в Свердловске. Зал бывшего Дома политпросвещения на 80 процентов был заполнен питомцами военно-промышленного комплекса, которые заочно давали не прибывшим на мероприятие премьеру В. Павлову, академику Л. Абалкину, председателю Госкомцен В. Сенчагову и другим членам правительства, руководителям ведомств свои «практические рекомендации»: ввести в стране железную дисциплину, запретить забастовки, прекратить перестройку базовых отраслей, «упорядочить» кооперативное движение и т. д.

В моих ушах до сих пор стоит шум аплодисментов другой, региональной экономической конференции, разразившихся в ответ на заявление А. Тизякова: «Демократия — это дисциплина. Отечество в опасности!» Явный вызов на бездействие и вялость М. Горбачева.

В декабре 1990 года на Всесоюзном совещании директоров государственных предприятий, которое созвала ассоциация «оборонки», А. Тизяков повторил эти тезисы в своем докладе, но куда более в жестком тоне, по сути, предъявив М. Горбачеву ультиматум. На что растерявшийся

Президент СССР, говорят очевидцы, невнятно возразил: «Вы хотите меня напугать. Не выйдет».

Возможно, именно тогда президент ассоциации предприятий ВПК, выражавший, безусловно, не только свою, а коллективную точку зрения, отчетливо понял: Михаил Горбачев и его политика себя изжили, лидера надо менять...

Помню, в те дни на свердловском ТВ шла интересная передача, посвященная обсуждению экономической программы С. Шаталина — Г. Явлинского «500 дней». Анализ этого документа в прямом эфире делал генеральный директор ЗИКа А. Тизяков. Александр Иванович хладнокровно заметил, что программа «500 дней» — авантюра, блеф и чистейший обман народа. А что было нужно? Что-то ведь надо делать, если кругом карточки, хаос, развал и топтание на месте! Ответ А. Тизякова: мы (ВПК?) говорили Н. Рыжкову, как нужно действовать, мы призывали М. Горбачева прислушаться к мнению практиков, мы настаиваем на рассмотрении и реализации нашей программы стабилизации экономики.

Замечу, это говорил человек, прекрасно знающий себе цену, руководитель, вполне созревший для прямых и откровенных оценок, понимающий, что с имевшимся на тот момент в СССР руководством никакой каши уже не сваришь.

А может, это был зондаж общественного мнения, своеобразная проверка реакции земляков на необходимость смены прогнившего курса, возможность бескровной и «бархатной» революции?

В конце августа-91 все участники «Кремлевского заговора» — вице-президент СССР Г. Янаев, премьер-министр В. Павлов, первый заместитель Совета обороны СССР О. Бакланов, министр обороны Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков, председатель Крестьянского союза В. Стародубцев, А. Тизяков (министр внутренних дел СССР Б. Пуго уже застрелился, маршал Советского Союза С. Ахромеев повесился), а также В. Варенников, А. Лукьянов, В. Генералов, Ю. Плеханов и О. Шенин оказались на тюремных нарах в знаменитой «Матросской тишине». Всем им предъявили обвинение в «измене Родине» и «заговоре с целью захвата власти».

Началось следствие. Во всех смыслах это был уникальный процесс, ведь на скамье подсудимых — в недавнем прошлом первые лица Советского государства! Поэтому группу государственных обвинителей представляли 8 прокуроров. Защиту интересов подсудимых осуществлял 21 адвокат.

В суд предполагалось вызвать около 1000 свидетелей. Предстояло

изучить, проработать и осмыслить почти полторы сотни томов обвинительных материалов...

Через год я поехал в командировку в Москву. Помимо служебного задания, признаюсь, я вынашивал, может быть, и наивную, но очень привлекательную для журналиста идею — попасть в «Матросскую тишину» и взять интервью у нашего земляка А. Тизякова: что он думает о «Кремлевском заговоре»?

Спрашивается: а зачем? Эта цель в те смутные, непредсказуемые дни, если честно, выглядела не очень популярной. Меня могли запросто обвинить в скрытых симпатиях к «путчистам». Однако я четко представлял и другое: российским властям было очень выгодно, чтобы высшие руководители СССР, упрятанные за решетку по смехотворному, не выдерживающему критики обвинению в «измене Родине», вынужденно молчали, не могли сказать настоящую правду о запутанных событиях августа-91 и по-прежнему глухо сидели в камерах. С другой стороны, размышлял я, пока в отношении арестованных не было обвинительного заключения, они ведь не преступники и имеют полное право быть выслушаны обществом!

Поэтому я начал с самых верхов. Звоню первому помощнику Б. Ельцина Виктору Илюшину (когда-то он был первым секретарем обкома комсомола в Свердловске. — С. П.). Узнав о моей просьбе, Виктор Васильевич сухо и неприязненно отрезал:

— Вы позвонили не по адресу. В ход этого следствия администрация президента вмешиваться не вправе. Обратитесь в Генеральную прокуратуру...

Нахожу телефоны приемной Генпрокуратуры, снова представляюсь по форме. Главного обвинителя, пермяка Валентина Степанкова, на месте не оказалось, и трубку взял его заместитель Евгений Лисов. Первые же слова о возможной встрече с А. Тизяковым вызвали у него приступ неподдельного веселья:

— Да вы что, смеетесь? Это же невозможно!

Тогда я стал искать другие ходы. Познакомился с известным адвокатом уральца Юрием Поздеевым. Встретились с ним в каком-то московском скверике, разговорились.

— Юрий Борисович, почему именно вы будете защищать нашего земляка?

— А почему бы и нет? Ко мне обратилась Ассоциация государственных предприятий и объединений промышленности,

строительства, транспорта, связи СССР, президентом которой, как известно, являлся Тизяков. И я согласился...

К слову, Юрий Борисович Поздеев работал тогда в юридической консультации № 10 г. Москвы. Адвокатурой занимался 40 лет. Участвовал практически во всех громких процессах тех лет, в том числе защищал советских граждан, выступивших в 1968 году против ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию, имел прямое отношение к делу бывшего зятя Брежнева Ю. Чурбанова и т. д.

— *Где находится сейчас ваш клиент?*

— Там же, где и остальные организаторы августовских событий, — в 4-м следственном изоляторе в Москве. От отделен от «Матросской тишины», имеет собственного начальника и свою охрану — крепких ребят в пятнистой униформе. Внешняя охрана вооружена автоматами, внутри — без оружия, как и принято в подобных учреждениях мира. Условия содержания — нормальные. Александр Иванович «живет» в комнате на двух человек.

— *В комнате или камере?*

— Думаю, это можно назвать комнатой...

— *Как выглядит Тизяков? Испуган? Растерян?*

— Вовсе нет. Держится очень спокойно, улыбчив. Мы быстро нашли с ним общий язык.

— *Что же ему вменяется в вину? Измена Родине?*

— Организация заговора с целью свержения законной власти...

— *Вы с этим согласны?*

— Чепуха! В теории права по этому вопросу — полный хаос. И суду еще предстоит разобраться, как старые нормы применить к новым отношениям.

— *Кто-нибудь из родных и близких бывает у вашего подзащитного?*

— Это сейчас исключено. Полностью...

— *Встречаетесь ли вы с адвокатами других гэкачепистов, есть ли какая-либо общая линия защиты?*

— Конечно, видимся, общаемся. Но заглядывать пока вперед не беремся. Это дело займет, думаю, немало времени.

— *Один из героев известного американского писателя Э. Гарднера считает, что адвокаты — инженеры машины правосудия, что у них очень много общего с врачами: медики свою жизнь посвящают тому, что облегчают страдания человеческого тела, а адвокаты снимают муки человеческого разума...*

— Действительно, и у врачей, и у нас главный профессиональный

принцип — «не навреди!».

— Но ведь защитник должен быть психологом... Как вы считаете, не сожалеет ли Тизяков о содеянном?

— Сожалеет? Не думаю. В разговорах со мной он не раз говорил: страна находится в кризисе, экономика разваливается, и он исходит из того, что экономическую жизнь надо возродить, воспрепятствовать всеобщему хаосу...

— Даже путем насильственного отстранения Президента СССР от власти?

— Вы знаете, Тизяков о многом мог просто не знать. К примеру, 18 августа он не летал, как некоторые, в Форос к президенту Горбачеву, не принимал участия в некоторых акциях заговорщиков. Да и вообще его роль в августовском путче еще не совсем ясна.

— А подпись Александра Ивановича под известным обращением ГКЧП к советскому народу, другие материалы, опубликованные в печати?

— Не знаю. Кроме показаний самого Тизякова, у меня ничего нет. Что касается газетных статей, некоторых интервью, то они бывают и легковесными, и преждевременными. Надо еще посмотреть, какими материалами будет располагать следствие. Там, правда, очень мощная «команда» — около 100 следователей ведут это дело: «копают», ездят по всей стране, собирают факты... Работа нам, повторюсь, предстоит огромная.

— В том числе, видимо, изучаются и документы ассоциации, которую возглавлял ваш клиент?

— Да, это так. Следователи, кроме того, интересуются, кто и что говорит о Тизякове... Такая информация до нас доходит, и мы, понятно, ею обмениваемся.

Тогда-то я и рассказал Ю. Поздееву о своем замысле — возможной встрече с А. Тизяковым. Подумав, адвокат предложил другой вариант: мол, надо подготовить вопросы, которые интересуют газету, а он ему при очередной встрече их передаст, но дальше ручаться не может, как Александр Иванович решит, так и будет...

Через месяц или два, точно сейчас не скажу, мне, уже в Свердловске, приносят как-то пухлый казенный конверт. Без пометок и надписей. Вскрываю. А в нем — рукописные ответы уральского члена ГКЧП на мои вопросы. Вот эта заочная беседа.

— Александр Иванович, я вспоминаю довольно карикатурную пресс-конференцию ГКЧП, в которой вы тоже принимали участие. Известный политический обозреватель А. Бовин тогда напрямую, в лоб, спросил

В. Стародубцева: мол, а вы-то как попали в эту компанию? Мне кажется, данный вопрос можно было задать и А. Тизякову... Между прочим, в книге В. Степанкова и Е. Лисова «Кремлевский заговор», которую публикует «Огонек», говорится, что А. Тизяков прибыл в Москву 18 августа в 9.00 утра...

— Во-первых, с самого начала расследования по «делу ГКЧП» стало модным вносить свою лепту (в виде советов, установок, прямых и косвенных указаний), как надо вести следствие, как именно расправиться с нами, узниками «Матросской тишины». При этом не забывают сослаться на демократию, правовое государство, по сути, наплевав на презумпцию невиновности.

Я, например, не понимаю, когда экс-президент Горбачев, юрист по образованию, заявляет: «Они (то есть члены ГКЧП) толкали страну, народ к катастрофе и за это должны отвечать». Тем самым он уже определяет за суд нашу вину, как бы дает указание прокуратуре — засадить их в тюрьму. И надолго!

Но большинству населения бывшего СССР известно, почему Горбачев делает эти и другие заявления, почему в свое время даже создал личную комиссию по расследованию «заговора», постоянно оказывая давление на следствие и будущих судей. Неспроста! Ведь Горбачеву надо во что бы то ни стало переложить ответственность за развал могучей державы, ее экономики, за братоубийственные войны, которые все расширяются, за миллионы беженцев, невиданное обнищание народа на других, вот почему он юлит, ищет, так сказать, «козлов отпущения».

Во-вторых, о книге, которую сочинили Генеральный прокурор России и его заместитель. Какая здесь корысть? Это беспрецедентный случай в мировой практике! Дело еще не закончено, расследование продолжается, а Степанков и Лисов пишут книгу, излагая на случившееся свою точку зрения (хотя они — не рядовые сотрудники правоохранительных органов!), навязывают вывод, определяют степень виновности людей, которые виновными себя никак не считают...

Да, в соответствии со ст. 139 УПК РСФСР, материалы следствия могут быть преданы гласности с разрешения следователя или прокурора. Но Степанков и Лисов забывают, что есть и ст. 13 того же кодекса, где сказано: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления... иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом».

Спрашивается: кто же дал прокурорам, высоким должностным лицам, которым государство платит зарплату за выполнение функций контроля за соблюдением законодательства, право решать за суд: виновен я или нет?

Или оговаривать (предлагать)... сроки заключения?

Нас это не удивляет, ибо генпрокурор узурпировал в «деле ГКЧП» все и вся, выступая един в пяти лицах, — возбудил дело, арестовал «заговорщиков», взялся надзирать за ходом процесса, руководит следствием, подменяя суд, и определяет наказание. Я думаю, что, используя правовой хаос, игнорируя профессиональную этику, Валентин Степанков с замом решили просто подзаработать. А одновременно — выполнить политический заказ организаторов «дела ГКЧП»: сформировать определенное общественное мнение, оказать прямое давление на людей в судебных мантиях в предстоящем политическом шоу.

В-третьих, я приехал в Москву действительно 18 августа, но вовсе не с целью «вступить» в ГКЧП, о чем я так же, как и вы, узнал 19 августа 1991 года. Мне было необходимо встретиться с премьер-министром СССР Валентином Павловым по поводу подготовки и проведения Всесоюзного собрания директоров (11–12 сентября в г. Свердловске), работы госпредприятий в 1992 году.

Сначала я собирался лететь в столицу 20 августа, но узнал, что Павлов изменил сроки выезда в командировку (Кузбасс, Казахстан) именно на этот день. Я, разумеется, отправился пораньше, в воскресенье, чтобы утром в понедельник, 19-го, попасть на прием к Павлову, а вечером возвратиться домой.

Что касается домыслов Степанкова, то возникает законный вопрос: если меня и Василия Стародубцева предполагалось заранее ввести в ГКЧП СССР, то почему руководство страны не вызвало нас на известное совещание 18 августа, как, например, Лукьянова и Бессмертных, которых спешно доставили авиацией из Валдая и Минска?

В-четвертых, в материалах дела нет сведений о том, кто и когда предложил ввести меня и Стародубцева в состав ГКЧП. Ясно другое: нас туда засунули (в духе старых традиций) как представителей общественных организаций — видимо, для «веса», придания Комитету определенного демократического фона.

Другой вопрос: а почему мы не отказались участвовать в работе ГКЧП? Это интересует и следствие. По существу, мы со Стародубцевым не являлись членами Комитета, поскольку никто не освободил нас от прежних должностей и обязанностей, то есть мы были временными «фигурами», без каких-либо властных полномочий и государственных портфелей.

Кроме того, в соответствии с КЗоТом вице-президент и премьер-министр страны имели право привлекать нас временно к работе Комитета и без нашего согласия. А меня — тем более, так как я являлся генеральным

директором крупного производственного объединения, имевшего контракт с правительством СССР. При невыполнении его условий Павлов имел полное право расторгнуть контракт, уволить меня с работы.

В-пятых, Президентом СССР, Советом министров я постоянно привлекался в различные комитеты, комиссии, выполнял те или иные поручения. И вот меня вводят в состав еще одного органа — это не вызвало у меня какого-либо недоумения. Я не мог не поверить, в отличие от других, и в болезнь Михаила Горбачева. Ведь он мне лично в перерыве заседания правительства СССР 3 августа 1991 года, а затем за неделю до разыгравшихся событий сообщал, что чувствует себя очень плохо.

Или говорят, что чрезвычайное положение в отдельных регионах страны, которое было введено без ведома Горбачева, незаконно. Как же так? Я собственными ушами, неоднократно, из уст самого президента слышал, что если нужны чрезвычайные меры, то на это надо идти. О ЧП твердилось в печати, в Верховном Совете СССР, на любом, образно говоря, перекрестке. Почему же этот вопрос должен был мне показаться тревожным, не отвечающим ситуации в Союзе?

Добавлю, что проблему чрезвычайного положения готовилась обсудить сессия ВС 26 августа. Комитет конституционного надзора СССР в своем заявлении не опротестовал действий советского руководства. Генеральные прокуроры СССР и России дело о путче возбудили не 19 августа, а, как видно из документов, — лишь 22-го...

Словом, в правомерность августовских событий поверил не только я, руководитель предприятия, а даже такие лица, как Александр Бессмертных, первый заместитель Генпрокурора СССР Васильев, первый зам. министра внутренних дел Шилов и другие, заявившие, что не видели и не находили ничего странного, противозаконного ни во введении ЧП (это разрешает Конституция и специальный закон), ни в образовании ГКЧП (данный орган также может быть создан президентом страны).

В-шестых, вспомним: какие документы были приняты новым руководством 18 августа — указ Г. Янаева, заявление... И так далее. Они появились в свет в 6 часов утра 19-го. Я же был впервые приглашен на заседание вице-президентом только в 14.00 в понедельник. Какое же отношение я имею к «государственному перевороту», происшедшему в ночь с 18-е на 19-е августа? Никакого! Ибо я даже не принимал участия в подготовке документов, их не подписывал, не был введен в состав ГКЧП.

Отсюда вывод: уголовных деяний я не совершал, в тюрьме меня держат исключительно по политическим мотивам!

Очевидно, меня заперли в «Матросскую тишину» потому, что я

возглавлял крупную общественную организацию, которая с первого дня своего рождения (для чего и создавалась) занимала довольно жесткую позицию по недопущению развала государства, экономики, ухудшения жизненного уровня народа. Кое-кому это явно не нравилось, — и тогда, и сейчас. Я больше скажу. Моя позиция — проводить реформы на базе новых рыночных отношений — определилась много лет назад, раньше, чем об этом открыто заговорили в бывшем СССР. Например, еще в 1987 году я написал статью о переходе к рынку, но тогда наши газеты ее отказались печатать! Почему? Наверное, оттого, что я и мои коллеги по ассоциации исходили из иных посылок: рынок должен улучшать жизнь людей, а не уродовать ее, как сегодня. В этом ключе мы разработали и предложили правительству свою программу перехода страны к рыночным отношениям. 12–14 июня 1990 года (на специально созванной конференции по рынку, которая проходила в Свердловске) обсудили ее. Представители более 140 регионов страны поддержали эту программу. Что здесь дурного?

— *Давайте все-таки уточним: где и при каких обстоятельствах прошел ваш арест?*

— Меня «взяли» в третьем часу утра 22 августа, по прилете из Крыма, в аэропорту «Внуково-2». И с той самой минуты, считаю, в отношении меня стали творить настоящий правовой беспредел.

Начну с того, что Иваненко, в ту пору — председатель КГБ России, арестовывал меня без предъявления санкции прокурора и составления протокола, что является грубейшим нарушением закона: ст. 54 Конституции СССР, ст. 52 Конституции России и ст. 11 УПК РСФСР. Постановление о моем аресте я увидел лишь в январе 1992 года — при изучении дела. И представьте: я, оказывается, отказался от ознакомления с вышеназванным документом! Нет, постановление об аресте мне не предъявляли в течение целого дня 22-го, когда я находился на территории санатория «Сенеж» Солнечногорского района Московской области, хотя еще утром представитель Прокуратуры РСФСР проводил у меня личный обыск в присутствии понятых. Я не увидел постановления и тогда, когда начались допросы. Его просто не было в природе!

23 августа, ночью, меня перевели в Кашинский изолятор Тверской области, а 26-го — в «Матросскую тишину». И пусть люди рассудят, законно ли я «живу» в тюрьме, ибо постановление об аресте в деле появилось вдогонку, позже, вместо протокола об аресте — справка о задержании, подписанная, кстати, не Иваненко, а работником МВД России аж... 18 марта 1992 года, то есть спустя семь месяцев после моего ареста!

— *Читая материалы по «делу ГКЧП», что-то много встречаешь*

несуразностей, ошибок следствия, предвзятости Прокуратуры РФ...

— Нарушений действительно много. Возьмем только срок содержания под стражей. После двух месяцев, разрешенных законом, 23 октября 1991 года следственная бригада меня из тюрьмы не выпустила. 17 июня с.г. закончился срок содержания под стражей, разрешенный на период следствия санкцией Генерального прокурора России. 18-го, согласно статье 11 УПК РСФСР, я должен был выйти из заключения. Увы... Так что не верьте, что мы живем в правовом государстве!

— *Александр Иванович, расскажите, пожалуйста, о буднях «Матросской тишины»...*

— Самым тяжелым для тех, кто находится в этой тюрьме, является отсутствие пространства. А если знаешь, что не виновен, что сидишь незаконно, — трудно вдвойне. Ты тут бессилен, замурован, словно в склепе, нет дневного света — днем и ночью горит электричество.

Распорядок четкий: подъем в 6 часов утра, затем завтрак, прогулка (один час двадцать минут). В 10 часов начинается ознакомление с материалами дела в специально оборудованных кабинетах. Затем обед, ужин (между ними — свободное время), в 22 часа — отбой. Если проводится следствие, то до 18.00. Утром я обычно делаю зарядку — 40–50 минут, и на прогулке выполняю отдельные упражнения. В остальное же время работаю, много пишу.

Добавлю, что в питании заключенных, конечно же, разносолов нет, но оно достаточно калорийное — в пределах утвержденной несколько лет назад Николаем Рыжковым нормы на одного человека в день: хлеб — 500 г, мука — 10 г, крупа — 120 г, мясо — 100 г, рыба — 100 г, жиры — 40 г, сахар — 30 г, картофель — 500 г, овощи — 250 г. Из этих продуктов в тюремной кухне готовят супы, борщи, каши, гуляши, компоты. Выручает и тюремный магазин, где подследственные два раза в месяц, без очереди, по приемлемым, но рыночным ценам, могут купить себе 100 г чая, 1 кг сахара, 500 г масла, 500 г конфет «Динамо», 1 кг печенья «Овсяное», 10 пачек сигарет «Краснопресненские», 10 коробков спичек. Свидания с близкими (не более двух взрослых родственников) — один раз в месяц по разрешению следователя. Положены и ежемесячные передачи: или сразу весом 12 кг, или дважды по 6 кг.

Кроме того, с 14 января по 12 марта с.г. я знакомился с материалами дела. С 12 августа прокуратура снова возобновила следствие, но я отказался в нем участвовать. И так поступили все. А следственная бригада добавила к имеющимся 125 томам еще 15. Так что с середины сентября и до 23 октября пришлось-таки снова знакомиться с делом, кое-что попутно

перечитывая из старого «досье». А теперь занимаюсь анализом материалов, изучаю право, подготовил статью для средств массовой информации. Рабочий день длится порой 12–13 часов. Привык. Такой режим установился у меня с первых дней заточения. Да и как иначе? Постоянно нужна информация из газет, радио, недавно даже разрешили смотреть телевизор. В камере со мной обычно находится еще человек или два. Главное — не распускать себя, не терять силу воли, бороться всеми возможными средствами. Пока это мне удается.

— *Вы одним из первых прочитали тома следствия по делу. Каковы ваши впечатления? Все ли отражено так, как было на самом деле? Что, на ваш взгляд, остается «за кадром» или «недоговаривается?»*

— Наше дело, конечно, неординарное. В практике СССР подобных еще не было. Полтора тома! Если говорить о моей точке зрения, то красная цена этому делу (по объему) — 45–50 томов, не больше. А остальное — ненужная макулатура, натащенная, видимо, для того, чтобы показать проделанную «работу», ее «громкость», значимость, убедить в этом суд, если он, конечно, когда-нибудь состоится.

Есть много четких и нелюбопытных вопросов, которые стоят перед организаторами нашего дела, но чем дальше события 1991 года, тем труднее будет им отвечать. Известно, например, что отечественное судопроизводство стоит на четырех «китах» — объект и субъект преступления, объективная и субъективная сторона преступления. Если не хватает хотя бы одного «кита» — нет и преступления.

А что вменяют нам, «заговорщикам»? Смещение Президента СССР, образование ГКЧП с передачей ему всей полноты власти в стране (захват власти), чем мы-де посягнули на государственность.

Стоп. 19–21 августа 1991 года никто ни у кого власть не захватывал. Во-первых, Михаил Горбачев находился в отпуске и, исходя из равенства всех граждан перед законом, работать был не должен, его обязанности в то время исполнял вице-президент (это по Конституции). Во-вторых, все три власти в СССР — законодательную, исполнительную, судебную — никто не упразднял, они функционировали и 19–21 августа, от сельсовета до Кремля. Все работали! В-третьих, не был смещен с поста ни один государственный руководитель.

Что касается объекта преступления — государственности, то ее уже нет: в декабре 1991 года СССР ликвидировался. Бывший президент страны отрекся от кресла, так кто же кого свергал, чью власть мы отбирали? О каком преступлении можно сейчас говорить? Ни о каком. Перед нами — юридический нонсенс.

В отношении меня также не существует ни объективной, ни субъективной стороны преступления. События 19–21 августа проходили независимо от меня, я на них повлиять не мог. Умысла никакого нет. Даже следственная бригада утверждает, что Тизяков в ночь с 18-го на 19-е в Кремле не был, как же я мог осуществить «заговор»?

Я не преступник. Это ясно, как Божий день, о чем уже десятки раз писал и следствию, и Генеральному прокурору России. В ответ же — отписки: «Вашу невиновность может доказать только суд». И все!

— Известно, что за досрочное освобождение из-под стражи Василия Стародубцева хлопотали народные депутаты, адвокаты, пресса, общественность. Чувствуете ли вы подобную поддержку?

— Ну, меру пресечения не изменили не только мне, но и другим. Во-вторых, организаторы «дела ГКЧП» никак не могут свести концы с концами. Не случайно уже третий раз (!) меняется суть обвинения. 23 декабря 1991 года заместитель Генерального прокурора Евгений Лисов прекратил дело «по измене Родине», ибо всем стало понятно, что это — полный абсурд. Зато верхи присвоили себе функции законодателей, вменив нам новую статью. Я и другие «гэкачеписты» обжаловали обвинение. Но лишь через восемь месяцев (!) Генеральный прокурор РФ «прозрел» и отменил постановление Лисова, одновременно создав другую статью УПК, позабыв, что формула обвинения должна точно соответствовать закону, что норму права может изменить или сформулировать только парламент.

Это еще раз говорит о том, что никакого «заговора» и в природе не было. Вот почему мечется из угла в угол Прокуратура России, решая задачу, как побойчее организовать «громкое» дело — особенно сейчас, в сложное время, при напряженной социальной ситуации в стране. Вот почему боятся уменьшить численность нашей «команды», не реагируя на призывы общественности, в том числе — Ассоциации государственных предприятий...

Между тем наше «дело» начинает все больше волновать членов Верховного Совета РФ, многих россиян, жителей СНГ. Разве могут, к примеру, участники Великой Отечественной войны спокойно стоять в стороне, когда их товарищи по окопам — генерал Варенников, главнокомандующий сухопутными войсками, живая легенда, воин, который нес Знамя Победы на известном параде 24 июня 1945 года, маршал Язов, которого зовут «изменником Родины», а он всю жизнь отдал укреплению ее обороноспособности и безопасности, — томятся в тюрьме? Разве это справедливо?

Тех, кого сегодня обвиняют в захвате власти, хотели вовсе не этого,

власти у них было с избытком, речь идет о народе, что с ним стало, о спасении страны.

— *А будь вы премьер-министром, поступили бы так же, как Егор Гайдар, или у вас имеется свой взгляд на переход к рынку?*

— Вопрос, как я понимаю, с подвохом. Опять-таки о власти. Но если бы мне была нужна высокая должность, то я мог ее получить до ГКЧП. Еще в конце 1990 года меня приглашал к себе на работу, на пост первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, Иван Силаев. Это знают все — руководство Ассоциации госпредприятий, коллектив моего родного завода. Я, однако, тогда отказался.

Больше того, моя кандидатура обсуждалась на должность премьер-министра СССР у президента страны, что, кстати, подтверждает бывший советник Горбачева академик Виктор Петраков (см. газету «Труд» от 6 сентября 1991 года). Михаил Сергеевич всерьез зондировал мою позицию, разговаривал со мной. Но я снова сказал «нет». А взамен предложил посмотреть на другого директора, и президент, знаю, вызывал его на беседу, но назначить премьером почему-то не решился, определив того в замы к Павлову. Хотя и это назначение, в конце концов, сорвалось.

Вы спросите меня: а почему, собственно, я «ушел» от очевидной выгоды, столь заманчивых предложений? Ответ очень прост: я не мог изменить и оставить родной коллектив завода, в котором проработал 35 лет, из них 15 — во главе предприятия. Правда, как видно из свидетельских показаний моих бывших сослуживцев, работники ЗИКа неадекватно оценили мою роль и позицию в дни августовских событий, некоторые пошли на поводу у кучки крикунов...

Впрочем, сейчас, наверное, многие убедились в правоте моих анализов и прогнозов по поводу событий в экономике и стране в целом. Я их не скрывал и видел, что нас ожидает, понимал, что не имею права оставить предприятие, трудовой коллектив в столь тревожной и нестабильной ситуации.

Но если исходить из когда-то популярной газетной рубрики «Если бы директором был я...», то скажу: в стратегическом плане, того, что касается реформирования экономики, позиция у меня, как и у многих, одна — надо идти к рынку. Все дело в тактике. Путь, предложенный нынешним правительством России, — это метод одевания штанов через голову. Такой же точки зрения, знаю, придерживаются многие наши и зарубежные специалисты, я с ними абсолютно согласен. Дорогу в рынок следует прокладывать не с «либерализации» и «приватизации», а учитывая наши особые условия, — со стабилизации экономики, создания

многоукладности, надежной правовой базы, инфраструктуры рынка, продуманной налоговой системы и т. д. И только потом браться за приватизацию, вводить конвертируемость рубля, отпускать цены на волю...

— *Россия в очередной раз за свою многовековую историю переживает «смутное» время. И все поняли: так, как раньше, жить больше нельзя. А как надо?*

— Здесь, в тюрьме, я написал статью «Третий год идем к рынку. Но где он?». В ней дан анализ наших ошибок с начала реформ и особенно — допущенных сегодня, при Борисе Ельцине и Егоре Гайдаре. Я внес несколько предложений о том, как выйти из катастрофической ситуации, в которой оказалась наша страна из-за грубейших просчетов в реформировании экономики. Возможно, эта статья будет мне дорого стоить, но я, поверьте, не могу смотреть на то, что вытворяют с нашим народом, традициями, памятью. И поэтому совершенно открыто излагаю свою позицию, даже находясь в «Матросской тишине». Я — реалист. Вести себя как-то иначе я не умею, и в этом весь я, Александр Тизяков...

Источник: Журнал «Урал» 2011, № 8,

автор Сергей Парфенов